

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№10 2021 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

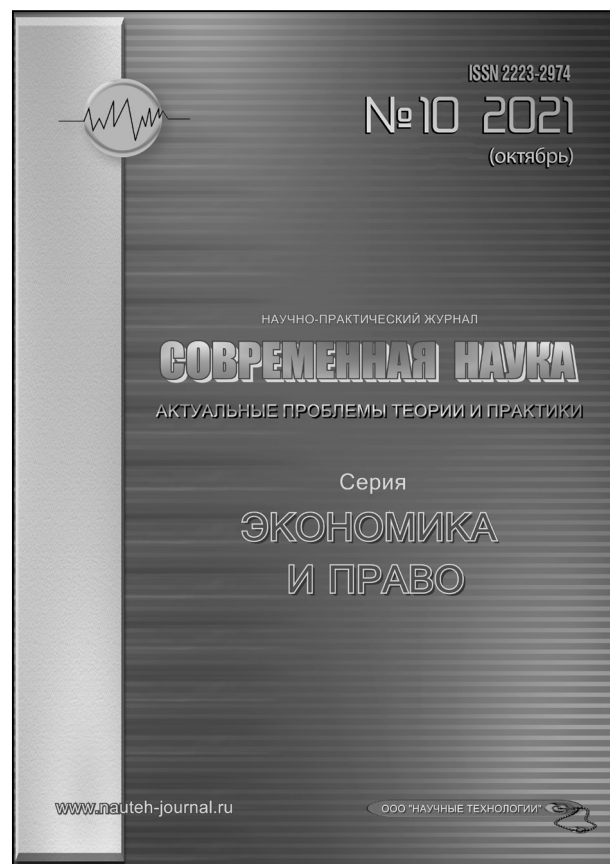
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

**ЭКОНОМИКА,
ПРАВО**

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.10.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

- Арнст А.А.** — Дальний Восток в программах развития транспортно-логистической инфраструктуры: итоги и результаты за 2019–2020 гг.
Arnst A. — The Far East in transport and logistics infrastructure development programs: results and results for 2019–2020. 5
- Боробов В.Н., Миндлин Ю.Б.** — Особенности инфляции и антиинфляционной политики государства в рыночных условиях
Borobov V., Mindlin Yu. — Features of inflation and anti-inflationary policy of the state in market conditions. 9
- Внуковский Н.И.** — Проблемы проектного метода управления в строительной сфере
Vnukovsky N. — Problems of the project management method in the construction sector 18
- Гамсахурдия О.В.** — Совершенствование форм организации лесопользования в современных условиях
Gamsakhurdiya O. — Improvement of forestry management forms in modern conditions 22
- Истомина Н.А., Шеина Е.Г.** — Эволюционная сущность инвестиционного процесса: научно-теоретический аспект
Istomina N., Sheina E. — The evolutionary essence of the investment process: scientific and theoretical aspect 27
- Лукьянова А.В.** — Стратегические аспекты в развитии управления проектами в условиях цифровой трансформации
Lukyaynova A. — Strategic aspects in the development of project management in the conditions of digital transformation 33

- Лукьянова А.В.** — Развитие системы управления проектами на основе цифровых сервисов
Lukyaynova A. — Development of a project management system based on digital services. 36
- Назаренко Е.Б.** — Лесоводственно-экономическое обоснование лесовыращивания
Nazarenko E. — Forestry and economic justification for forestry 39
- Овчинников А.П.** — Проблемы прогнозирования рынка импортозамещающей продукции
Ovchinnikov A. — Problems of forecasting the market of import-substituting products. 44

Право

- Гудков А.И., Красильщиков А.В., Мищенко В.И.** — Особенности совместного завещания супругов и завещательного отказа
Gudkov A., Krasilschikov A., Mishchenko V. — Specific features of the joint testament of the spouses and will of testament 47
- Капустина Л.К., Валькова Т.В.** — Использование видеоконференц-связи при расследовании уголовных дел
Kapustina L., Val'kova T. — The using video conferencing in the investigation of criminal cases. 51
- Козлов А.Г.** — Отсутствие взаимного согласия сторон как условие признания сделки оспоримой в современном договорном праве Великобритании
Kozlov A. — Lack of mutual assent as a condition for recognizing a contract as voidable in modern English contract law 54
- Крыцула А.А.** — Право собственности на водные объекты: сравнительно-правовое исследование
Krytsula A. — Ownership right to water bodies: comparative legal research 58

<i>Ломакина А.А.</i> — Качество и безопасность как основные правовые категории в условиях функционирования общего рынка лекарственных препаратов в Евразийском экономическом союзе <i>Lomakina A.</i> — Quality and safety as the main legal categories in the functioning of the common market of medicines in the Eurasian economic Union	65
<i>Манучарян А.Ю.</i> — Правовой режим электрической энергии как объекта отношений по передаче электрической энергии по электрическим сетям <i>Manucharian A.</i> — The legal regime of electric energy as an object of relations for the transmission of electric energy through electric networks	70
<i>Петрожицкий В.И.</i> — Принцип диспозитивности и процессуальная активность суда в гражданском процессе <i>Petrozhitskiy V.</i> — The principle of dispositivity and procedural activity of the court in civil proceedings	74
<i>Рябова О.А., Кузнецова Н.В., Кузнецова Н.А.</i> — Проблемные аспекты взаимодействия адвокатов и уголовно-исполнительной системы <i>Ryabova O., Kuznetsova N., Kuznetsova N.</i> — Problematic aspects of interaction between lawyers and the penal enforcement system	77
<i>Сафонов В.Н., Петровский Н.К.</i> — Уроки судебной практики распространения положений ст. 76.2 УК РФ на категорию тяжких преступлений <i>Safonov V., Petrovsky N.</i> — Lessons of judicial practice of extending the provisions of Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation to the category of serious crimes	81
<i>Скворцова Ю.С.</i> — Проблемы строительной отрасли в период пандемии коронавируса и правовые решения государства по поддержке застройщиков <i>Skvortsova Yu.</i> — Problems in the construction industry during the coronavirus pandemic and legal decisions of the state to support developers	92
<i>Соколкина М.А.</i> — Судебное усмотрение при рассмотрении семейно-правовых споров о расторжении брака <i>Sokolkina M.</i> — Judicial discretion in the consideration of family law disputes on the dissolution of marriage	98
<i>Шашкин А.А.</i> — Ответственность за нарушения правил использования воздушного пространства <i>Shashkin A.</i> — Liability for violations of the rules for use of the airspace	102
Информация	
Наши авторы. Our Authors	106
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	108

DOI 10.37882/2223-2974.2021.10.01

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПРОГРАММАХ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ИТОГИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЗА 2019–2020 ГГ.

Арнст Андреас Александрович

Преподаватель, АНО ВО
«Институт деловой карьеры», Москва
justwerbung@mail.ru

THE FAR EAST IN TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT PROGRAMS: RESULTS AND RESULTS FOR 2019–2020

A. Arnst

Summary. This article discusses the main results in relation to the development of the transport infrastructure of the Far East, achieved following the implementation of the pilot State Program “Development of the Transport System” in 2019–2020. The study analyzed the official data provided by the Ministry of Transport of Russia, which is responsible for the implementation of this state program. It was found that during 2019–2020, during the implementation of the state program from all regions of the Far East, the assigned tasks were fully fulfilled only in the Sakhalin region. It is concluded that the main reasons for the negative results are insufficient executive discipline in the use of allocated funds from federal sources, as well as ineffective current control during the implementation of projects and activities. This requires the development of effective control mechanisms and securing the personal responsibility of regional and local officials for the successful implementation of projects for the development of transport and logistics infrastructure.

Keywords: Far East, transport and logistics infrastructure, state program, efficiency.

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные результаты в отношении развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, достигнутые по итогам реализации пилотной Государственной программы «Развитие транспортной системы» в 2019–2020 гг. В ходе исследования проведен анализ официальных данных, представленных Минтрансом России, ответственным за реализацию данной государственной программы. Установлено, что на протяжении 2019–2020 гг. при реализации государственной программы из всех регионов Дальнего Востока полностью выполнены поставленные задачи только в Сахалинской области. Сделан вывод о том, что основными причинами негативных результатов выступают недостаточная исполнительская дисциплина при использовании выделенных средств из федеральных источников, а также малоэффективный текущий контроль в ходе выполнения проектов и мероприятий. Это требует разработки действенных механизмов контроля и закрепления персональной ответственности региональных и местных чиновников за успешность реализации проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры.

Ключевые слова: Дальний Восток, транспортно-логистическая инфраструктура, государственная программа, эффективность.

Дальневосточный федеральный округ (далее — ДФО) занимает особое место в региональной структуре Российской Федерации и находится в фокусе внимания различных ветвей власти. Это определяется тем, что Дальний Восток занимает более 40% территории России, но проживает здесь только 5,6% населения страны. Регион богат природными ресурсами, которые предоставляют значительные потенциальные возможности для создания и развития промышленной

базы и организации новых масштабных производств [6]. Наличие естественного транспортного коридора между Европой и Азией предоставляет значительные возможности для эффективного участия регионов ДФО в транспортно-логистических схемах мирового и международного масштаба [5].

Но главными проблемами, сдерживающими реализацию потенциала Дальнего Востока и решения задачи

по его ускоренному развитию, являются его экономическая и инфраструктурная изоляция от остальной части России и наиболее развитых российских рынков, а также низкая внутренняя транспортная связь территории при ее значительных размерах [7]. Поэтому крайне важной видится эффективная реализация государственных программ в области развития транспортной и логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке.

На сегодняшний день основной федеральной программой в данной области выступает пилотная Государственная программа «Развитие транспортной системы» (далее — Госпрограмма), которая реализуется с 2018 года [1]. Данная Госпрограмма имеет комплексный и системный характер, объединяя различные национальные, федеральные и ведомственные проекты в области различных видов транспорта, реконструкции и развития транспортной и логистической инфраструктуры, оказания транспортных услуг, а также повышения комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы в региональном аспекте. При осуществлении Госпрограммы реализуются федеральные проекты (далее — ФП), ведомственные проекты (далее — ВП), ведомственные целевые программы (далее — ВЦП).

Как показывает проведенный анализ официальных данных [3], в ситуации полного финансирования Госпрограммы по отдельным направлениям (подпрограммам) и проектам в ряде регионов ДФО в 2019 году было допущено неисполнение выделенных бюджетных ассигнований, причем в некоторых случаях отклонения составили более 30%.

Наиболее сложной ситуация выглядела в отношении реализации направления (подпрограммы) «Гражданская авиация и аэронавигационное обслуживание» — в масштабе ДФО было освоено только 55% выделенных средств. В отдельных регионах ДФО ситуация выглядела еще хуже, например, Амурская область использовала выделенные средства на реализацию данного направления только на 24%, а Чукотский автономный округ — на 41%. При этом по ряду проектов, несмотря на получение финансирования, вообще не было ничего сделано (например, в отношении реконструкции аэропортового комплекса в г. Зея и посадочной площадки Бомнак в Амурской области, а также реконструкции аэропорта Беринговский в Чукотском автономном округе).

В 2019 году в Республике Саха (Якутия) была освоена только половина средств на реконструкцию и развитие региональных аэропортов (худший результат — меньше 17% от выделенного финансирования на реконструкцию (восстановление) аэропорта Нерюнгри). В Хабаровском крае по этой же программе был освоен

только 41% выделенных средств, а в Амурской области — 56% полученного финансирования.

В Чукотском автономном округе по ФП-Морские порты России было освоено только 2/3 выделенных средств.

В полной мере все запланированное Госпрограммой на 2019 год было выполнено в единственном субъекте РФ, входящем в ДФО — Сахалинской области. Но при этом здесь осуществлялись мероприятия только 2 ВЦП по направлению (подпрограмме) «Дорожное хозяйство».

Анализ официальных данных [4] показывает, что при реализации Госпрограммы и в 2020 году сохранились указанные проблемы. Детальный анализ причин отклонений фактических расходов в разрезе источников ресурсного обеспечения от их плановых значений показывает, что по ряду проектов произошло неосвоение выделенных средств, ввиду несостоявшихся конкурсов на выполнение контрактных работ, расторжению уже заключенных контрактов, в том числе ввиду банкротства организаций и неисполнения условий контракта, несвоевременного освобождения собственниками объектов недвижимости, находящихся в зоне строительства объектов, необходимости корректировки проектной документации с прохождением повторной экспертизы в целях уточнения технических решений, длительным процессом выкупа земельных участков на объектах строительства.

Например, по объекту «Развитие транспортного узла «Восточный — Находка» (Приморский край) подрядчик в лице ООО «Лидерстрой» не представил в полном объеме акты выполненных работ по государственному контракту. Кроме этого, подрядчиком был осуществлен перенос части сезонных работ на 2021 год в связи с поздним предоставлением ДВЖД (филиалом ОАО «РЖД») «окна» для производства строительно-монтажных работ в полосе отвода действующей железной дороги, обусловленным поездной обстановкой и большим грузооборотом порта Восточный, а также неблагоприятными погодными условиями в октябре-ноябре 2020 г.

Как показывает проведенный анализ, даже в ситуации полного финансирования Госпрограммы по отдельным направлениям (подпрограммам) в ряде регионов ДФО было допущено неисполнение выделенных бюджетных ассигнований, причем в некоторых случаях отклонения составили более 30%.

Например, при реконструкции аэропортового комплекса в г. Тында Амурской обл. было использовано

только 30% выделенных федеральных средств. А в Еврейской автономной области в рамках ВЦП-Содействие развитию автомобильных дорог регионального, межмуниципального и местного значения было освоено только 64% выделенных ассигнований.

Необходимо отметить, что, несмотря на объективные трудности, ряд регионов ДФО в полной мере финансировал выполнение запланированных мероприятий по отдельным направлениям (подпрограммам). Например, таковой была ситуация по проектной части по направлению (подпрограмме) «Дорожное хозяйство» в Амурской области, Камчатском крае, Сахалинской области и Чукотском автономном округе.

Финансирование проектной части направления (подпрограммы) «Гражданская авиация и аэронавигационное обслуживание» была полностью реализовано в Республике Бурятия и Чукотском автономном округе. Выделенные финансовые ресурсы для реализации проектной части направления (подпрограммы) «Морской и речной транспорт» была полностью освоены в Чукотском автономном округе, Сахалинской области, Приморском крае.

Процессная часть направления (подпрограммы) «Дорожное хозяйство» была полностью реализована в 2020 году в Республике Бурятия, Забайкальском крае и в Сахалинской области благодаря полному федеральному финансированию. Полностью все выделенные федеральные финансовые ресурсы для реализации процессной части направления (подпрограммы) «Морской и речной транспорт» были освоены в Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае.

Крайне негативным выглядит то, что на протяжении 2019–2020 гг. при реализации Госпрограммы из всех регионов ДФО полностью выполнены поставленные задачи только в Сахалинской области. Но при этом в данном регионе реализуются лишь отдельные федеральные и ведомственные проекты (ФП-Дорожная сеть и ФП-Морские порты России, а также ВЦП-Капитальный ремонт, ремонт и содержание автомобильных дорог общего пользования федерального значения).

Во многом сложившаяся ситуация способствовало тому, что Правительством России в сентябре 2020 года была принята Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года [2] (далее — Национальная программа). Считаем, что данную Национальную программу следует рассматривать именно в контексте изменения приоритетов в отношении транспортно-логистической инфраструктуры ДФО.

Сделать подобный вывод можно на основе изучения ключевых направлений Национальной программы, которыми, в том числе, стали:

- ◆ обеспечение высокой, опережающей динамики в таких сферах как: транспортная доступность и связанность Дальнего Востока со всей Россией;
- ◆ реализация Дальним Востоком в полной мере своего логистического потенциала через развитие дальневосточных портов и Северного морского пути;
- ◆ проведение масштабной модернизации БАМа и Транссиба.

На совещании по развитию Дальнего Востока и Арктики в марте 2021 года Президент России В.В. Путин указал на необходимость «инфраструктурно шивать» дальневосточные территории [8].

Считаем, что только при таком подходе Дальний Восток сможет быть полноценной частью государства и «окном» России в Азиатско-Тихоокеанский регион. В свою очередь, регионы ДФО получают вектор для полноценного и гармоничного пространственного развития именно как единого макрорегиона на основе создания необходимой транспортно-логистической системы.

Таким образом, проведенный анализ показал, что регионы ДФО участвуют в реализации Государственной программы «Развитие транспортной системы», выступающей основной федеральной программой в области развития транспортной и логистической инфраструктуры и имеющей комплексный и системный характер, объединяя различные национальные, федеральные и ведомственные проекты. Но крайне негативным выглядит то, что на протяжении 2019–2020 гг. при реализации Госпрограммы из всех регионов ДФО полностью выполнены поставленные задачи только в Сахалинской области. При этом в данном регионе реализуются лишь отдельные федеральные и ведомственные проекты.

Данные проблемные аспекты указывают на недоработки на региональном и местном уровне, недостаточную исполнительскую дисциплину при использовании выделенных средств из федеральных источников, а также недостаточный текущий контроль в ходе выполнения проектов и различных мероприятий, что приводит в итоге к снижению эффективности при реализации проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры на Дальнем Востоке. Считаем, что эта ситуация требует детальной оценки и изменения за счет разработки действенных механизмов контроля и закрепления персональной ответственности региональных и местных чиновников за успешность реализации проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 20.12.2017 № 1596 (ред. от 30.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы» // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 1. Ст. 340.
2. Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» // *Сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]*. URL: <http://government.ru/news/40487>.
3. Годовой отчет о ходе реализации пилотной государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы» и об оценке ее эффективности в 2019 году // *Официальный сайт Минтранса России [Электронный ресурс]*. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/11/10587?type=11>.
4. Годовой отчет о ходе реализации пилотной государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы» и об оценке ее эффективности в 2020 году // *Официальный сайт Минтранса России [Электронный ресурс]*. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/11/11230>.
5. Гулакова О.И. Оценка эффективности инфраструктурных проектов (на примере ООО «Транснефть-Дальний Восток»): дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2018. 185 с.
6. Попиль В.А. Государственная региональная политика Российской Федерации: территориальный брендинг в современной стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока: дис. ... док. полит. наук: 23.00.02. Владивосток, 2020. 219 с.
7. Сериков С.Г. Управление инвестиционным потенциалом региона (на примере субъектов Дальневосточного федерального округа): дис. ... док. эконом. наук: 08.00.05. Благовещенск, 2020. 166 с.
8. Совещание с членами Правительства (10.03.2021) // *Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]*. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/122/events/65134>.

© Арнст Андреас Александрович (justwerbung@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт деловой карьеры

ОСОБЕННОСТИ ИНФЛЯЦИИ И АНТИИНФЛЯЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

FEATURES OF INFLATION AND ANTI-INFLATIONARY POLICY OF THE STATE IN MARKET CONDITIONS

V. Borobov
Yu. Mindlin

Summary. The scientific article reveals the essence of inflation, the stages of its origin, based on the views of various economic schools. The internal and external factors of inflation, the classification of types of inflation, and the socio-economic consequences of inflation are considered in some detail. A set of anti-inflationary policy measures and methods of regulating inflation is proposed.

Keywords: inflation, economic schools, inflationary processes, prices, demand, supply, inflation factors, balance of payments, public debt, employment, regulatory methods, anti-inflationary policy.

Боробов Василий Николаевич

Д.э.н., профессор, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА имени К.И. Скрябина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
vborobov@mail.ru

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА имени К.И. Скрябина
mindliny@mail.ru

Аннотация. В научной статье раскрывается сущность инфляции, этапы её происхождения, основываясь на взгляды различных экономических школ. Довольно подробно рассматриваются внутренние и внешние факторы инфляции, классификация видов инфляции, социально-экономические последствия инфляции. Предлагается комплекс мер антиинфляционной политики, методов регулирования инфляции.

Ключевые слова: инфляция, экономические школы, инфляционные процессы, цены, спрос, предложение, факторы инфляции, платёжный баланс, государственный долг, занятость населения, методы регулирования, антиинфляционная политика.

В данной статье рассматривается понятие одного из самых противоречивых экономических явлений — инфляция, а также анализируется её влияние на банковский сектор.

Инфляция возникла ещё до распространения бумажных денег и уже тогда имела сильное воздействие на экономику. Сам термин «инфляция» впервые был введён американским экономистом А. Делмаром в 1864 году в период гражданской войны в США, и именно с того времени начинается тщательное её изучение.

За это время различными экономическими школами было предложено множество интересных концепций происхождения, влияния инфляции, а также мер по борьбе с ней.

Проблема изучения инфляции продолжает оставаться актуальной в наше время, поскольку данное явление представляет собой неотъемлемую часть любой рыночной экономики и в той или иной степени присуще любой стране. Инфляция, характеризующаяся высокими темпами роста, может привести страну к глубокому экономическому и политическому кризису, либо привести к краху всей её экономики. Она является многофакторным явлением и затрагивает практически все сферы жизни общества, обостряя социальные противоречия, способствуя росту теневого сектора экономики. Поэтому государству и прочим субъектам экономики важно учитывать инфляционные процессы в своей деятельности, а также проводить эффективную политику, чтобы держать значение инфляции в определённых границах с целью предотвращения её отрицательного влияния

на хозяйственную и социальную жизнь страны, а также возможного извлечения выгоды из данной ситуации.

Целью написания научной статьи является изучение инфляционных процессов, происходящих в нашей стране в данный момент, а также определение её влияния на банковский сектор РФ и его функционирование.

При написании статьи были использованы аналитический метод, а также изучение публикаций и статей по данной теме.

Такое экономическое явление как инфляция напрямую связано с возникновением и обращением денег, а значит, появилось очень давно.

Исторически самым первым типом была именно бумажно-денежная инфляция, однако в истории встречаются также примеры монетарно-денежной инфляции.

К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю приводят довольно наглядное понятие инфляции: «Слишком много денег охотится за слишком малым количеством товаров».

Сам термин «инфляция» (от лат. influtio- «вздутие») впервые был введён американским экономистом А. Делмаром в 1864 году, в период Гражданской войны в США (1861–1865). [2]

Впоследствии это понятие тщательно исследовалось представителями различных экономических течений, вследствие чего выделились три основополагающих теории инфляции, по-разному определяющих её сущность и природу происхождения. Так, сторонники кейнсианства убеждены, что наиболее значительным фактором роста цен выступает чрезмерный спрос на отдельные группы товаров на рынках, что порождает избыточный совокупный спрос. Наиболее известные теоретики: Дж.М. Кейнс, Б. Хансен.

По утверждению сторонников монетаризма (М. Фридмена и других), причина инфляционного лага между деньгами и товарами сводится к чрезмерному увеличению денежной массы. Они руководствуются уравнением обмена $MV=PQ$, которое схематически отражает взаимосвязь таких показателей, как денежная масса (M), уровень цен (P), скорость обращения денежной массы (V) и её количеством в экономике(Q). [4]

Третья теория — теория чрезмерных издержек (представители: Дж.М. Кейнс, У. Торн, Р. Куэн) — состоит в обосновании природы инфляции производственными издержками, которые обусловлены повышением заработной платы и цен на сырьё. Авторы полагают, что определяющим является рост заработной платы, способствующий повыше-

нию товарных цен, что, в свою очередь, влияет на последующее повышение оплаты труда. Это явление экономисты на Западе (П. Самуэльсон, Дж. Гэлбрейт и др.) обозначили как инфляционная спираль «заработная плата — цены». [3]

Таким образом, монетаристы видят причины инфляции в избыточном количестве денежных средств, находящихся в обращении, т.е. считают исключительно денежным феноменом. Сторонники отличных от их теорий основными причинами считают структурные несовершенства экономической сферы общества.

В полной мере инфляцию можно охарактеризовать как обесценение денежных средств, уменьшение их покупательной способности вследствие роста цен, дефицита товаров и услуг, а также снижением их качества. [2]

Главные признаки инфляционного роста цен: длительность, массовость, непрерывность

В основе описываемого явления — диспропорциональность различных экономических сфер: потребления и накопления, спроса и предложения; государственными расходами и доходами; потребностью в денежных средствах и количеством денежной массы, находящейся в обращении. Инфляцию вызывают различные факторы: внутренние и внешние. Ко внутренним факторам относят неденежные и денежные. Поскольку на инфляцию влияет огромное множество различных факторов, ниже перечислены лишь некоторые из них. [3]

К факторам денежного характера относят:

- ◆ дефицит государственного бюджета;
- ◆ дисбаланс финансовой сферы государства, когда Центральный банк вынужден осуществить дополнительную эмиссию банкнот для ликвидации дефицита денежных средств, а коммерческие банки — увеличить выдачи кредитов в наличной или безналичной форме; следствием данного увеличения денежной массы является её обесценение;
- ◆ темпы роста доходов населения превышают темпы роста товарной массы, при этом эффект для экономики может быть как отрицательным, так и положительным, поскольку это может привести и к расширению производства;
- ◆ увеличение скорости оборота денег;
- ◆ рост государственного долга;
- ◆ меры правительства по поддержанию курса нац. валюты, ограничение его от колебаний и т.д.

Факторы не денежного характера:

- ◆ структурные диспропорции в общественном воспроизводстве, финансовая несбалансированность, которая имеет две формы. Первая

форма финансовой несбалансированности материально-вещественного и стоимостного фонда потребления, которая является следствием несоответствия структуры спроса предложению товаров и услуг. Вследствие несбалансированности бюджета государства возникает потребность в дополнительной эмиссии денег. Вторая форма — товарно-денежная несбалансированность фонда потребления — приводит к невыполнению кассового плана и необходимости дополнительной денежной эмиссии. Это результат нарушения баланса материально-вещественной и стоимостной структуры общественного продукта в целом.

- ◆ монополизация экономики;
- ◆ милитаризация экономики;
- ◆ несбалансированность инвестиций;
- ◆ затратный механизм хозяйствования;
- ◆ гос. эк., фин. и налоговая политика и т.д.

Внешние факторы:

- ◆ мировые структурные кризисы (сырьевой, энергетический, валютный);
- ◆ инфляция, «импортируемая» из других стран;
- ◆ нелегальный экспорт золота, валюты;
- ◆ большой размер государственного долга и отвлечение значительных бюджетных средств на его обслуживание (порог экономической безопасности по обслуживанию внешнего долга составляет не более 25% бюджетных расходов);
- ◆ отрицательное сальдо платёжного баланса;
- ◆ увеличение объёмов иностранной валюты и её покупка Центробанком, что приводит к дополнительной эмиссии национальной валюты и другие факторы.[2]

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что инфляция — это сложное явление, на которое влияет множество факторов. При этом следует отметить, что перечень факторов и степень их влияния в стране определяется её отличительными особенностями и социально-экономическим развитием.

Существует множество классификаций понятия инфляции, в зависимости от признака, взятого за основу.

Одна из основных классификаций связана с рассмотренными выше теориями инфляции и основывается на том, факторы какой группы (внешние или внутренние, денежные или не денежные) оказывают на неё преобладающее воздействие. В зависимости от этого выделяют инфляцию спроса и инфляцию издержек, о которых было сказано в первом пункте.

По формам проявления инфляция бывает открытой, которая выявляется в увеличении цен на товары и при-

суща условиям свободного ценообразования, особенно экономики рыночного, и подавленной (скрытой), при которой рост цен на товары и услуги может быть не сильно заметен, а дефицит предложения может быть спровоцирован обесцениванием денежной массы.

В зависимости от темпов роста цен на рынке открытая инфляция бывает:

- ◆ ползучая (умеренная) (не более 10% в год). Этот вид инфляции присущ странам с развитой экономической системой. Считается, что такой тип инфляции не оказывает существенного влияния на состояние в котором находится экономика данной страны, а относительно невысокий (3%) её темп может быть даже использован для стимулирования производства.
- ◆ галопирующая (от 10 до 200% в год). Характерная для стран с переходной экономикой. Оказывает негативное влияние на всю хозяйственную систему страны.
- ◆ гиперинфляция (более 50% в месяц, переводя в исчисление по году, около 1000%). Однако данные темпы являются условными поскольку нужно брать во внимание экономику разных стран. Качественно принято считать, что границей гиперинфляции является состояние национально-го хозяйства, когда денежные единицы прекращают выполнять свои функционал, встречается общественное «бегство» от денежной массы, деструкция финансово-кредитной системы. Такая инфляция разрушительно действует на экономику, является катализатором перехода к обмену по бартеру. [25]

По критерию уровня сбалансированности ценового роста выделяют сбалансированную и несбалансированную инфляцию. При сбалансированном инфляционном процессе ценообразование на разные категории товаров происходит не зависимо друг от друга (при увеличении цен происходит сохранение ценовых пропорций). Однако на самом деле это лишь теоретическая абстракция, поскольку в силу различной эластичности спроса по цене различных товаров их цены меняются по-разному. Более или менее сбалансированная инфляция не опасна для бизнеса. При несбалансированном типе инфляционных процессов, напротив, цены на товары подвержены постоянным изменениям по отношению друг к другу, хотя пропорции различны. [4]

Относительно степени предсказуемости выделяют ожидаемую инфляцию, которую можно предсказать за год и составить прогнозы, которые будут отличаться достаточной степенью надежности и нередко может привести к непосредственным действиям правительства, и неожиданную, которая характеризуется внезап-

ным ростом цен на рынке страны, что не может положительно сказываться на системе налогообложения и обращения денежной массы в данном государстве. В случае наличия инфляционных ожиданий у населения, при неожиданной инфляции, случается скачок роста цен, однако при их отсутствии возможен «эффект Пигу», т.е. стремительный упадок спроса у населения, связанный с ожиданиями на скорое снижение цен, и тогда из-за снижения спроса производитель вынужден уменьшать цену на производимый товар, и всё приходит к равновесию. [26]

Отдельно выделяют такое явление как стагфляция, которое характеризуется одновременным увеличением уровня цен в стране, сокращением объемов производства и, как результат, повышению уровня безработных.

Основные социально-экономические последствия инфляции заключаются в:

1. Падении покупательной способности. Инфляционные процессы создают ситуацию, при которой большая часть денежной массы (населения, предприятий и государства) уменьшаются из-за разницы в номинальном и реальном доходах. Соответственно люди с фиксированным доходом наиболее подвержены негативному влиянию инфляции.
2. Перераспределении доходов и богатства. Таким образом, должники становятся богаче за счёт кредиторов, более того, положительный эффект сказывается и на правительстве, которое накапливает большой государственный долг, поскольку инфляционные процессы позволяют оплачивать долги деньгами, которые обладают более низкой покупательной способностью. В процессе инфляции происходит распределение средств благодаря тем, кто вкладывает денежные средства по фиксированной ранее договоренности — номинальной и долгосрочной, к примеру, процентная ставка за кредит или заработная плата, в пользу тех, кто отсрочивает платежи. Данное перераспределение усиливает неожиданность, и несбалансированность инфляции в целом. Кроме того, в период инфляции возрастает стоимость недвижимого имущества. Можно сделать вывод, что инфляция является катализатором разрыва между слоями населения с разным уровнем дохода, что усиливает противоречия в обществе. [15]
3. Материализации денежных средств. В процессе инфляции происходит рост цен на определенные категории товаров и услуг, которые пользуются большим спросом на рынке. Следовательно многие фирмы и предприятия пытаются стремительно материализовать свои обесценивающиеся

деньги в определенные запасы, что приводит к возрастанию инфляции спроса. [19]

4. Снижении интереса к долгосрочным целям. Складывается ситуация на рынке, когда рост вложенных средств, меньше, чем обесценивание этих вложенных денег. Выгодными могут быть только те инвестиции, рентабельность которых больше, чем темпы инфляционных процессов. Причем наибольший риск обесценивания наблюдается у более долгосрочных инвестиций.
5. Обесценении денежных сбережений.
6. Скрытой конфискация денежных средств и снижение реального процента. Путем взимания налогов происходит скрытая конфискация у населения и предприятий. Это обусловлено ростом номинального дохода, из-за которого налогоплательщики оказываются в группе с более высокой ставкой налогообложения, поскольку при подоходном обложении действует принцип прогрессивности, согласно которому, доходы, выходящие за определённые границы, облагаются сильнее.
7. Ухудшении управляемости экономики. Быстрая изменчивость цен посылает некорректные сигналы потребителю о состоянии рынка, из-за чего он не может принять оптимальное решение. Более того, у людей нет уверенности в доходах, они испытывают затруднения в прогнозировании затрат и прибыли, что приводит к снижению стимулов для предпринимательской деятельности и является катализатором экономической активности.
8. Влиянии на занятость населения. Это хорошо отражает выявленная А.Филлипсом в 1958 г. зависимость, которая прослеживается между уровнями безработицы и заработной платы. При дальнейшей модификации, произведенной представителями американской экономической школы П. Самуэльсоном и Р. Солоу, произошла замена уровня ставки заработной платы на темпы роста цен на категории товаров. Само понятие роста инфляции принято соотносить с высокой, хотя не во всех ситуациях полной занятостью населения и достаточно большим объемом национального производства. Это действует и в обратную сторону, так снижение инфляции в стране чаще всего совпадает со спадом производства и увеличением числа безработных граждан. Данная закономерность может быть определенным образом использована государством как составляющая антиинфляционной политики.
9. Более того, увеличивается спекуляция на ценах, ценных бумагах, процентных ставках и начинает быстро развиваться сектор теневой экономики, с целью избегания налогообложения. Также в пе-

риод инфляции рубль теряет свою покупательную способность и происходит искажение ее реального курса по отношению к валютам других стран.

С другой стороны, инфляционные процессы могут иметь и положительное влияние на экономический сектор. Так, инфляционные процессы способствуют таким явлениям как оживление конъюнктуры и ускорению некоторых структур в экономике. Происходит увеличение деловой активности компаний, связанное с ожиданием роста цен на их продукцию и услуги; рост производства, простиимулированный ростом денежной массы. А увеличение скорости оборота денег может положительно сказаться на работе банковской системы. Кроме того, происходит уменьшение долгов государства, в казну поступают доходы от налоговых сборов. Также в ситуации, когда курс рубля заметно падает возможно удешевление экспортных товаров, что может спровоцировать рост и расширение иностранных рынков по сбыту товаров. В этот же период происходит рост цен на импорт, что приводит к падению конкурентоспособности зарубежной продукции. [12]

Но, с другой стороны, помимо положительных моментов данного процесса, даже умеренная инфляция, которая составляет около 9–12% в год, является угрозой для экономических систем разных стран, так как из-за неконтролируемых инфляционных ожиданий продавцов и потребителей может быть раскручена инфляционная спираль.

Инфляционное таргетирование в России как наиболее актуальное направление антиинфляционной политики

Что касается инфляционных процессов, происходящих в России, можно сказать, что для России характерна открытая, несбалансированная, подкреплённая инфляция, темп роста которой по данным на 2019 г. равен 4%. По состоянию за 2019 г. Россия является 8-й страной в мире по показателям инфляции.

В современное время инфляция стала хроническим явлением рыночной экономики, полностью избавиться от которого невозможно, поэтому задача государства — принимать меры для её сокращения и проводить адаптационную политику.

Существует множество методов регулирования инфляции.

К правовым средствам регулирования инфляции относятся антикоррупционную деятельность, правовой мони-

торинг, который следит за нормотворческим процессом и качеством нормативных актов, регулирующих финансовую, денежно-кредитную, бюджетно-налоговую и другие сферы, а также индексация. Также руководствуясь решениями, которые были приняты Советом Директоров банка России начиная с 27 июля 2020 г. Банк РФ установил ставку рефинансирования соответствующую 4,25%, что было направлено на сдерживание инфляционных ожиданий. [22]

Так, согласно подходу сторонников монетаризма, для преодоления инфляции необходимо уменьшить долю наличных денег в обращении.

До 2014 г. политика Банка РФ считалась денежного таргетирования, которая позволяла держать под контролем динамику денежных агрегатов, особенно М2 и М3, а само денежное регулирование было направлено в основном на их «привязку» к динамике ВВП. Однако недостатком такой политики было то, что так называемое сжатие денежной массы способствовало прекращению роста цен, но и в то же время держало под контролем инвестиции и доходы, из-за чего затруднялось эффективное развитие рыночной экономики и экономический рост. [1] Кроме того, большинство методов монетарной политики воздействия на инфляционные процессы могут быть эффективными только в сбалансированной экономической среде, когда по цепочке производственных связей происходит изменение денежного предложения и затрагивается основная часть производственной отрасли, что на наблюдается в России. [13]

Согласно информации, указанной выше, инфляция в России является многофакторным явлением, поэтому следует брать во внимание не только монетарные факторы. Исследователями было выявлено, что отчётные данные за прошедший период времени не иллюстрирует сильной зависимости инфляционных процессов от увеличения расходов государственного бюджета и денег в предшествующие годы, инфляции было свойственно снижаться. [3]

По этой причине Банк России внес изменения в проводимую политику и осуществил переход к таргетированию в инфляционных процессах и активировал режим плавающего валютного курса национальной валюты, о чём было сказано в проекте «Основных направлений денежно-кредитной политики. По опыту других стран, этот процесс перехода занимает от 3 до 5 лет.

Под инфляционным таргетированием понимается такая разновидность денежно-кредитной политики, при которой происходит процесс выбора определенного показателя инфляции, которое будет представлено в качестве целевого ориентира и использование операционных инструментов ЦБ, наиболее часто встре-

чающихся процентных ставок, что позволит достигнуть ожидаемый уровень инфляции, за который ответственны государственные структуры для достижения запланированного уровня инфляции.[11]

Центральный Банк выделяет следующие основные положения данной политики:

- ◆ поддержание ценовой стабильности — основная цель деятельности ЦБ РФ;
- ◆ ЦБ РФ устанавливает количественную цель выбранного показателя;
- ◆ за достижение целевого показателя несет ответственности ЦБ РФ;
- ◆ процентные ставки выступают в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики;
- ◆ прогноз развития экономики, а также динамика показателей инфляции оказывают сильное влияние на принятие решений о выборе целевого значения;
- ◆ проводимая политика носит открытый характер.

Основной целью данной политики является желание снизить инфляционные ожидания всех субъектов хозяйствования в экономическом секторе благодаря укреплению доверия к проводимой властями и ЦБ политике и, как следствие, снижение реального уровня инфляции.

В настоящее время оптимальной таргетируемой переменной считается ИПЦ, а также показатель базовой инфляции, который рассчитывается как ИПЦ, скорректированный с учётом факторов, не подверженных влиянию ГДКП, таких как цены на продовольствие, на жильё и т.п., что согласуется с мировым опытом. [14] Индекс потребительских цен (ИПЦ) представляет собой отношение стоимости абстрактной потребительской корзины текущего периода к её стоимости за период, который взят в качестве базисного. Состав потребительской корзины регулируется ФЗ-227 «О потребительской корзине в целом и по Российской Федерации».

Что касается горизонта таргетирования (периода, к концу которого цель должна быть достигнута), в нашей стране определяются плановый (от 1 до 3 лет) и операционный (1 год). По мнению авторов, одной из конечных целей Банка России при политике гибкого таргетирования должно стать определение и достижение также стратегического, или долгосрочного (более 3 лет) ориентира, т.к. внутри такого интервала возможен выбор между достижением операционной цели по инфляции и колебанием выпуска. [4]

Таким образом, проводимая на данный момент антиинфляционная политика может быть классифицирована как дефляционная.

Как следует из определения, первопричина инфляции заключается в возникновении диспропорций между различными сферами экономики (спросом и предложением и т.д.). К денежным факторам инфляции относят: дефицит гос.бюджета, неправильную политику доходов, увеличение скорости оборота денег, рост гос. долга и другие. Факторами неденежного характера считают: структурные диспропорции в общественном воспроизводстве, финансовую несбалансированность и монополизацию экономики.

На основании различного понимания экономическим школами инфляции выделяют два основных её вида — инфляцию спроса и инфляцию издержек. По формам проявления инфляция бывает открытой и подавленной, а в зависимости от роста цен — ползучей (до 10% в год), галопирующей (100–200%) и гиперинфляцией (более 50% в месяц или более 1000% в год). По показателю сбалансированности встречается сбалансированный уровень инфляции, при котором стоимость различных категорий товаров меняется в одинаковых пропорциях, и несбалансированной. По предсказуемости выделяют ожидаемую и неожиданную инфляцию. Отдельно выделяют явление стагфляции, что является одновременным повышением уровня цен, уменьшение производства в экономическом секторе и увеличение такого явления, как безработица.

В большинстве случаев инфляционные процессы действуют деструктивно на экономическую и социальную, общественные сферы. Однако при небольших темпах инфляция может оказывать и положительное влияние на экономику страны.

Что касается инфляционных процессов, происходящих в России, можно сказать, что для нашей страны характерна открытая, несбалансированная, подкреплённая инфляция, темп роста которой по данным на 2013 г., равен 6,8%.

Как было сказано выше, инфляция- это многофакторный процесс, и это хорошо видно на примере экономики нашей страны. Так, на возникновение и обострение инфляционных процессов в России в основном оказывают влияние: господство монополий, в частности, связанных с добывающей промышленностью и поставкой газа, непропорциональное развитие экономической отрасли, что ведет к отставанию отраслей потребительского сектора и преувеличенного развития индустрии тяжелой промышленности, инициация инфляционных процессов непосредственно государством, высокие инфляционные ожидания субъектов экономики, девальвация российской национальной валюты.

Основной мерой по борьбе с инфляцией на современном этапе является недавний переход от политики

монетарного таргетирования к инфляционному таргетированию, получившему распространение в большинстве стран с развитой экономикой.

Таким образом, инфляция — это сложный, многофакторный процесс, противоречиво влияющий на экономику, но являющийся неотъемлемой её частью и требующий дальнейшего тщательного изучения с целью достижения лучшей управляемости.

Уникальный характер российской инфляции требует использования особых методов ее регулирования, соответствующих современным реальным условиям хозяйствования. Антиинфляционная программа должна учитывать реальное развитие рыночных отношений, возможность использования рыночных механизмов с участием государственного регулирования.

Цель антиинфляционной политики государства состоит в том, чтобы установить контроль над инфляцией и добиться приемлемых для народного хозяйства темпов ее роста. Попытки справиться с инфляцией путем рестрикционной денежной политики в российских условиях имеют значительно более тяжелые последствия, чем сама инфляция, так как являются тормозом экономического роста, решения социальных задач.

Основным фактором в борьбе с инфляцией являются улучшение общей экономической ситуации в стране, повышение инвестиционной активности, формирование стабильной рыночной инфраструктуры. Сохранение темпов роста экономики на уровне 7–8% требует расширения инвестиций и инноваций для модернизации всех отраслей промышленности, а не только в экспортных отраслях ТЭК. В связи с этим особое значение для экономики приобретает поддержка приоритетных отраслей народного хозяйства, стимулирование диверсификации экспорта продукции, разумная протекционистская политика и политика валютного курса, что будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных товаров.

Большое значение в антиинфляционной политике имеют структурная перестройка экономики и ее приспособление к потребностям рынка благодаря демонополизации и регулированию деятельности существующих монополий, стимулированию конкуренции в производстве, распределении, секторе услуг и т.д.

В сложившихся условиях решающим фактором борьбы с инфляцией будет возможность восстановления государственных структур управления и контроля за ценами и доходами, распределением и перераспределением материальных и финансовых ресурсов при проведении курса на преимущественное применение

свободных рыночных цен. Вместе с тем сохраняется необходимость государственного регулирования цен на энергоносители, продукцию, выпускаемую монопольными структурами, транспортные услуги, услуг ЖКХ а также в процессе ликвидации «ножниц цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию.

Блокировка финансовых факторов инфляции связана с решением проблемы собираемости налогов.

Особое внимание в антиинфляционной политике должно быть уделено совершенствованию налоговой системы:

- ◆ сокращению количества взимаемых налогов и их снижению;
- ◆ пересмотру налоговых платежей, включаемых в издержки производства, которые стимулируют рост цен — отчислений в пенсионный фонд, фонд социального страхования, фонд занятости населения, платы за землю, налога на имущество и т.д.;
- ◆ изменению методики налогообложения;
- ◆ регулированию перераспределительных отношений между бюджетами Федерации и бюджетами регионов.

Важным направлением в антиинфляционной политике являются дальнейшее развитие и государственное регулирование валютного и финансового рынков, а также совершенствование механизма формирования валютного курса.

Основой внешнеэкономической деятельности продолжают оставаться развитие экспорта и укрепление его базы, что требует обеспечения эффективного экспортного и валютного контроля с целью остановить «бегство» капитала за рубеж и обеспечить своевременность и полноту уплаты налогов по этим операциям. Экономика страны нуждается в программе возвращения российских капиталов, а также в привлечении иностранных капиталов для инвестиций. Этому может также способствовать восстановление доверия к банкам и правительству.

Предстоит нейтрализовать внешние факторы инфляции за счет использования налоговых пошлин и развития импортозамещающих производств. Кроме этого, России предстоит преодолеть зависимость экономики, бюджета, валютного курса, ценообразования от внешних факторов, конъюнктуры мировых рынков.

Большое значение для сдерживания инфляции может иметь перестройка экспорта и импорта. Речь идет о переходе с сырьевой ориентации экспорта на технологические

виды продукции, а также отказ от бросовых цен, по которым реализуется отечественное сырье и теряется экспортная выручка на десятки миллиардов долларов в год.

Одну из определяющих ролей в проведении антиинфляционной политики играет Центральный банк Российской Федерации, который осуществляет денежно-кредитное регулирование. Он должен ориентироваться не только на снижение инфляции, но и на более равновесное и стабильное развитие экономики, а также смягчить ограничения денежной массы в обращении и добиваться улучшения ее структуры, поскольку более высокие темпы роста менее ликвидных компонентов денежной массы приводят к ослаблению инфляционного давления, сокращение же объема наличных денег позволяет уменьшить темпы инфляции.

Необходимо прямое управление кредитной эмиссией, направленной на восстановление хозяйственных связей и банковской системы, подъем производства. Для сдерживания инфляции нужна поддержка инвестиционной активности коммерческих банков (хотя бы в рамках льгот *по* созданию обязательных резервов Банка России), как это принято в мировой практике.

Кредитование инвестиционной деятельности должно стать важнейшей стратегической задачей банков.

Важным фактором для борьбы с инфляцией имеет снятие инфляционных ожиданий как у хозяйствующих структур, так и у населения, что в значительной мере может быть обусловлено экономической и политической стабильностью в стране, более взвешенными выступлениями в средствах массовой информации.

Успешное осуществление антиинфляционной политики возможно только на основе разработки нормативных актов, регулирующих все сферы рыночных отношений и безусловного выполнения существующего законодательства.

В странах с развитой рыночной экономикой при регулировании инфляции монетаристские методы в чистом виде используются крайне редко; они, как правило, сочетаются с элементами других теорий: кейнсианской, концепцией «экономики предложений», «структурной инфляцией» посредством макроэкономического регулирования и структурной перестройки экономики, стимулирования производства товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦБ РФ: Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год.
2. Деньги. Кредит. Банки / Белотелова Н.П.: учебник 4-е изд. — М.: 2017. — 400 с. (стр. 119–155)
3. Деньги. Кредит. Банки. / Жуков Е.Ф., Эриашвили Н.Д., Зеленкова Н.М. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: 2018. — 783 с. (стр.278–279)
4. Макроэкономика. Теория. Практика. Безопасность [Электронный ресурс]: учебник / А.А. Анисимов, Н.В. Артемьев, О.Б. Тихонова; ред. Е.Н. Барикаев. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019, 598 с. (стр. 235–270)
5. Деньги, кредит, банки. / Кузнецова Е.И. 2-е изд. — М.: 2019. — 568 с. (стр. 175–204)
6. Агеева Н.А. Таргетирование инфляции: сущность, инструменты, ожидаемый результат // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2019. — № 2. — С. 183–188.
7. Дрючевский Д.В. Инфляция как экономический феномен с позиций различных школ и направлений экономической науки // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. — № 19 (273). — С. 26–31.
8. Статистический анализ индекса потребительских цен Евгенова М.С., 2019 // Студенческий научный форум scienceforum.ru
9. Ершов М.В., Татузов В.Ю., Урьева Е.Д. Инфляция и монетизация экономики // Деньги и кредит. 2020. — № 4. — С. 7–12.
10. Ермоленко О.Д. Возможности перехода к таргетированию инфляции в России: факторы, его ограничивающие // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2020. — № 75. — С. 643–652.
11. Колпакова И., Биляк С., Зедина Ю. Особенности инфляции и антиинфляционных мер в России: новая точка зрения в старой дискуссии // Вестник Института экономики РАН. 2019. — № 4. — С. 111–127.
12. Коровин Е., Горская Е. Инфляция: прогноз благоприятный // Прямые инвестиции. 2019. — № 1 (129). — С. 74–75
13. Кузьмин О. Природа российской инфляции не обязательно требует повышения ставок для борьбы с нею // Ведомости — 2018.
14. Приветкин А.А. Новый взгляд на сущность денег и инфляции Ежегодник «Виттевские чтения. 2018. — № 1. — С. 190–195.
15. Пищик В.Я. Мировой опыт таргетирования инфляции и возможности его использования в России // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2020. — № 3. — С. 62–78.
16. Рыбина С.С. Таргетирование инфляции: проблемы внедрения // Ежегодник Виттевские чтения. 2019. — № 1. — С. 99–100.
17. Рябых В.Н. К вопросу о перспективах регулирования инфляционных процессов в российской экономике. Часть 1. Причины инфляции и особенности инфляционного таргетирования как одной из приоритетных мер управления инфляцией // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. — Т. 109. — № 5. — С. 124–133.
18. Савин А.В. Влияние инфляции на инновационное развитие Российской Федерации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2019. — № 11–1. — С. 54–57.

19. Токаева Т.И. Инфляция и методы её регулирования//Terra Economicus. 2018. -Т. 11. — № 2–3. — С. 31–35.
20. Чаркин А.В. Внедрение гибкого таргетирования инфляции в России//Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2019. -№ 3. — С. 73–88.
21. Экономическая статистика: report.ru
22. Информационный новостной портал: NEWSru.com
23. Новостной портал: vesti.ru
24. Интерфакс новости: interfax.ru
25. Сайт ЦБ: cbr.ru
26. Сайт федеральной службы госстатистики: <http://www.gks.ru>

© Боробов Василий Николаевич (vborobov@mail.ru), Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА УПРАВЛЕНИЯ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Внуковский Николай Иванович

*Д.э.н., профессор, Уральский государственный
университет путей сообщения*

Vnukovsk@ya.ru

PROBLEMS OF THE PROJECT MANAGEMENT METHOD IN THE CONSTRUCTION SECTOR

N. Vnukovsky

Summary. The article presents the main organizational and intellectual problematic issues in the development and implementation of the project management method at enterprises in the construction sector. The specific features of investment and construction projects are identified, the influence of key factors on improving the efficiency of modern construction projects is studied.

Keywords: project management method, investment and construction project, information modeling, system effect engineering, synergetic effect, outsourcing relations, presumption of competence, collaboration.

Аннотация. В статье представлены основные организационно-интеллектуальные проблемные вопросы в развитии и внедрении проектного метода управления на предприятиях в строительной сфере. Выявлены специфические особенности инвестиционно-строительных проектов, исследовано влияние ключевых факторов на повышение эффективности реализуемых современных строительных проектов.

Ключевые слова: проектный метод управления, инвестиционно-строительный проект, информационное моделирование, инжиниринг системного эффекта, синергетический эффект, аутсорсинговые отношения, презумпции компетентности, коллаборация.

В современной российской экономике для повышения эффективности деятельности организаций, компаний и корпораций основное внимание уделяется развитию и внедрению на них проектного метода управления. Методология управления проектами с каждым годом наиболее широко развивается и внедряется на современных предприятиях в различных сферах деятельности. В строительной сфере используют национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 21500–2014 по управлению проектами.

Управление проектами в строительстве — это управление трансформацией материальных, информационных, финансовых, технологических, интеллектуальных и цифровых ресурсов, которые под воздействием процессов управления и синергетического эффекта создают новые уникальные строительные сооружения и модернизированные изделия [2, 3].

Проектное управление сегодня наблюдается в любой современной проектно-ориентированной компании, где систематизируется и повышается эффективность проектной деятельности, степень креативности и реинжиниринга текущих проектных процедур. В бизнесе, именно эффективная реализация проектов — это основа в улучшении организационной бизнес-деятельности в строительной отрасли, в цифровых сферах, благодаря специфике и уникальности настоящего бизнес-строительства.

Эффективность управления бизнес-процессами инвестиционно-строительных проектов заключается в оптимальной координации всех ресурсов проекта с целью повышения качества выполняемых работ, грамотной декомпозиции всего объема работ по проекту с учетом интересов заказчика и исполнителей — участников реализации портфеля проекта. При этом создаются сетевые коммуникационные отношения, внедряются новые информационные и цифровые технологии, ведущие к повышению активности персонала, который является основным участником в управлении строительными проектами. Эффективное управление проектами в строительной сфере основано на компетентности и креативности участников проекта, что является залогом успеха строительных проектов [1, 7].

К особенностям инвестиционно-строительных проектов относятся различные типы проектов, такие как:

1. Инновационно-продуктовые проекты для производства новых строительных материалов, механизмов и оборудования.
2. Производственно-строительные проекты для внедрения инноваций в организации, проектировании и планировании строительного производства.
3. Информационно-технологические проекты для внедрения инноваций в информационных тех-

нологиях, их кастомизации под требования клиентов — заказчиков [10,12].

При реализации всех видов инвестиционно-строительных проектов (ИСП) следует выделить следующие характерные черты:

1. При строительстве происходит перемещение средств производства от одного объекта к другому и создание конкретных объектов недвижимости.
2. Объекты, возникающие в ходе выполнения ИСП оказывают существенное влияние на окружающее внешнее пространство на всю среду с точки зрения развития, создания, урбанизации и модернизации объектов недвижимости, которые в виде обратной связи влияют на совершенствование технологии реализуемых проектов.
3. ИСП обладают длительной окупаемостью и высокой капиталоемкостью.
4. Значительную долю в строительной сфере составляют аутсорсинговые отношения при управлении проектами.
5. Активное развитие при управлении проектами BIM-среды (внедрение технологий информационного моделирования) предполагает формирование механизмов технической интеграции и коллаборации.
6. Инвестиционно-строительные проекты завершаются возведением уникальных сооружений, созданных на базе системного инжиниринга.

При реализации проектов в инвестиционно-строительной области заказчик не обязательно должен быть профессионалом в строительной сфере. Как показывает практика он чаще хороший организатор-инвестор, и для реализации своего проекта использует аутсорсинговые отношения, нанимая через генподрядчика профессиональных высококвалифицированных подрядчиков и субподрядчиков. В целом, проект заказчика — это специфический монопроект, который для каждого подрядчика является также проектом его исполнителя. При этом проект заказчика будет управляться как комплексная программа, состоящая из проектов исполнителей.

Среди ИСП есть благотворительные проекты и государственные проекты для выполнения социальных обязательств, которые являются бездоходными проектами.

Ключевым критерием эффективности проекта является стоимость проекта.

В управлении стоимостью проекта используют моделирование по стоимости ИСП как суммарную стои-

мость всех операций, входящих для создания объекта недвижимости в соответствии с установленными целями проекта заказчика.

В результате возникают несколько современных моделей технологий управления при реализации проектов: экстремальные, интегральные и технологии информационного моделирования проектов [4, 10].

Для всех типов проектов факторы экстремальности, в виде ограничений — это сроки, стоимость и содержание проекта. С точки зрения сроков и стоимости (бюджета) требования понятны, а по содержанию есть множество ограничений: по площади и месту застройки, от климатических, географических и военно-политических условий, а также от кастомизации (требования Заказчика к качеству выполнения и реализации проекта).

Чтобы сократить сроки проектирования и реализации ИСП обычно используют уже стандартные апробированные проектные решения в виде блочно-модульных и серийных изделий.

Важной особенностью реализации ИСП является стыковка готовых проектов по каждому объекту на основе типизации, унификации стандартизации и гибкого взаимодействия всех проектов между собой.

И конечно, для эффективной реализации экстремальных проектов требуются специальные компетентные навыки и умения управленческих кадров.

С развитием технологий информационного моделирования, который в строительной сфере только начинает проявляться в виде интегральных технологий управления ИСП, как интегральное мышление и заказчиков и подрядчиков-исполнителей в виде коллаборации и объединения совместных усилий участников проекта как единой команды в комплексном строительном проекте как к IPD-подходу (Integrated Project Delivery) в технологии реализации ИСП.

Для реализации интегральных технологий управления применяются контрактные альянсинги в виде совместных проектных союзов заказчиков и подрядчиков-исполнителей в проекте на равноправных паритетных условиях [14–15].

На современном этапе с развитием цифровизации при реализации инвестиционно-строительных проектов обширно применяется информационное моделирование для объектов недвижимости по BIM –технологии (Buildings Information Modelling), на платформе которой разработана концепция интегрированных инвестиционно-строительных проектов, в жизненном

цикле которого представлен полный комплекс проекта направленный на повышение эффективности, снижения затрат и уменьшения рисков на этапах планирования, проектирования и реализации строительного проекта. При этом все участники ИСП со стороны заказчика и исполнителей работают в едином информационном пространстве (BIM-пространстве).

BIM методология используется в интегрированной реализации проектов по строительству объектов недвижимости IPD (Integrated Project Delivery) [5, 13]. IPD — проекты разрабатываются на основе самых передовых технологий и информационного моделирования зданий и сооружений.

Таким образом, на современном этапе развивается новая технология управления инвестиционно-строительным проектом. В новых ИСП реализуется информационная модель строительного объекта. Любой новый проект начинается при наличии информационных моделей соответствующих аналогов объектов недвижимости, а также баз и банков данных готовых строительных элементов и набора составляющих для проектных решений.

Сегодня, в связи с развитием цифровой экономики России, представлены новые направления в реализации ИСП, такие как «Цифровое строительство», «Цифровое проектирование», «Цифровой дизайн», «Цифровое управление стоимостью в строительстве» и другие разработки. На платформе цифровизации в деятельности ИСП в строительной сфере добиваются повышенного экономического эффекта путем создания комплексного единого информационного пространства по ценообразованию, регламентам, строительным стандартам, информационному моделированию и другим параметрам [5].

Исходя из анализа ИСП можно отметить следующие тренды развития цифровизации в строительстве и управлении инвестиционно-строительными проектами [7, 10]:

1. Развитие проектного мышления у большинства участников инвестиционно-строительного процесса на основе следующих направлений:
 - ◆ широкое использование партнерских проектов заказчика и подрядчиков-исполнителей стано-

вятся партнерами, заинтересованных в эффективности реализуемого инвестиционно-строительного проекта.;

- ◆ преобразование ИСП заказчика в комплексную программу проектов исполнителей. Каждый из этих проектов реализует свой персональный проект в проекте Заказчика. Такая гармонизация проектов создается на единой BIM-платформе и проект Заказчика становится интеграционной программой по реализации исполнения каждого проекта.
- ◆ переход от локальных систем управления проектами к распределенным и социально-активным системам, происходит плотное проникновение в структуру управления проектами. При этом на базе BIM-технологии выполняются услуги по организации цифровой трансформации в инвестиционно-строительном проекте.

Для достижения целей цифрового строительства необходимо определение стратегии цифровизации путем увеличения скорости цифровой обработки бизнес-процессов организации [5, 7].

Разработка инновационной цифровой стратегии и реализация комплексной программы для соответствующих изменений и преобразований. В результате создаются и развиваются программные платформы, цифровые технологии, от использования Интернета вещей до технологий беспилотной поддержки процессов управления и анализа больших данных (Big Data).

Такие инновации повлияют на результаты ИСП, на повышение его эффективности и качества управления. Сегодня внешняя среда экстремально меняется, и необходимо на базе цифровизации упорядочить изменчивость, для этого, в первую очередь, следует изменять наше проектное мышление и принимать новое проектное мировоззрение, в новой проектной реальности. Поскольку инвестиционно-строительные проекты окружены стейк-холдерами и партнерами-инвесторами, то качество и эффективность строительного проекта Заказчика будет напрямую зависеть от квалификации и компетентности участников-исполнителей данного проекта [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов, Г.Д. Управление проектами организации: Уч. / Г.Д. Антонов, О.П. Иванова, В.М. Тумин. — М.: Инфра-М, 2018. — 64 с.
2. Баркалов, С.А. Управление проектами в строительстве: лабораторный практикум / С.А. Баркалов, В.Ф. Бабкин. — Москва: АСВ, 2013. — 288 с.
3. Васильев, В.М. Управление в строительстве: учебник / В.М. Васильев, Ю.П. Панибратов, Г.Н. Лапин, В.А. Хитров. — СПб: АСВ, ГАСУ, 2015. — 114 с.
4. Внуковский, Н.И. Интеллектуально-организационные проблемы в развитии интеллектуальной транспортной системы // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики, Серия: Экономика и право, — 2020. — № 1. — С. 16–20.

5. Внуковский, Н.И. Цифровая трансформация организаций в современных российских условиях // Н.И. Внуковский, А.С. Колышев. — Современная наука: актуальные вопросы теории и практики, серия: Экономика и право, — 2021. — № 6. — С. 6–8.
6. Внуковский, Н.И. Создание структуры системы знаний стратегической инвестиционной деятельности телекоммуникационных компаний / Успехи современной науки. — 2016. Том 4, № 12. — С. 113–116.
7. Внуковский Н.И. Управление стратегической инвестиционной деятельностью. Екатеринбург, изд. УГТУ-УПИ, 2006. — 140 с.
8. Володин, С.В. Стратегическое управление проектами: На примере аэрокосмической отрасли / С.В. Володин. — М.: Ленанд, 2019. — 148 с.
9. Литау, Е.Я. Финансовое управление развивающимися проектами: Учебное пособие / Е.Я. Литау. — СПб.: Лань, 2019. — 120 с.
10. Малахов В.И. «Современные Технологии Управления Проектами в Строительстве». Москва. 2018 г.
11. Мороз, О.А. Управление проектами в ProjectLibre / О.А. Мороз. — Рн/Д: Феникс, 2018. — 384 с.
12. Поршнев, Н.Г. Управление в строительстве: учебник для вузов / Н.Г. Поршнев. — Москва: ЮНИТИ — ДАНА, 2014. — 583 с.
13. Сетевое моделирование строительных процессов [Электронный ресурс]: Информация с сайта. — Режим доступа: <http://upr-proektom.ru/setevoemodelirovanie-stroitelnykh-protcessov>
14. Соболев, Б.В. Информационные системы в строительстве: учебное пособие для вузов / Б.В. Соболев, А.В. Аграновский. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 122 с.
15. Соснин, Э.А. Управление инновационными проектами: учебное пособие / Э.А. Соснин. — Рн/Д: Феникс, 2018. — 256 с.
16. Хвещкович, О.Э. Экономический анализ вариантов модернизации ИТ-инфраструктуры организации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2009. — № 4. — С. 70–78.

© Внуковский Николай Иванович (Vnukovsk@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный университет путей сообщения

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Гамсахурдия Ольга Владимировна

К.э.н., доцент, Московский государственный
технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)
Мытищинский филиал
Ole4kamoskow@mail.ru

IMPROVEMENT OF FORESTRY MANAGEMENT FORMS IN MODERN CONDITIONS

O. Gamsakhurdiya

Summary. The article examines the existing forms of forest management and their improvement, as well as the system of relations between the owner and users of forests. The foreign experience of forest resources management under different forms of forest ownership is investigated. The introduction of a law on forest reproduction, the creation of a Center for the preservation of natural resources, the introduction of state incentives for ensuring the quality of forest reproduction and strengthening control over forest use and reforestation are proposed.

Keywords: efficiency of forest management, forms of organization and ownership, lease, concession, forest rent, contract system.

Аннотация. В статье рассматриваются существующие формы организации лесопользования и их совершенствования, а также система отношений между собственником и пользователями лесов. Исследован зарубежный опыт управления лесными ресурсами при разных формах собственности на леса. Предложено введение закона о воспроизводстве лесов, создание Центра по сохранению природных ресурсов, введение государственного стимулирования за обеспечение качества воспроизводства лесов и усиление контроля за лесопользованием и лесовозобновлением.

Ключевые слова: эффективность лесопользования, формы организации и собственности, аренда, концессия, лесная рента, контрактная система.

Экономические формы лесопользования, применяемые в настоящее время, представлены в лесном законодательстве в виде: передачи лесов в аренду и договоров купли-продажи лесных насаждений [1].

В России на 1 января 2020 г. на основании 94,4 тыс. договоров в долгосрочное пользование были переданы более 265 млн. га, что составляет 23% площадей земель лесного фонда, из которых:

- ◆ по договорам аренды предоставлены лесные участки площадью 232,5 млн. гектаров,
- ◆ в постоянное (бессрочное) пользование предоставлено 3,3 тыс. лесных участков общей площадью 32,5 млн. гектаров,
- ◆ в безвозмездное пользование предоставлено 4,3 тыс. лесных участков общей площадью 481 тыс. гектаров.

На основании договоров купли-продажи лесных насаждений ежегодно заключается примерно 600 тыс. договоров (сроком до 1 года) без предоставления лесных участков. [2].

Арендная форма лесопользования предполагалась в многолесных районах и сегодня законодательно следует запретить ее распространение на малолесные и среднелесистые регионы, где более эффективной будет форма купли-продажи насаждений на корню на основе краткосрочных контрактов. Объем заготовки древесины в динамике за ряд лет свидетельствует о том, что на долю арендаторов приходится 70% от общего объема.

Анализ арендной формы лесопользования за последнее десятилетие показал, что лесной доход не покрывает расходов на простое воспроизводство древесных ре-

сурсов и тем более на охрану лесов от пожаров, защиту от вредителей и болезней и борьбу с лесонарушениями, включая нелегальные рубки. Исследуя применения различных форм организации лесопользования, необходимо отметить, что они недостаточно ответственно выполняют требования лесного хозяйства и действующего законодательства в части технологии лесозаготовок, в вопросах платежей за аренду, качества лесовосстановления и др. Средства, получаемые от лесопользования, должны покрывать все расходы на воспроизводство лесов и другие лесные цели. Действующий Лесной кодекс РФ обязал арендаторов осуществлять лесовосстановление и уход за лесами на участках, взятых в аренду.

Договора купли-продажи со сроком действия до одного года и краткосрочные договора аренды со сроком от трех до пяти лет не выгодны арендодателю, так как они не отвечают за состояние лесного фонда и тем более — за его восстановление. Получая прибыль, лесопользователи не компенсируют всех затрат по воспроизводству лесных ресурсов и не способствуют повышению эффективности работы лесного сектора. На указанные виды работ приходится около 30% от общего объема лесозаготовок страны. Это значительные объемы, по которым необходимо законодательно утвердить обязательства пользователей-контракторов (которых сегодня можно считать временщиками в лесу) о возмещении в полном объеме затрат на воспроизводство лесных ресурсов и выполнение других лесохозяйственных работ.

Ни в одном документе не обозначена для контракторов связь технологии заготовки древесины с лесовосстановлением. Одновременно, возникает вопрос: как увязать их средства на воспроизводство лесов со способом лесовосстановления, который им не был обозначен. И как они учитывают при заготовке древесины естественную способность лесов к воспроизводству. Ретроспективный анализ показывает в структуре лесного фонда соотношение сохранения естественного подроста с искусственным лесовосстановлением, как 75:25, то есть лесозаготовитель технологию лесосечных работ должен определять в зависимости от перспективного способа воспроизводства лесных ресурсов, указанном в проекте освоения лесов. Ежегодно в лесах СССР при сплошных рубках сохранялось жизнеспособного подроста более чем на 30% вырубаемых площадей. Это было обусловлено тем, что сохранение подроста способствует обеспечению вырубок хозяйственно ценными породами, предотвращает смену пород, сокращает сроки выращивания и период восстановления леса, сокращает объемы искусственного лесовосстановления [3].

В современных условиях основными направлениями совершенствования технологии естественного возобновления леса являются:

- ◆ согласование проектирования лесных машин с лесоводами;
- ◆ повышение квалификации лесных работников;
- ◆ совершенствование технологии лесосечных работ (разработка лесосек методом узких лент, трелевка деревьев за вершину и т.п.);
- ◆ совершенствование лесного законодательства и соответствующих нормативно-правовых актов.

В настоящее время имеются сторонники замены арендной формы лесопользования на концессию, правовые основы которых изложены в Гражданском кодексе РФ [4]. В действующем Лесном кодексе концессия как форма лесопользования, так и не была предложена, несмотря на многочисленные попытки сторонников концессии обосновать ее преимущество тем, что «концессия — вариант сохранения собственности» [5].

В современных условиях принятие законодательно концессий как формы организации лесопользования возможно только при наличии крупных инвесторов и при подготовке нормативно-правовых актов для осуществления концессионной деятельности. С этой целью предлагать создать Центр по сохранению природных (в том числе — лесных) ресурсов, который будет заниматься вопросами использования ресурсов и разработкой нормативно-правовой документации.

Лесные специалисты считают, что на улучшение экономической составляющей арендной формы лесопользования может оказать влияние увеличение срока аренды, позволяющее арендаторам получать долгосрочные кредиты для развития производства и взаимодействия лесозаготовительной и лесохозяйственной деятельности.

Организация управления лесными ресурсами зависит от принятого лесного законодательства в стране и системы отношений между государством и лесопользователями, включая арендаторов. Арендные отношения в России формировались на основе изучения зарубежного опыта других стран, например Канады. Кроме того, зарубежный опыт показывает, что организация использования лесов должна быть построена таким образом, чтобы обеспечить эффективность лесовосстановления и компенсировать затраты на него, уход за лесными насаждениями и другие мероприятия в течение всего срока выращивания лесов.

Канада считается крупнейшей лесной державой, где площадь лесов составляет 45% территории страны при запасах древесины почти в 20 млрд. м³, а 93% лесных земель принадлежит государству. Лесной сектор страны отличают передовые технологии, организация управления, экономические требования к лесозаготовкам.

Провинции Канады владеют и управляют природными ресурсами, включая лесные, которые находятся на их территории.

Организация лесопользования и воспроизводства лесов осуществляется на основе лесного законодательства страны. Включающего нормативно-правовые акты: Конституцию страны, Лесной закон, Земельный закон, Закон о восстановлении лесов, Закон об управлении древостоем, Закон о лесных заповедниках, Закон Министерства лесов, Руководство по деятельности в лесу и на пастбищах и др. заключение договоров между государством и лесопользователями при передаче участков лесного фонда в аренду осуществляется на основании перечисленных нормативно-правовых актов. Арендные отношения выступают в виде: соглашения на заготовку древесины, лесной лицензии, лицензии на лесохозяйственное производство, лицензии на покупку леса на корню.

Экономическая организация управления воспроизводством лесов осуществляется посредством лесных платежей и податей. Лесные платежи содержат:

- ◆ ежегодные платежи, называемые земельной рентой или платой за владение в соответствии с площадью лесного участка;
- ◆ плату в соответствии с объемом вырубленного леса, называемая попенной платой или платежами за древесину на корню.

Платежи за древесину на корню включают:

- ◆ минимальные, направляемые в общий доход провинции;
- ◆ платежи на лесовосстановление, которые являются обязательными и носят целевой характер и формируются на специальном счете фонда лесовосстановления; при этом их величина зависит от породного состава вырубаемых пород и площадей, и затрат на лесовосстановление в соответствии с планом;
- ◆ остаточную стоимость (лесную ренту), которая поступает в доход провинции от лесопользователей, определяется по отдельным видам продукции перерабатывающих производств (целлюлоза, бумага, фанера, пиломатериалы и др.) и исчисляется только при высоких рыночных ценах на продукцию, как разница между рыночной ценой продукции из древесины и затратами на ее производство и реализацию, включая обязательные платежи за пользование лесным фондом, а также нормой прибыли на инвестиции.

Нормативно-правовые акты Канады охватывают всю систему государственного управления лесами. Обязательность целевых платежей на лесовосстановление в зависимости от породного состава повышает ответ-

ственность лесопользователей за сохранение лесного фонда и может служить руководством к действию лесопользователям других стран. По примеру Канады в отечественное законодательство целесообразно дополнительно включить Закон о воспроизводстве лесов и Закон об управлении древостоем, которые усилят ответственность лесопользователей за воспроизводство лесных ресурсов.

В США 70% лесов находится в частном владении, остальные — национальные (государственные) леса или лесные заповедники. Федеральная лесная служба осуществляет только управление национальными лесами и с установленной периодичностью отчитывается перед Конгрессом, Президентом страны и налогоплательщиками за средства, вырученные от реализации древесины. Однако, для выполнения лесозаготовительной деятельности, лесовосстановительных работ с последующим уходом за посадками, борьбы с вредителями и болезнями леса, пожарами привлекает исполнителей на контрактной основе. Таким образом, в лесных отношениях США участвуют государственные органы управления лесами, собственники частных лесов и предприниматели, выполняющие все работы по контрактам. При этом, следует особенно отметить, что финансирование затрат на лесохозяйственную деятельность почти на 70% обеспечивается из государственного бюджета.

Также не следует забывать о том, что более половины всей площади лесов США занимают так называемые «неиндустриальные» леса, в которых лесохозяйственную и лесозаготовительную деятельность осуществляют частные собственники. Ввиду малого интереса для бизнеса этих лесных участков, объем использования лесных ресурсов в среднем чуть превышает 50% от возможных объемов, а воспроизводство в этих лесах заключается только в искусственном лесовосстановлении. Несмотря на промышленную непривлекательность эти леса также включаются в общий лесной фонд и рассматриваются в общегосударственной лесной политике страны.

В Финляндии значительную долю составляют частные леса — 58%, государственные леса — 29%, леса частных компаний — 8%, а 5% лесов находится в других формах собственности.

Ведение лесопользования и воспроизводства лесных ресурсов контролируется государством. В тех случаях, когда после завершения заготовки древесины не осуществляется лесовосстановление, то лесопользование приостанавливается, а средства на лесовосстановление изымаются у лесопользователя. Государство поддерживает стимулированием лесопользователей

на уход за лесом и обеспечение воспроизводства лесов. Лесовосстановление осуществляется созданием лесных культур, естественным способом и содействием естественному лесовосстановлению. Особое внимание уделяется качеству семенного и посадочного материала, что регулируется Законом о торговле лесокультурным материалом и контролем Центра по инспекции продукции растениеводства.

Последние десятилетия наибольший успех Финляндия достигла в процессе корпоратизации путем консолидации представителей мелкого и среднего бизнеса, фермеров-частных лесовладельцев, множества фирм, организовав на их базе три крупных корпорации UPM, Metsäliitto и StoraEnso, которые на контрактной основе сотрудничают на основе лесных программ. Инновационное развитие получили биоэкономика, использующая древесное сырье, включая отходы на всех стадиях производства и нанотехнологии, применяемые в производстве целлюлозы и других продуктов для промышленности (пищевой, кормовой, фармацевтической и химической). Объемы необходимого древесного сырья компании получают в основном на контрактной основе: 10% из собственных лесов, 65% из частных лесов, 10% из государственных, 15% — от импорта за плату, состоящую из: платы за древесину на корню владельцам частных или государственных лесов; за заготовку древесины предпринимателям (лесосечные работы); за транспортировку древесины.

Воспроизводство лесных ресурсов осуществляют лесовладельцы за счет доходов от лесозаготовок. Однако, средства по уходу за молодняками могут поступать в виде государственных субсидий.

В стране преобладает интенсивная форма воспроизводства лесных ресурсов с искусственным лесовосстановлением с посадкой крупномерных саженцев со всеми видами обязательных уходов, внесением удобрений, проведенном прореживании и как, результат, сокращением периода рубки леса. Экстенсивная форма предполагает проведение лесовосстановления меньшим количеством посадочного материала на единице площади без последующих уходов, прореживаний и удобрений, что приводит к увеличению возраста рубки и снижению качества древостоя.

Работа лесного сектора Финляндии осуществляется на основе стратегической лесной политики, определяемой экономической организацией пользования и воспроизводства лесов, планированием, координированием действий в масштабах подразделений и всего кластера, а отдельные направления могут служить примером и быть использованы для повышения эффективности лесного сектора других стран [6].

Анализ экономической организации пользования и воспроизводства лесов в отдельных странах показывает, что при разных формах собственности на леса используется в соответствии с природно-производственными и экономическими условиями в основном контрактная система, способствующая улучшению взаимоотношений владельцев лесов с пользователями, повышению занятости населения, инновационному развитию лесного сектора. В России контрактную систему целесообразно и экономически выгодно применять при выполнении обязательств по лесному хозяйству. Сегодня известно, что в системе лесохозяйственных мероприятий остаются невыполненными охрана лесов от пожаров, защита от вредителей, болезней и лесонарушений.

Кроме того, лесопользователи не всегда технически и профессионально подготовлены к лесовосстановлению и уходу за лесными насаждениями. Наиболее качественно эти и другие работы могли бы выполнять, согласно договорам, специализированные лесохозяйственные государственные предприятия (учреждения), которые необходимо возрождать с привлечением малого и среднего бизнеса. При должной государственной поддержке такие лесохозяйственные предприятия способны выполнять любые лесные работы в малолесных и среднелесных районах, в рекреационных лесах, в области защитного лесоразведения и оказывать необходимое содействие в лесохозяйственных делах лесопользователям.

В многолесных районах необходимо сохранить положительный опыт и совершенствовать арендные отношения в части заготовки древесины с совмещением контрактной системы в лесовозобновлении в особых случаях, разрешенных законодательством.

Владелец лесов должен периодически осуществлять контроль за выполнением своих требований через определенные промежутки времени (по примеру Канады — через каждые пять лет). Это повысит ответственность арендаторов за формирование лесных насаждений особенно в первые 10–20 лет в зависимости от способа лесовосстановления, за неистощительность использования лесов, эффективность развития лесного сектора и за будущее лесного фонда.

Основными направлениями совершенствования существующих форм организации лесопользования и воспроизводства лесов в современных условиях с учетом зарубежного опыта целесообразно считать:

- ♦ Введение закона о концессиях как формы организации лесопользования для повышения эффективности управления государственной собственностью с предварительной подготовкой нормативно-правовых актов;

- ◆ увеличение срока аренды для возможности лесопользователям (арендаторам) осуществлять инвестирование в освоение лесов;
- ◆ Введение закона о воспроизводстве лесов с обязательствами лесопользователей о финансировании затрат;
- ◆ создание Центра по сохранению природных ресурсов (в том числе лесных);
- ◆ введение контрактной основы на выполнение работ в малолесных и среднелесистых районах по заготовке древесины и ведению лесного хозяйства;
- ◆ Введение государственного стимулирования за обеспечение качества воспроизводства лесов;
- ◆ усиление контроля государством лесопользования и воспроизводства лесов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесной кодекс Российской Федерации по состоянию на 1 марта 2018 г. — М.: Проспект, 2018. — 128 с.
2. Отчет о результатах совместного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности использования лесных ресурсов Российской Федерации в 2016–2018 годах» (совместно с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации). [Электронный ресурс]. — режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f32/f32eac2e0ee85712845e5ec6b5914f7.pdf>, свободный — Заглавие с экрана. — Яз.рус.
3. Декатов, Н.Е. Простейшие мероприятия по возобновлению леса при концентрированных рубках / Н.Е. Декатов. — Л.: Гослестехиздат, 1936. — 112 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 от 30.11.1994 г. № 51 — ФЗ (редакция от 28.06.2021 г.) с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 08.07.2021 г.). [Электронный ресурс]. — режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-1/>, свободный — Заглавие с экрана. — Яз.рус.
5. Комаров, И. Перспективы концессий в России.: Обозреватель — Observer. — 2003. — № 6 (161). [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2003-obozrevatel/13329-perspektivy-koncessij-v-rossii>, свободный — Заглавие с экрана. — Яз.рус.
6. Моисеев, Н.А. Экономика лесного хозяйства: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп./ Н.А. Моисеев — М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2012. — 399 с.

© Гамсахурдия Ольга Владимировна (Ole4kamoskow@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE EVOLUTIONARY ESSENCE OF THE INVESTMENT PROCESS: SCIENTIFIC AND THEORETICAL ASPECT

*N. Istomina
E. Sheina*

Summary. In the conditions of crisis phenomena and instability of the external and internal environment, the importance of investments, as the accumulation and subsequent investment of free cash in order to obtain profitability, acquires a special role, allowing you to plan and control free cash resources. Investments are closely related to the time factor, which suggests that it is necessary to study the features of the functioning of the investment process from the positions of various approaches. In this connection, the authors have developed a comprehensive approach to the study of the investment process based on risk-oriented, entrepreneurial, institutional and evolutionary approaches.

Keywords: investment, investment process, risk management, profitability, financial resources, financial stability, entrepreneurship, financial institutions.

Истомина Наталья Александровна

*Д.э.н., доцент, Уральский государственный
экономический университет
n_istomina_usue@mail.ru*

Шеина Екатерина Георгиевна

*К.э.н., доцент, Уральский государственный
экономический университет
shekat@mail.ru*

Аннотация. В условиях кризисных явлений и нестабильности внешней и внутренней среды значимость инвестиций, как накопления и последующего вложения свободных денежных средств с целью получения доходности приобретает особую роль, позволяя планировать и контролировать свободные денежные ресурсы. Инвестиции тесно связаны с фактором времени, что позволяет говорить о необходимости изучения особенностей функционирования инвестиционного процесса с позиций различных подходов. В связи с чем авторами разработан комплексный подход к исследованию инвестиционного процесса на основе риск-ориентированного, предпринимательского, институционального и эволюционного подходов.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный процесс, управление рисками, доходность, финансовые ресурсы, финансовая устойчивость, предпринимательство, финансовые институты.

Развитие теоретических положений понимания сущности инвестиционного процесса прошло длительный путь эволюции: от эпохи меркантилизма до современных неоклассических доктрин международного движения капиталов.

Первый период формирования теории инвестиций связывают с XV — XVII веками, когда начались географические открытия, ставшие основой возникновения инвестиционной эпохи меркантилизма. Основными представителями этого периода были [18, с. 311]:

- ◆ ранний меркантилизм: Дэвид Юм [16], Джон Ло [25], считавшие единственным способом обогащения накопление денег и реальные деньги, которые поступают в казну государства, регулирующего их распределение;
- ◆ поздний меркантилизм: Жан Кольбер, Филипп фон Хернинг [32], считавшие, что деньги — это единственное условие развития производства, их необходимо не только накапливать, но и вкладывать в развитие внешней торговли.

Вторым этапом развития теории инвестиций считают эпоху зарождения и становления классической политэкономии. Основой теоретических экономических постулатов данного периода послужили работы таких экономистов как У. Петти и П. Бугаильбер [22], которые полагали, что источником богатства является сельское хозяйство, выступая при этом против государственного вмешательства в ценовую политику.

Дальнейшему развитию теории инвестиций и инвестиционного процесса способствовали труды представителей французской школы физиократов: Франсуа Кенэ, Ан Робер Жак Тюрго.

Взгляды А.Р.Ж. Тюрго имели большое влияние на Адама Смита и Давида Рикардо. Так, А. Смит [28, с. 19] указывал, что обогащение нации зависит не от наличия денег, которые он относил к оборотному капиталу и считал лишь мерой стоимости, а от наличия капиталов, накопление которых является следствием сбережений и является запасом благ, дающих возможность

получения дохода. Д. Рикардо [34] впервые обратил внимание на такие понятия как рента, заработная плата и прибыль.

Последователями классической школы политической экономики являлись экономисты новой волны: Жан Батист Сэй [36], который в своих учениях выделял три фактора производства: человек, капитал и земля; Томас Мальтус, обращавший внимание на проблему увеличения количества населения, что может привести к снижению благосостояния и массовому голоду; Фредерик Бастия [21, с. 159], явившийся родоначальником теории услуг и концепции «экономических гармоний», провозглашавший полное невмешательство государства в экономику страны.

Выстраивая хронологию теорий инвестиций и инвестиционного процесса уместно упомянуть о марксистской экономической теории и об основной работе Карла Маркса «Капитал» [29, с. 699], предметом исследования которой был капиталистический способ производства. Инвестиционный процесс, согласно научным трудам К. Маркса, заключается в приобретении средств производства и рабочей силы с целью получения прибавочной стоимости собственного капитала [10, с. 678].

В последней трети XIX в. в связи с интенсивным развитием производства, промышленности, углубленным изучением науки и стремительным ростом инвестиционных процессов, появлением конкурентной борьбы между предприятиями начались изменения на макро- и микроуровнях экономик развитых стран Запада. На смену классическому направлению пришли маржиналисты, основными представителями которых были Мари Эспри Леон Вальрас, Карл Менгер, Альфред Маршалл, продолжившие изучение теорий инвестиций, в трудах которых можно увидеть более яркие признаки и функции, определяющие сущность инвестиционного процесса [30].

Основными научными положениями, выдвинутыми вышеперечисленными учеными в части развития теорий инвестиций и инвестиционного процесса можно считать следующие:

1. обоснование улучшения уровня жизни населения посредством увеличения инвестиционных поступлений;
2. доказательство того, что богатство любой нации формируется за счет инвестиций, направленных на накопление капитала для развития производства и внедрения новейших технологий и инноваций;
3. утверждение о необходимости инвестирования в неразвитые отрасли экономики страны с целью увеличения рабочих мест.

Таким образом, инвестиционный процесс, согласно научных воззрений маржиналистов, должен быть направлен на развитие инноваций и улучшение неразвитых отраслей экономики. Также впервые данными учеными отмечалось, что инвестиционный процесс выполняет не только экономическую, но и социальную функцию — улучшение благосостояния населения.

В начале XX века на смену идеям маржиналистов пришла кейнсианская школа, основными представителями которой были Джон Мейнард Кейнс, Элви Харви Хансен и Сэм Харрис. Среди главных идей данных ученых в области теории инвестиций и инвестиционного процесса необходимо отметить следующие [40]:

1. осуществление инвестиций за границу может происходить только в условиях положительного торгового баланса стран. В противоположном случае необходимо применять регулятивные рычаги в отношении инвесторов, которые вывозят капитал, для того чтобы отток капитала за рубеж не превышал экспорт;
2. основным фактором, влияющим на решение инвестора по привлечению инвестиций, является получение прибыли от вложенных средств в будущем;
3. регулирование экономического оживления происходит через регулирование уровня привлеченных инвестиций.

Особого внимания заслуживает теория инвестиционного процесса Дж.М. Кейнса, который рассматривал инвестиции с макроэкономических позиций как проблему государственной инвестиционной политики, роста доходов и занятости населения. Сбережения, по мнению Дж.М. Кейнса, «представляют собой превышение дохода над потребительскими расходами» [8, с. 23]. Под текущими инвестициями подразумевается «текущий прирост ценности капитального имущества в результате производственной деятельности данного периода. Решения о размерах сбережений и размерах инвестиций, по мнению ученого, принимаются субъектами хозяйствования индивидуально, не имеют закономерности и зависят от частных управленческих решений. Научный вклад Дж.М. Кейнса в исследование инвестиционного процесса и развитие теории инвестиций занимает значимое место в науке, и закономерно, что идеи ученого в данной области оказали влияние на последователей более поздних периодов.

Вторая мировая война стала причиной разрушения большого количества экономик стран мира, именно поэтому теории кейнсианства, которые были направлены на регулирование и поддержку экономики, начали дополняться новыми теориями с целью необходимости решения проблем экономического роста [35]. Именно

поэтому во второй половине 40-х годов XX века сформировалась неокейнсианская школа, исследования представителей которой были направлены на развитие теории инвестиций и инвестиционного процесса с точки зрения возможности экономического роста. Основные ее представители — Фриц Махлуп, Рой Харрод и Евсей Дэвид Домар — считали необходимыми следующие действия [27]:

1. проведение анализа взаимосвязи между увеличением привлечения инвестиций и ростом уровня ВВП страны;
2. определение роли инвестиций в поддержании макроэкономического равновесия на основе баланса инвестиций и сбережений.

Однако неокейнсианские теории были не в состоянии объяснить процессы, которые происходили в обществе [38]. Все это послужило толчком для создания неоклассической школы, основными представителями которой были Эдвард Хейстингс Чемберлин, Джоан Вайолет Робинсон и Гарри Марковиц. Основными идеями ученых в части теории инвестиций и инвестиционного процесса были следующие:

1. инвестирование выступает фактором, увеличивающим благосостояние не только самих инвесторов, но и общее благосостояние в экономике;
2. рассматривают инвестиции с точки зрения вложения в ценные бумаги (портфельная теория Г. Марковица);
3. впервые основополагающей характеристикой инвестиций определяют модель риск/доходность.

Инвестиционный процесс в трудах представленных ученых упоминается лишь косвенно, однако, из существенных его характеристик следует выделить постоянно присутствующий фактор риска.

В противовес неоклассической школе появилось новое направление, которое пыталось обосновать изменения в экономиках ведущих стран мира, получившее название «институционализм» [15]. Основными представителями данного направления были Уэсли Клар Митчел [37, с. 354], Торстейн Бунде Веблер [39], Джон Роджерс Коммонс [19, с. 416] и Джон Аткинсон Гобсон [24]. Главной идеей развития институционализма было преодоление основ капитализма и создание социального контроля со стороны общества с целью обеспечения стабильного развития экономики [23]. Относительно развития теории инвестиций и инвестиционного процесса ученые выделяли следующие моменты:

1. основная отрасль развития экономики — рыночное хозяйство, которое требует постоянных инвестиций со стороны частного сектора;

2. главными инвесторами должны выступать отдельные граждане, которые имеют достаточно средств для инвестирования в различные сферы экономики;
3. подчеркивается усиливающаяся роль частных инвесторов в инвестиционном процессе, а также его социальная функция.

После Второй мировой войны институционализм получил новое развитие и новые объекты исследования: место и роль научно-технической революции в экономической жизни, развитие и внедрение инноваций, усиление значения управленческих решений власти. Эти изменения в направлениях исследования привели к появлению нового течения, получившего название «неоинституционализм», основными представителями которого являются Рональд Коуз, Клод Менар, Джеймс Макгилл Бьюкенен [17], Майкл Юджин Портер [33], Дуглас Сесил Норт и Джеймс Тобин. Основные положения исследований теорий инвестиций и инвестиционного процесса, проведенных данными учеными, можно сформулировать следующим образом [26]:

1. только государство обладает достаточными средствами для инвестирования в отрасли с ограниченными ресурсами;
2. направленность инвестиционных средств должна быть в развитие рыночных отношений, потому что именно они стимулируют приток капитала в экономику страны.
3. инвестиции в социальную сферу способны улучшить уровень жизни обедневших слоев населения.

Отдельно необходимо отметить Q-теорию инвестиций Дж. Тобина, согласно которой под ценой предприятия понимается та сумма денежных средств, которую собственники могут получить, продав все его акции на текущий момент. Отдельно понятие инвестиционного процесса в своих трудах Дж. Тобин не рассматривал.

В широком смысле категория «инвестиции» (от лат. *investio* — одеваю) означает вложение капитала с целью его последующего увеличения. Указанный подход к трактовке «инвестиций» является основным в зарубежной и современной российской экономической науке [31] во второй половине XX века. Однако следует отметить, что зарубежные ученые определенный период времени больший акцент при определении инвестиций делали именно на финансовых инвестициях, то есть вложениях в ценные бумаги. Что касается отечественных ученых, то в период СССР термин «инвестиции» вообще не использовался. Вместо него имело место использование термина «капитальные вложения», под которым понимались затраты на создание новых предприятий,

Рис. 1. Экспликация теоретических подходов к исследованию инвестиционного процесса и его участников [составлено авторами]

расширение, реконструкцию, техническое переоснащение действующих предприятий и обновление основных фондов, внедрение новой техники в производственных отраслях народного хозяйства, строительство объектов всех отраслей социальной сферы и выполнение проектных и геологоразведочных работ.

Если систематизировать основные научные подходы, то обобщенно в понимании термина «инвестиции» следует различать затратный, ресурсный и процессный подходы. Рогожин П.С., Шевчук В.Я., Жимиров В.М., Иванов Г.И. понимают под инвестициями «затраты на создание, расширение, реконструкцию основного и оборотного капитала» [14, с. 67], [2, с. 166], [5, с. 432], являясь приверженцами затратного подхода. Бочаров В.В. и Шерemet В.В. подходят к изучению сущности инвестиций с точки зрения ресурсного подхода, определяя инвестиции как «ресурсы, которые вкладывают в объекты предпринимательской деятельности с определенной целью» [3, с. 672], [10, с. 678]. Те авторы, которые придерживаются процессного подхода в понимании сущности термина «инвестиции», выделяют в качестве самостоятельного научного понятия термин «инвестиционный процесс». Бланк И.А., Садеков А.А., Лисова Н.А. под инвестициями понимают процесс «вложения капитала в различные объекты хозяйственной деятельности» [3, с. 672], [7, с. 269]. Бромвич М. трактует инвестиции как «отказ от текущего потребления в надежде на его рост в будущем» [5, с. 432].

Среди зарубежных ученых выделение затратного и ресурсного подходов не представляется возможным. Указанные ученые придерживаются процессного подхода, понимание сущности инвестиционного про-

цесса часто сводится к вложениям в ценные бумаги или в инвестиционные проекты. Так, Уильям Шарп под инвестиционным процессом понимает «принятие инвестором решения относительно ценных бумаг, в которые осуществляются инвестиции, объемов и сроков инвестирования» [13, с. 1028]. Кэмбелл Р. Макконел и Стэнли Леонард Брю трактуют инвестиционный процесс, как «процесс вложения инвестиционных ресурсов в какой-либо проект» [9, с. 400]. Общее в представленных трактовках заключается в понимании инвестиционного процесса как управленческого действия субъекта (субъектов).

Изучение научных концепций, трактующих сущность и роль инвестиций в развитии экономики, заслуживает внимания в связи с необходимостью создания теоретической основы для всестороннего изучения инвестиционного процесса как объекта управления [20].

Согласно юридического подхода, приведенного в Законе РФ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [1], инвестициями являются все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, вкладываемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности, в результате которой создается прибыль (доход) или достигается социальный эффект.

Под процессом в широком смысле этого слова принято понимать «последовательную смену каких-либо явлений, состояний и т.п., ход развития чего-либо» [11]. Применительно к экономике в этом контексте уместно трактовать процесс экономического роста, процесс

экономического развития. Проведя исследование эволюции научных воззрений в отношении сущности инвестиционного процесса, сформулировав вывод об отсутствии единства в понимании трактовки данного понятия, необходимо, на наш взгляд, определить и структурировать следующие основные его характеристики:

1. инвестиционному процессу присуща эволюционность, отражающая его развитие и изменение во времени, а также в зависимости от приоритетов государственной политики;
2. инвестиционный процесс во всей его изменчивости постоянно сопровождается фактором риска, так как ожидаемый результат в виде доходности наступит в будущем, которое не определено в настоящий момент времени;
3. инвестиционный процесс логично ассоциирован с фигурой предпринимателя, как новатора идей, способных вывести общество на принципиально новый уровень развития и повысить конкурентоспособность национальной экономики;

4. успешное функционирование инвестиционного процесса невозможно без благоприятной институциональной среды, которая будет определять доступность и объем финансовых ресурсов, необходимых для реализации целей привлечения.

Обобщая изложенное, авторская экспликация теоретических подходов к исследованию инвестиционного процесса и его участников представлена на рисунке 1.

Подобный комплексный подход к исследованию инвестиционного процесса, предложенный авторами, позволит рассматривать его динамику с позиции эволюции экономического развития, субъектов хозяйствования и финансовых институтов, как участников инвестиционного процесса, а также сопутствующих факторов риска, что предопределил эффективную реализацию целей деятельности и удовлетворение финансовых потребностей с позиции сохранения финансовой устойчивости и платежеспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/
2. Анализ и оценка инвестиций на предприятии. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Жимиров В.Н. — С.-Пб., 1995.
3. Бланк И.А. Основы инвестиционного менеджмента. В 2 томах. — Омега-Л, 2013.
4. Бочаров В.В. Инвестиции: учебник для вузов. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 384 с. — (Серия «Учебник для вузов»)
5. Бромвич М. Анализ экономической эффективности капиталовложений: Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 1996.
6. Иванов Г.И. Инвестиции: Сущность, виды, механизмы функционирования. / Серия: Учебники, учебные пособия. Издательство: Ростов н/Д.: Феникс. 352 страниц; 2002 г.
7. Инвестиционная привлекательность предприятия: (Методология и методика оценки) / Садеков А.А., Лисова Н.А.; М-во образования и науки Украины. Донец. гос. ун-т экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. — Донецк: ДонГУЭТ им. М. Туган-Барановского, 2001.
8. Кейнс Джон Мейнард. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное // М.: Эксмо, 2007.
9. Макконел К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика, в 2-х томах // Т. 2. — М.: Республика, 1993.
10. Маркс К. Капитал. Т. 1., Кн. 1, М.: 1973.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд. — М.: Рус. Яз.; Полиграфресурсы, 1999, (электронная версия) — Фундаментальная электронная библиотека / Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma354406.htm?cmd=0&istext=1>
12. Управление инвестициями / Под ред. Шеремета В.В. — М.: Высшая школа, 1998. — Т. 1.
13. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. ИНВЕСТИЦИИ: Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, 1999. — XII.
14. Шевчук В.Я. Основы инвестиционной деятельности / В.Я. Шевчук, П.С. Рогожин. — М.: Инфра, 2000.
15. Bohl Martin T., McDonald Frank, Tuselmann Heinz-josef, Voronkova Svitlana, Windrum Paul The German model of capitalism and the persistence of outward foreign direct investment: evidence from German manufacturing industries // Экономика региона. 2011. № 2.
16. Broackes, Justin. Hume, David // Ted Honderich (ed.) The Oxford Companion to Philosophy, N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1995.
17. Buchanan, James // Brockhaus and Ephron's Encyclopedic dictionary: in 86 t. (82 t. and 4 add.). — SPb.
18. Coleman S. Applied Investment Theory. 2016, pp.311 DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-43976-1>
19. Commons J.R. Legal foundations of capitalism. — HSE, 2011. — 416 p— ISBN978-5-7598-0781-0.
20. Elias Carayannis, Evangelos Grigoriadis Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. 2016. № 1
21. Essay VI. Socio-political direction // Essays from the recent history of political economy: (Smith, Malthus, Ricardo, Sismondi, historical school, kateder-socialists, Austrian school, Owen, Saint-Simon, Fourier, Proudhon, Rodbertus, Bastia, Marx). — SPb.: Ed. the World of God magazine, 1903.
22. Félix Cadet, Pierre de Boisguilbert précurseur des économistes 1646–1714, Paris, Guillaumin, 1871
23. Francisco Gonzales. Creditor rights, financial health, and corporate investment efficiency. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.najef.2018.11.002>

24. Hobson George. A. Evolution of modern capitalism, 1898
25. John Low. Globalisation in practice: On the politics of boiling pigswill. 2006. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2006.08.010>
26. Julia Groote. Similarity perceptions in investor reactions to acquisition announcements. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2019.101946>
27. Justin Pierce. Investment responses to trade liberalization: Evidence from U.S. industries and establishments. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.09.005>
28. Luxembourg R. Chapter two. Analysis of the reproduction process in Kene and Adam Smith // capital Accumulation: Volume I and II. — 5th ed. — M.-L.: Sotsekiz, 1934. — Pp. 18–30. — XLIV.
29. Marx K., Engels F. From early works. Moscow: State publishing house of political literature, 1956.
30. Matteo Delelidi. Public investment fiscal multipliers: an empirical assessment for European countries. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.12.004>
31. Narelle Gordon. The high-volume return premium and changes in investor recognition. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.pacfin.2018.06.006>
32. Philipp Wilhelm von Hörnigk: H. G. D.C. Francopolitae Wahrer Bericht von dem alten Königreich Austrasien 1682.
33. Porter M.E. From Competitive Advantage to Corporate Strategy // Harvard Business Review, May/June 1987.
34. Ricardo, David // Jewish encyclopedia of Brockhaus and Ephron. — SPb.
35. Ruben Cox. Compulsive gambling in the financial markets: Evidence from two investor surveys. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2019.105709>
36. Say J.B. On England and the English. Discourse on state economy = De l'Angleterre et des Anglais. — SPb., 1817.
37. Schumpeter, J.A. Chapter 9. Wesley Clare Mitchell (1874–1948) // Ten great economists from Marx to Keynes 2011. — Pp. 328–354. — 400 p — — 1 000 copies — ISBN978–5–91129–075–7.
38. Sturla Fjesme. Retail investor experience, asset learning, and portfolio risk-adjusted returns. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2019.101315>
39. Thorstein Veblen The Theory of the Leisure Class // Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective, third edit., — Ed.by David B. Grusky, — Westview Press, — pp. 862–870
40. Yunqi Fan. Institutional investors, selling pressure and crash risk. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.ememar.2019.100670>

© Истомина Наталья Александровна (n_istomina_usue@mail.ru), Шеина Екатерина Георгиевна (shekat@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный экономический университет

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В РАЗВИТИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

STRATEGIC ASPECTS IN THE DEVELOPMENT OF PROJECT MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

A. Lukyanova

Summary. The relevance of the article is associated with the importance of strategic management, which is identified with the process that ensures the survival and development of the organization. The article defines the specifics of the strategic aspects of this process in relation to individual projects in the context of digital transformation. It is shown that the strategic tasks of project management include: creating and updating the selected elements of the project strategy, supply chain management, ensuring customer satisfaction and maintaining the key parameters of the project.

Keywords: digitalization, strategic management, resources, project, strategic decision.

Лукьянова Анна Васильевна

*Д.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ, Москва
avlukyanova@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность статьи связана с важностью стратегического управления, которое отождествляется с процессом, обеспечивающим развитие любой организации. В статье определена специфика стратегических аспектов этого процесса применительно к отдельным проектам в условиях цифровой трансформации. Показано, что стратегические задачи управления проектами включают: создание и обновление выбранных элементов стратегии проекта, управление цепочкой поставок, обеспечение удовлетворенности клиентов и сохранение ключевых параметров проекта.

Ключевые слова: цифровизация, стратегическое управление, ресурсы, проект, стратегическое решение.

Современная экономика меняется беспрецедентными темпами, определяемыми цифровизацией. Стратегическое управление в условиях цифровой экономики — требует от менеджеров множества новых навыков, в том числе, новый образ мышления, доступ к конкретным ресурсам и иное восприятие стратегического потенциала компании в «цифровом» мире [3]. С другой стороны, сегодня формируется новый тип экономики: цифровая экономика. Это обусловлено ускорением и интенсификацией процессов цифровой трансформации, продолжающихся более двух десятилетий, то есть растущим использованием цифровых технологий предприятиями, государственными учреждениями и неправительственными организациями, сотрудниками, потребителями и гражданами.

В результате меняются способ производства и потребления, организация рынка под влиянием новых бизнес-моделей, характер трудовых отношений, основные функции государства и способ их реализации. Существенные изменения происходят и в сфере управления проектами. Специфика цифровой трансформации управления проектами определяется объемом данных и информации, интеграцией данных, стиранием границ между бизнес-процессами, факторами производства и услугами, автоматизацией всех процессов и испол-

зованию искусственного интеллекта в анализе данных [1].

На протяжении многих лет проекты рассматривались как часть операционной деятельности компании, которая отвечала за реализацию стратегии компании. Концепцию стратегии принято использовать для постоянных субъектов, то есть тех, чьи особенности определены теориями предприятия. Такой подход явился результатом целенаправленного восприятия проекта как инструмента, позволяющего производить продукт, которому были выделены ограниченные временные и стоимостные ресурсы, и были определены результаты в форме объема или качества. Изменение восприятия проекта, указание на его характер как временную организацию, позволило более широко использовать концепцию стратегического управления. В условиях высокой сложности реализуемых проектов или расширения деятельности предприятий нет возможности и необходимости полностью зависеть от проекта от организации. Поэтому были приняты во внимание децентрализация управления в среде проектирования. Предполагалось, что даже в проектных компаниях должен быть обеспечен определенный уровень автономности проекта, понимаемый как степень, в которой он может развиваться самостоятельно, когда команда проекта

принимает ключевые решения для его реализации без необходимости получения одобрения от руководства организации [4].

Одним из элементов стратегической важности управления проектами является правильный подбор участников проекта или обеспечение соответствующей системы управления проектом. Полагаем, что задачи, связанные с формированием цепочки поставок, здесь носят стратегический характер. В основном они включают в себя выбор объема аутсорсинга, ключевых деловых партнеров, а затем построение устойчивых взаимоотношений, благодаря которым дальнейшее сотрудничество станет возможным не только при реализации последующих проектов или перспективы портфеля проектов, но и на последующих этапах жизненного цикла проекта, в том числе при перспективе отдельного проекта [2].

Эволюция восприятия проекта и управления им позволила шире использовать достижения теории стратегического управления, значительно выходя за рамки классического проектного треугольника, на основе таких критериев как бюджет, время, качество / объем распространяясь на оценку точки зрения заказчика или подрядчика и получения ими удовлетворительного результата. Учет условий проектной среды, включая потребности головной организации и других заинтересованных сторон, является наглядным доказательством этого. Однако в литературе по теме управления в проектной среде по-прежнему мало исследований, связанных со стратегическим управлением отдельным проектом.

Наиболее общепринятые исследовательские точки зрения относятся к [2, 5]:

- ◆ управлению проектами как концепции функционирования проектных организаций,
- ◆ портфелю проектов как способу обеспечения успеха организации, достижению ее стратегических целей,
- ◆ программе как методу внесения стратегических изменений в организацию,
- ◆ проекту как инструменту для реализации постоянной стратегии организации, включая стратегию проекта как элемент постоянной стратегии организации,
- ◆ стратегию проекта как набор элементов, позволяющих достичь конкурентного преимущества и лучших результатов проекта,
- ◆ совершенствованию инструментов, поддерживающих стратегическое управление проектами.

Из вышеперечисленных направлений наиболее близкими к теме статьи являются вопросы стратегии

проекта как способа достижения его успеха и совершенствования вспомогательных инструментов за счет цифровых технологий. Они указывают на возможность адаптации стратегического мышления к уровню отдельного проекта. Исследования в этой области касаются, в частности, делегирования ответственности, также связанной с принятием стратегических решений руководителем проекта. Его роль в стратегическом управлении проектами может включать, среди прочего, управленческое решение о применении выбранной стратегии на этапе реализации, а также выбора цифровых технологий и информационных систем, необходимых для успешного его окончания.

На обоснованность применения стратегической перспективы к отдельному проекту также указывают результаты исследования желаемых компетенций руководителя проекта. Они определяют необходимость для лидера применять стратегическую перспективу в управлении, которая требует, среди прочего, способность определять видение проекта в отношении развития конечного продукта, а также позиционировать его, использовать стратегические возможности, которые он дает, а также отслеживать связанные с этим риски.

Адаптация стратегического мышления от теории постоянной организации к временной организации должна учитывать специфику проекта, в первую очередь связанную с конечным периодом продолжительности проекта и установленной даты завершения, его организационно-правовую форму, в некоторых случаях ее отсутствие, или владение используемыми ресурсами, где чаще всего их владельцем является сама организация, а не проектное подразделение также в значительной степени используется аутсорсинг. Исходя из этого, можно указать, что предметом теории стратегического управления проектами являются вопросы планирования и реализации проекта по отношению к его продукту. Наиболее важным в развитии этой тенденции является применение субъективного, когда проект рассматривается как временная организация, реляционного в случае, если проект является ключевым элементом цепочки поставок или финансового контроля при применении агентской теории и теории транзакционных издержек.

Таким образом, стратегические аспекты управления проектами в условиях цифровой трансформации включают в себя ключевые внутренние аспекты, связанные с:

- ◆ производством продукта с учетом плана-графика, размера прибыли, плана платежей, рисков и возможностей и т.д.,
- ◆ управлением цепочкой поставок, включая отношения с клиентами.

Ответственность за стратегическое управление проектами проявляется не в организационной структуре каждого проекта, а скорее в случае проектов: более крупных с точки зрения стоимости, более сложных и инновационных с точки зрения объема и типа рабо-

ты или сложности продукта, или долгосрочных с точки зрения жизненного цикла проекта. В рамках создания стратегии проекта важно определить ответственность за определение продукта и определение критериев успеха / неудачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Езеева И.Р., Гайрбекова Р.С. Некоторые аспекты совершенствования методов управления инновационными проектами в условиях цифровизации экономики // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 5 (31). С. 117–121.
2. Каралидзе Г.В., Залучёнова О.М. Система управления проектами как инструмент управления реализацией стратегических целей // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. № 1–2. С. 44–52.
3. Кустова Ю.Ю. Место управления проектами в системе стратегического управления компании // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5–3. С. 58–61.
4. Лубянская Э.Б. Сущность и содержание стратегического управления инновационными проектами предприятия // ЭКОНОМИНФО. 2019. № 1. С. 22–26.
5. Сулоева С.Б., Абушова Е.Е., Бурова Е.В. Стратегический управленческий учет в системе управления проектами на промышленных предприятиях // Организатор производства. 2019. № 1. С. 43–54.

© Лукьянова Анна Васильевна (avlukyanova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ

DEVELOPMENT OF A PROJECT MANAGEMENT SYSTEM BASED ON DIGITAL SERVICES

A. Lukyanova

Summary. The purpose of the article is to determine the features of project management through the use of digital services. The advantages of digital transformation of the project team's activities are highlighted: improved communication, the possibility of optimizing remote collaboration, increasing the level of control and detailing of the work performed.

Keywords: digital transformation, project management, digital services, digital management.

Для современной экономики характерно функционирование компаний, ориентированных на удовлетворение ожиданий клиентов предлагаемыми им продуктами и услугами. Развитие компаний и постоянное присутствие на рынке требует получения конкурентных преимуществ по сравнению с другими компаниями, а так же повышения ценности с точки зрения их владельцев. Одним из ключевых факторов создания ценности проектных компаний является эффективное и действенное управление проектами. Стремительные изменения цифровых технологий позволяют развиваться и управлять проектами более эффективно. Одним из направлений развития системы управления проектами является использование цифровых сервисов.

Важным представляется поиск ответа на следующий исследовательский вопрос: каковы могут быть условия трансформации, как может протекать сам процесс трансформации и каковы могут быть результаты трансформации компаний в результате внедрения новой методологии управления проектами, основанной на использовании цифровых сервисов. Изменение методологии означает как новый подход к планированию и реализации проекта, так и ряд последствий в виде изменения стратегии и структуры организации, изменения технологий в ходе процессов, во взаимоотношениях с клиентами, а также изменения в организационной культуре. Это изменение может быть производным от многих причин и условий, в которых работают современные проектные организации.

Лукьянова Анна Васильевна

*Д.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ, Москва
avlukyanova@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи заключается в определении особенностей управления проектами за счет использования цифровых сервисов. Выделены преимущества цифровой трансформации деятельности проектной команды: улучшение коммуникации, возможности оптимизации удаленной совместной работы, повышение уровня контроля и детализации выполняемых работ.

Ключевые слова: цифровая трансформация, проектное управление, цифровые сервисы, цифровой менеджмент.

Как показали проведенные до сих пор исследования организационных изменений управления проектами, они могут быть как эволюционными, так и революционными, они могут охватывать всю организацию или только ее отдельные части [1, 3]. Масштаб анализируемых изменений позволяет предположить эволюционный характер исследуемой трансформации.

Организации, желающие добиться успеха в реализации перспективных и сложных проектов, берут на себя развитие методической поддержки управления проектами.

Внедрение цифровых сервисов в проектное управление подразумевает в первую очередь изменения в следующих направлениях:

- ◆ управленческие функции и их автоматизация,
- ◆ коммуникации в проекте на основе мессенджеров и цифровых платформ,
- ◆ использование облачных сервисов для совместной работы и хранения документации по проекту,
- ◆ наличие автоматизации специальных возможностей управления отдельными областями и процессами проекта, например, такими как риск менеджмент, управление качеством и поставками продукта,
- ◆ поддержка проектов в части сопутствующих функций: маркетинга, обеспечение закупок, администрирование и др.

Улучшение коммуникаций за счет цифровых сервисов в сочетании с тенденцией к гибкому управлению проектами и развитием цифровой методологии открывает перспективы развития в сторону автономного, самоорганизующегося управления проектами.

Цифровые сервисы и платформы управления проектами стали повсеместно внедряться с момента, как цифровые технологии заняли место в бизнесе. Отслеживание результатов, постановка целей, управление временем и наблюдение за взаимодействием в команде на основе цифровых сервисов сокращает сроки проектов, повышая их маржинальность.

Цифровая трансформация и внедрение в управление проектами цифровых сервисов позволяет менеджерам проектов больше сосредоточиться на целостном мышлении и стратегическом планировании, а не на процессах. Руководители проектов могут делать больше с меньшими затратами, а это означает, что больше внимания уделяется результатам и меньше — процессной работе.

Стоит отметить, что управление проектами все больше основывается на анализе. С точки зрения ключевых показателей эффективности, цифровая трансформация в управлении проектами значительно увеличила использование числовых данных для управления проектами [4].

Анализ данных и прогресса по проектам на основе цифровых сервисов позволяет отслеживать и оценивать результаты с точки зрения бюджетов, рисков, качества, результатов проектов и, как следствие, рабочие процессы становятся более эффективны и результативны.

Наконец, проектные команды становятся более децентрализованными. Множество платформ управления проектами в сочетании с мессенджерами и видеоконференцсвязью и изменением рабочих процессов в результате внедрения цифровых сервисов позволяет управлять проектами в режиме удаленной работы.

В условиях пандемии удаленная работа стала вариантом, ограниченным только политикой компании. Это изменение стало ключевым для менеджеров проектов, которым в данных условиях необходимо сбалансировать работу по управлению проектами, максимально эффективно не сокращая при этом сроки реализации проектов. Цифровые сервисы позволяют сократить ощущения удаленности у команд проектов.

На отечественном и зарубежном рынке сегодня можно найти большое количество систем управления

проектами и онлайн сервисов для организации управления проектами [2]. Они отличаются набором инструментов, стоимостью, удобствами интерфейсов и коммуникаций, наличием или отсутствием мобильного приложения и др.

Можно выделить следующие основные наиболее популярные и эффективные достоинства данных сервисов:

- ◆ ведение неограниченного количества задач, их привязка к исполнителям, формирование календарей и план графиков продуктов проектов, учет времени,
- ◆ всевозможные уведомления для команды проекта и пользователей конечного продукта проектов,
- ◆ корпоративные чаты с возможностью видео и аудиозаписи,
- ◆ интеграция с внешними системами компании, например финансовой, бухгалтерского и кадрового учета, почтовыми сервисами, облачными сервисами и документами,
- ◆ импорт и экспорт всевозможных данных необходимых для управления проектом или продуктом проекта,
- ◆ инструменты для детального анализа данных по проектам, построению всевозможных отчетов,
- ◆ наглядные и простые в использовании доски для применения гибких методов управления в части постановки задач,
- ◆ инструменты для финансовой модели проекта и проектного бюджетирования,
- ◆ ведение деловых бесед, групповых бесед, работы с большой командой 100 + человек,
- ◆ возможность синхронизации с любыми другими устройствами.

С учетом развития цифровых технологий изменения методологии управления проектами, наличия удаленных команд, развитие цифровых сервисов по управлению проектами будет только увеличиваться в ближайшее время. Тем не менее, процесс оптимизации и эффективного управления проектами не в использовании всех перечисленных инструментов, а в поиске оптимального сочетания возможностей цифровых сервисов для максимального удовлетворения пользователей продуктов проектов и повышении эффективности в управлении проектами.

Таким образом, выше представлены особенности управления проектами за счет использования цифровых сервисов. Выделены преимущества внедрения цифровых сервисов в управление проектами и цифровой трансформации деятельности проектной коман-

ды. Преобразование — это не проект с датой начала и окончания. Обосновано, что использование цифровых сервисов — это долгосрочный процесс оптими-

зации циклов управления, а также удовлетворения меняющихся потребностей клиентов, сотрудников и деловых партнеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биряльцев Е.В., Галимов М.Р., Демидов Д.Е., Елизаров А.М. Цифровой проект и платформа для работы с ним // Вестник ЮУрГУ. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2020. № 1. С. 50–68.
2. Боев А.Г., Воронин С.И. Использование SCRUM-метода при реализации проекта по внедрению цифровой платформы промышленного предприятия // Организатор производства. 2019. № 2. С. 16–26.
3. Иващенко А.В., Корчивой С.А., Сюсин И.А., Буканова Ю.В., Чуваков А.В. Автоматизированная система мониторинга проектов цифровой экономики // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2019. № 3. С. 94–103.
4. Корчивой С.А. Инфраструктурное развитие проектов цифровой экономики // Известия Самарского научного центра РАН. 2019. № 5. С. 73–82.

© Лукьянова Анна Васильевна (avlukyanova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ЛЕСОВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛЕСОВЫРАЩИВАНИЯ

FORESTRY AND ECONOMIC JUSTIFICATION FOR FORESTRY

E. Nazarenko

Summary. The article discusses the systems of final felling, methods of reforestation, forest care and the relationship between them. It is proposed to determine the efficiency of forest growing on the basis of research on technologies and costs of tenants for the use of forests and reproduction of forest resources, taking into account forestry and economic factors of influence.

Keywords: forestry, forest management, reforestation, forest care, forest reproduction, forest growing efficiency.

Назаренко Елена Борисовна

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский
государственный технический университет имени
Н.Э. Баумана (национальный исследовательский
университет)» (г. Мытищи)
Lena1409@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются системы рубок главного пользования, способы лесовосстановления, ухода за лесом и взаимосвязь между ними. Предложено определять эффективность лесовыращивания на основе исследования технологий и затрат арендаторов на использование лесов и воспроизводство лесных ресурсов с учетом лесоводственно-экономических факторов влияния.

Ключевые слова: лесоводство, лесопользование, лесовосстановление, уход за лесом, воспроизводство леса, эффективность лесовыращивания.

Лес — это природный, перспективный и единственный, восполняемый ресурс. Ценность лесов и забота о них отражены в числе основных принципов лесного законодательства, среди которых наиболее значимыми в природно-производственном и экономическом отношении являются: сохранение лесов, их охрана, защита, воспроизводство, улучшение качества и полезных функций, лесоразведение, обеспечение многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования лесов для удовлетворения потребностей общества в лесах и лесных ресурсах.

Лесным Кодексом РФ, статья 25, законодательно утверждено шестнадцать видов использования лесов, наибольший удельный вес среди них занимает заготовка древесины [1].

Доходы по видам использования в настоящее время составляют:

- ◆ заготовка древесины — 59%;
- ◆ осуществление рекреационной деятельности — 7%;
- ◆ выполнение работ по геологическому изучению недр, разработка месторождений полезных ископаемых — 17%;
- ◆ строительство, реконструкция, эксплуатация линейных объектов — 9%;

- ◆ прочие виды использования лесов (заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов, ведение сельского хозяйства, охотничье хозяйство и др.) — 8%.

Значительные объемы лесозаготовок влияют на биологическое разнообразие лесов, что должно учитываться при выборе способа рубок.

Лесоводством и соответственно лесоустройством в классификации способов главных рубок выделены сплошные, выборочные и постепенные системы рубок. При выборочных рубках вырубается отдельные деревья в древостое при сохранении лесного покрова и лесной среды. При сплошных рубках вырубается на лесных участках все деревья (сплошно-лесосечные рубки) и на оголенную лесную землю действуют все факторы природной среды в течении всего периода за-растания лесным покровом.

Если при сплошной рубке уничтожается среда обитания лесных птиц, млекопитающих и насекомых, то выборочная рубка позволяет ее сохранить и, таким образом, наносит меньший урон окружающей среде.

При многоцелевом использовании лесов сплошные рубки при изъятии одного ресурса в большом количестве, ограничивают пользование другими ресурсами —

недревесными, пищевыми, охотресурсами. Но если эти рубки выполняются с сохранением подроста, это сокращает длительность лесовыращивания.

При постепенных рубках древостой вырубается в несколько приемов за определенный планируемый срок (до 20 лет и более); их назначение — обеспечение успешного естественного возобновления в процессе лесопользования. Каждая система рубок в развитии лесопользования применялась на определенных этапах либо самостоятельно, либо в сочетании с другими системами.

Самыми древними считаются выборочные рубки, когда выборка отдельных деревьев осуществлялась по потребности при избытии лесов. До революции в казенных лесах выборочные рубки были господствующими, когда интенсивность выборки зависела от условий сбыта. Профессор М.М. Орлов приводит по четырем северным губерниям в 1914 году использования выборочных рубок, которое составило 76% от всего отпуска леса при диаметре 32 см и выше в увязке интенсивности и условий сбыта [2].

Эти системы резко отличаются влиянием на организацию лесопользования, а также на технологию и результат воспроизводства лесных ресурсов, включая лесоводственные и экономические показатели.

Выбор способа рубок оказывает существенное влияние на сохранение ресурсного потенциала лесов, на выбор способа лесовосстановления и последующего вида уходов за лесными насаждениями, на поддержание биологического разнообразия лесов и их рекреационные, экологические и социальные функции.

Требованиям многоцелевого лесопользования и воспроизводства лесных ресурсов отвечают выборочные рубки. Они способствуют созданию разновозрастного леса, отличаются высоким удельным весом крупномерной древесины высокого качества [3].

В современных условиях и на дальнейшую перспективу выборочные рубки будут способствовать удовлетворению общества в продуктах и полезностях лесных ресурсов и повышению эффективности народнохозяйственного значения лесов.

Результаты многолетних исследования опыта применения выборочных рубок показали, что они позволяют значительно увеличить размер главного пользования по сравнению со сплошными на 80% и получать древесину лучшего качества [3].

При сравнении способов рубок и определении их эффективности необходимо учитывать такие важные

факторы, как породный состав и запас древесины, технологию и технические средства, наличие трудовых и материально-технических ресурсов, транспортную доступность, длительность оборота рубки, отдельные технико-экономические показатели (затраты и трудоемкость воспроизводства определенного ресурса и т.п.).

Профессор Г.Ф. Морозов писал об идеале хозяйственного леса, который бы «... мог, не теряя своей жизненной устойчивости, удовлетворять основному запросу хозяйства — идее постоянства пользования, тесно связанной с идеей возобновления» [4].

Эффективность лесовозобновления и возможность сокращения оборота рубки определяется на основе исследования в регионах почвенно-грунтовых условий, состава пород, класса бонитета, интенсивности рубок, таксационных показателей, среднего эксплуатационного запаса древесины на единице площади, средней длины вырабатываемых сортиментов, среднего объема хлыста, технологической себестоимости, расчетно-технологических карт, данных статистической отчетности, эмпирических формул и научно-практических материалов по использованию и воспроизводству лесов [5, 6].

Использование лесов и их воспроизводство есть единая система повышения эффективности работы лесного сектора, способствующая сохранению ресурсного потенциала лесов.

Связь лесозаготовительного производства и воспроизводства лесов должна быть отражена в проекте освоения лесов через технологию лесосечных работ и способы лесовосстановления с учетом выполнения принципа сбалансированности объемов рубок лесных насаждений и их возобновление, что характеризует устойчивость, неистощительность и продуктивность лесов.

Соблюдение этого принципа, согласно Стратегии развития лесного комплекса, одобренной в январе 2021 года, предполагает переход в будущем к интенсивной модели ведения лесного хозяйства, которая подразумевает повышение экономической эффективности лесопользования благодаря качественному лесовосстановлению и уходу за подрастающим лесом [7].

В соответствии с Правилами лесовосстановления и практикой лесовыращивания общепринятыми считаются три способа восстановления лесов: содействие естественному возобновлению, искусственное лесовосстановление и комбинированное, представляющее собой сочетание первых двух. [8].

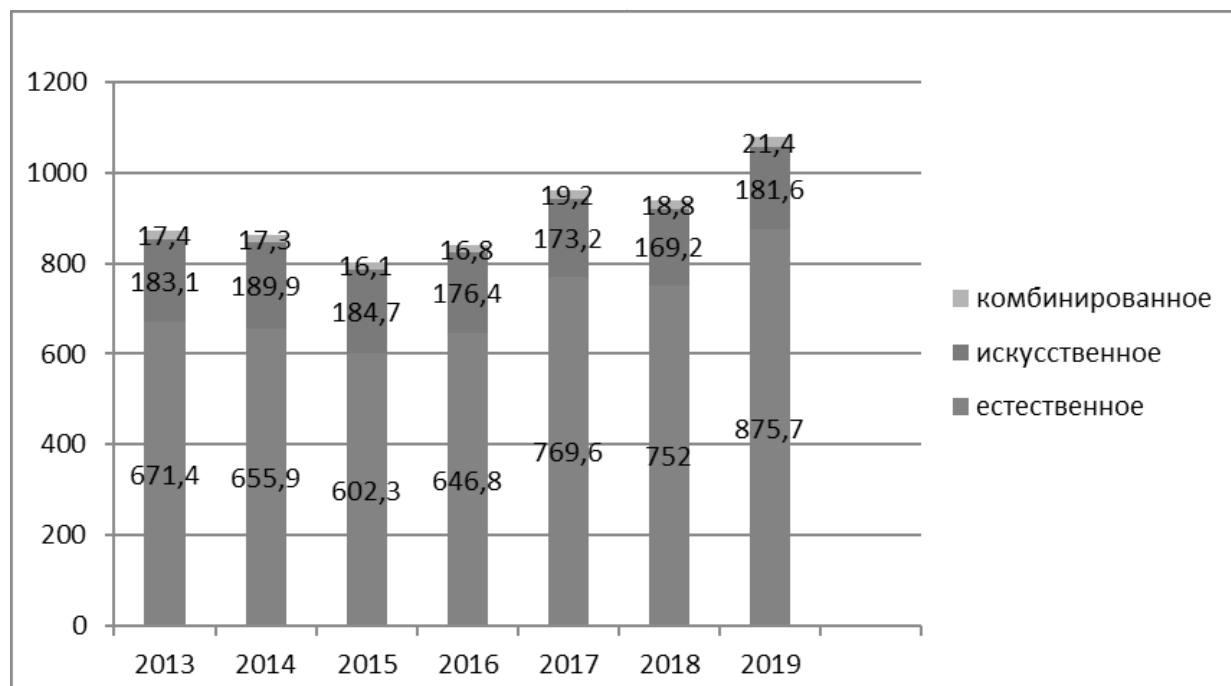

Рис. 1. Динамика лесовосстановительных работ в России, тыс. га

В настоящее время наиболее рациональным, эффективным и преобладающим по объему является способ содействия естественному возобновлению леса. Сохранение подроста при проведении сплошных рубок увеличивает затраты на лесосечных работах, но, одновременно, снижает объемы и расходы на искусственное лесовосстановление. При проведении лесозаготовительных и лесовосстановительных работ на сохранение подроста оказывают влияние множество факторов, которые должны быть отражены в проекте освоения лесов: состав пород лесосечного фонда, объем и площадь лесозаготовки, средний эксплуатационный запас древесины на единице площади и др.

Научно-практическая значимость сохранения естественного подроста указывалась в правилах, положениях и инструкциях 19-го века по лесозаготовке при разработке лесосек. Последующие исследования свидетельствуют о серьезных длительных проработках процессов лесовосстановления, о взаимосвязи лесозаготовок с воспроизводством лесных ресурсов и жизнеспособностью группового подроста, о введении стимулирующих поощрений за сохранение подроста с учетом нормообразующих факторов.

Проведение мероприятий по содействию естественному возобновлению леса способствует сокращению длительности оборота рубки (срока лесовыращивания) на величину среднего возраста подроста при прочих равных условиях.

Для повышения эффективности мероприятий по содействию естественному возобновлению леса необходимо разработать региональные нормативно-правовые законодательные акты, учитывающие природно-производственные условия лесозаготовки и лесовосстановления (район лесозаготовок, способ рубок и технология выполняемых лесосечных работ, рельеф местности и сезонность, сохранность подроста и т.п.).

Затраты на лесовосстановление при технологии лесосечных работ с сохранением подроста определяются с учетом его оценочной стоимости и технологических затрат на уходе за подростом и молодняками.

В отличие от естественного лесовозобновления, искусственное лесовосстановление — это очень дорогостоящее мероприятие, и вместе с тем, качественное проведение лесокультурных работ является залогом высокопродуктивных насаждений в будущем.

В соответствии с Лесным кодексом все мероприятия по воспроизводству леса, включающие в себя лесовосстановление и уход за лесом, проводят арендаторы лесных участков.

Каждый арендатор самостоятельно решает проблему сокращения затрат на воспроизводство леса. Многие из них сами заготавливают семена, и выращивают посадочный материал для восстановления вырублен-

ных площадей хозяйственно-ценными породами. Алгоритм определения затрат лесопользователя на восстановление лесных насаждений при искусственном способе должен учитывать все лесоводственные требования и операции в соответствии с технологией их выполнения.

Выбор древесной породы, способа и технологии лесовосстановления должен определяться не тем, какие сеянцы удалось купить арендатору, а с учетом лесорастительных условий и потребностей общества в продуктах леса.

Динамика лесовосстановительных работ в России приведена на рисунке 1, согласно которому искусственное лесовосстановление в 2019 году было проведено на площади 181,6 тыс. га (против естественного на 875,7 тыс. га), а комбинированное лесовосстановление составило 21,4 тыс. га. По сравнению с 2018 годом площадь восстановительных работ выросла на 14%.

Обязательным условием хорошего роста посаженных культур является своевременно проведенные рубки ухода в лесных насаждениях, основное предназначение которых заключается в повышении продуктивности лесов вследствие формирования хозяйственно-ценного породного состава и качества будущей древесины и сокращении периода лесовыращивания.

Технико-экономические показатели по рубкам ухода за лесом определяются на основе лесоводственных нормативов, технологии работ, соответствующей техники и оборудования с целью обоснования и выбора альтернативного варианта рубок. На лесоводственный эффект оказывают влияние интенсивность рубок ухода за лесом, способствующая процессу формированию насаждений и их устойчивости, а также густота насаждений.

Технологическая себестоимость на рубках ухода за лесом определяется на основе показателей расчетно-технологических карт, включающих лесоводственные показатели, а также затраты машинного времени и затраты труда на единицу объема работ.

Формирование затрат осуществляется с учетом конкретных условий проведения рубок ухода за лесом и основных факторов влияния:

- ◆ сезонность работы;
- ◆ условия работы в соответствии с требованиями нормирования (нормальные, тяжелые, высота снега);
- ◆ средний эксплуатационный запас на единице площади (га);
- ◆ расстояние транспортировки сортиментов;

- ◆ разряды высот вырубаемой части древостоя;
- ◆ средний объем хлыста;
- ◆ породный состав вырубаемой древесины; средняя длина вырабатываемых сортиментов;
- ◆ объем рубок ухода.

Рубки ухода, направленные на целевое лесовыращивание, увеличивают производительность древостоя, кроме того, происходит органическое соединение экологии, техники и технологии в лесопользовании и лесовыращивании.

Воспроизводство леса предполагает длительный процесс ответственности арендаторов за лесовыращивание в течение оборота рубки.

Исследования показывают, что обозначенный контроль при воспроизводстве лесов осуществляется в основном до срока перевода в покрытую лесом площадь, а в последствии ухода либо сокращаются, либо вовсе не проводятся, что снижает качество воспроизводства лесов.

Учитывая длительный процесс выращивания насаждений, необходимо указывать изменения их характеристик во времени, а в Лесном Кодексе в статьях 76, 97, 98 обозначить периодичность проведения надзора и контроля для возможного реагирования арендаторам на качество работ, которое отразится на эффективности рубок ухода за лесом и дальнейшем процессе воспроизводства.

Лесовыращивание и лесопользование технологически связаны и представляют собой комплекс работ, себестоимость которого необходимо определять по совокупности затрат на заготовку древесины, при разных способах рубок, и на воспроизводство лесных ресурсов, включая лесовосстановление (в зависимости от способа выполнения), и все виды уходов при идентичных природно-производственных факторах [9].

Эффективный вариант выбирается из числа конкурентоспособных. При этом будут учтены наиболее важные факторы производства: степень транспортной доступности, концентрация древесины на единицы площади, используемая техника, технико-экономические ресурсы.

Показателем эффективности конкурентоспособного варианта может служить величина прибыли, полученная от выполнения комплекса работ по лесозаготовкам и рубкам ухода в виде прореживания и проходных рубок.

Товарная продукция определяется по всем видам заготовленной древесины в соответствии с объемами и разновидностями сортиментов.

Себестоимость заготовленной древесины учитывает технологическую себестоимость по видам рубок и лесотранспортные работы с учетом эксплуатации и содержания дорог. При этом по всем рубкам ухода учитываются амортизационные отчисления по машинам и оборудованию как средства для воспроизводства основных фондов лесохозяйственного производства (с оставлением на счетах арендаторов) и плановые накопления как величина планируемой прибыли на развитие лесохозяйственного производства и усиление материально-технической базы арендаторов.

Оценка эффективности затрат на использование и воспроизводство лесных ресурсов может осуществляться показателем рентабельности. Однако, для анализа и сравнения различных вариантов с точки зрения затраченных средств в лесопользовании и лесовыращивании целесообразно определять:

- ◆ рентабельность заготовленной древесины как отношение прибыли, полученной от комплекса работ к себестоимости заготовленной древесины по всем видам рубок;
- ◆ рентабельность производства как отношение полученной прибыли к стоимости основных производственных фондов (как сумма фондов лесозаготовительного и лесохозяйственного производства) и оборотных средств (могут рассчитываться укрупненно в процентном соотно-

шении либо от стоимости фондов, либо от себестоимости продукции);

- ◆ фондорентабельность как отношение прибыли к сумме стоимости основных производственных фондов лесозаготовительного и лесохозяйственного производства.

Кроме того, законодательно необходимо в составе себестоимости товарной продукции лесозаготовок в статье «Плата за древесину, отпускаемую на корню» выделить средства на воспроизводство лесных ресурсов, которые должны оставаться по договору на счетах арендаторов, что создаст условия для повышения эффективности лесовыращивания.

Во всем мире сегодня к вопросам лесовосстановления относятся с особым вниманием, так как лес — это не только наше богатство, но и богатство наших будущих поколений, это здоровье нации, наше культурное наследие.

Одной из главных задач лесопользователей является своевременное восстановление вырубок хозяйственно-ценными породами, поэтому правильный выбор способов лесопользования и лесовосстановления имеет решающее значение для создания высококачественных насаждений в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесной кодекс Российской Федерации. — 7-е изд. — М.: Ось-89, 2007—80 с.
2. Орлов, М.М., Лесоустройство. — / М.М. Орлов — Л.: Изд. Журнал «Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо», 1927. — 1120 с.
3. Моисеев, Н.А. Экономика лесного хозяйства: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп./ Н.А. Моисеев — М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2012. — 399 с.
4. Морозов, Г.Ф. О лесоводственных устоях / Избр. тр. — Т. 3 — М: Почвенный институт имени В.В. Докучаева, 1994. — С. 8—23.
5. Моисеев, Н.А. Воспроизводство лесных ресурсов. — / Н.А. Моисеев — М.: Лесная промышленность, 1980. — 263 с.
6. Чибисов, Г.А., Лесоводственная и экономическая эффективность рубок ухода. — / Г.А. Чибисов, В.А. Гущин. — Архангельск: Изд.-во АГТУ, 2008. — 92 с.
7. Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года. [Электронный ресурс]. URL: https://mediawood.ru/strategiy_razvitiy_lesnoi_otrasli_do_2030_new (23.05.2021)
8. Правила лесовосстановления (приказ № 1014 от 04.12.2020) — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/573123762>, свободный — Заглавие с экрана. — Яз. рус.
9. Назаренко, Е.Б., Методические приемы и способы обоснование затрат лесопользователей на лесовосстановление в условиях долгосрочной аренды: диссертация... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Назаренко Елена Борисовна; [Место защиты: МГУЛ]. — Москва, 2010. — 162 с.

© Назаренко Елена Борисовна (Lena1409@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЫНКА ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

PROBLEMS OF FORECASTING THE MARKET OF IMPORT-SUBSTITUTING PRODUCTS

A. Ovchinnikov

Summary. The issues of forecasting the development of the market of import-substituting products are characterized by increased relevance. This is due not only to the state's import substitution policy, but also to the need to build objective guidelines regarding the prospects for the development of relevant markets for business entities. Forecasting the market of import-substituting products faces a number of objective and subjective problems that require separate analysis and finding ways to solve them. These are problems related to the uncertainty of the prospects for implementing the state policy of import substitution, the boundaries of the market for import substitution products, the presence of various segments of this market, and other problems. The article reveals the main problems of forecasting the market of import-substituting products and identifies ways to solve them.

Keywords: forecasting, the market of import-substituting products, features, problems.

Овчинников Алексей Павлович

К.э.н., доцент, Российский университет
транспорта (МИИТ)
alexovchinnikov@mail.ru

Аннотация. Вопросы прогнозирования развития рынка импортозамещающей продукции характеризуются повышенной актуальностью. Это связано не только с проводимой государством политикой импортозамещения, но и необходимостью построения объективных ориентиров в части перспектив развития соответствующих рынков для субъектов предпринимательской деятельности. Прогнозирование рынка импортозамещающей продукции сталкивается с рядом объективных и субъективных проблем, требующих отдельного анализа и поиска путей их решения. Это проблемы, связанные с неопределенностью перспектив осуществления государственной политики импортозамещения, границами рынка продукции импортозамещения, наличием различных сегментов данного рынка и другие проблемы. В статье раскрываются основные проблемы прогнозирования рынка импортозамещающей продукции и определяются пути их решения.

Ключевые слова: прогнозирование, рынок импортозамещающей продукции, особенности, проблемы.

Вопросы прогнозирования развития рынка импортозамещающей продукции рассматривались в некоторых исследованиях [1,2,3,4,5]. В работах авторов не уделяется особого внимания проблемам прогнозирования рынка импортозамещающей продукции, но некоторые из них в существующих исследованиях прослеживаются. Анализ и поиск путей решения проблем прогнозирования импортозамещающей продукции — насущная практическая и теоретическая задача. Практическое значение решения этой задачи связано с необходимостью устранения неопределенности для субъектов предпринимательской деятельности, создания надежной информационной основы осуществления стратегической и операционной деятельности. Теоретическая значимость рассматриваемого круга вопросов связана с потребностью науки в определении путей решения проблем прогнозирования рынка импортозамещения.

Неопределенность сроков реализации стратегии импортозамещения на федеральном уровне — одна из основных проблем, которые могут снизить достоверность прогнозов рассматриваемого объекта. В настоящее время в России отсутствует посвященный

вопросам осуществления политики импортозамещения стратегический документ. Все вопросы стратегического планирования реализации политики импортозамещения «разбросаны» по различным актам. Это существенно затрудняет возможность построения адекватных прогнозов развития рынков импортозамещения на средне- и долгосрочный период.

Проводимая государством политика импортозамещения находится в существенной зависимости от внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации — по сути, говорить о стабильности данного направления государственной экономической политики в современных условиях не приходится. Любое изменение во внешней среде, связанное с улучшением отношений России со странами Запада с большой долей вероятности повлечет отмену или исключение отдельных элементов в структуре политики импортозамещения. В таком случае потребуется пересмотр сформированных прогнозов.

Среди документов долгосрочного планирования Российской Федерации, в которых отражены отдель-

ные элементы политики импортозамещения, можно выделить следующие:

- ◆ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации;
- ◆ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года;
- ◆ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204);
- ◆ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года;
- ◆ Национальный проект «Цифровая экономика»;
- ◆ Стратегия инновационного развития Российской Федерации;
- ◆ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации.

Кроме этого, отдельные элементы политики импортозамещения включены в отраслевые государственные программы:

- ◆ Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации 2019–2030 годы»;
- ◆ Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика 2013–2024 годы»;
- ◆ Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности 2013–2024 годы»;
- ◆ Государственная программа «Развитие авиационной промышленности 2013–2025 годы»;
- ◆ Государственная программа «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений 2013–2030 годы»;
- ◆ Государственная программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности 2013–2024 годы»;
- ◆ Государственная программа «Развитие атомного энергопромышленного комплекса 2012–2027 годы»;
- ◆ Государственная программа «Информационное общество 2011–2024 годы»;
- ◆ Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия 2013–2025 годы».

Среди путей решения проблемы неопределенности при прогнозировании рынка продукции импортозамещения — разработка и принятие нормативного правового акта, определяющего долгосрочные приоритеты, сроки и ресурсы, выделяемые на осуществление политики импортозамещения.

Другая проблема прогнозирования рынка импортозамещения непосредственно связана с проблемами российских предприятий, участвующих в осуществлении стратегии импортозамещения. Среди таких проблем выделяются:

- ◆ отсутствие отечественных аналогов оборудования и сырья любого качества;
- ◆ низкое качество отечественного оборудования и сырья;
- ◆ недостаточная поддержка властями выпуска отечественного оборудования и сырья;
- ◆ завышенные цены на отечественное оборудование и сырье;
- ◆ недостаточные объемы выпуска оборудования и сырья российскими предприятиями [6] и др.

Все эти проблемы создают ситуацию, при которой прогнозирование развития рынка импортозамещения может быть лишено смысла. Такое возможно в условиях сформировавшегося значительного спроса (как объекта прогнозирования) и недостаточного предложения, позволяющего удовлетворить данный спрос. Решение этой проблемы также требует системных решений, связанных с государственной поддержкой предприятий, участвующих в реализации политики импортозамещения; развития механизмов, стимулирующих предприятия к обновлению основных средств, поиску инновационных технологий удовлетворения спроса на продукцию, отнесенную к импортозамещающей.

Следующий блок проблем прогнозирования рынка импортозамещения связан с его крайней неоднородностью. Данный рынок представлен продукцией различных отраслей:

- ◆ выпуск оборудования для пищевой промышленности;
- ◆ тяжелое машиностроение;
- ◆ энергетическое машиностроение;
- ◆ электрохимическая и кабельная промышленность;
- ◆ нефтегазовое машиностроение;
- ◆ станкоинструментальная промышленность;
- ◆ судостроительное оборудование (в части судового комплектующего оборудования);
- ◆ радиоэлектронная промышленность;
- ◆ химическая и нефтехимическая промышленность;
- ◆ фармацевтическая промышленность;
- ◆ медицинская промышленность;
- ◆ промышленность обычных вооружений;
- ◆ гражданское авиастроение;
- ◆ двигателестроение;
- ◆ комплектующие и оборудование для транспортного машиностроения [7].

Каждая из приведенных отраслей в свою очередь может включать большое количество рыночных сегментов. Построение прогнозов требует учета особенностей объектов прогнозирования. В одних случаях это может быть приоритетное значение использования экспертных методов прогнозирования — в основном для отраслей с недостаточным объемом информации об их состоянии. В других случаях, в особенности, когда речь идет о массовом производстве, требуется приме-

нение формализованных методов прогнозирования — экономико-математических, методов экстраполяции и др.

Подводя итог, следует отметить существующую научную и практическую потребность решения выделенных выше проблем прогнозирования рынка импортозамещения. При этом следует учитывать наличие множества других частных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюшик В.Д., Тихонов А.И. Применение методов прогнозирования спроса на авиационные двигатели в условиях импортозамещения на примере АО «Объединенная двигателестроительная корпорация» // Московский экономический журнал. 2020. № 1. С. 58.
2. Изакова Н.Б. Состояние и перспективы рынка поливинилхлорида в России в меняющихся условиях деловой среды // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: сборник научных публикаций: в 2-х частях. Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2015. С. 170–176.
3. Иовлев Г.А. Импортозамещение на рынке сельскохозяйственной техники // Теория и практика мировой науки. 2017. № 9. С. 68–73.
4. Полякова И.С., Чибисова Е.Ю. Анализ рынка специальной техники и перспектив его развития в России // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10–3 (75). С. 582–586.
5. Процессы импортозамещения на российском рынке продовольствия: состояние, тенденции, проблемы и прогнозы / Белова Т.Н., Конкина В.С., Куприянов В.В., Куприянова М.В.: Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева. — Рязань: РГАТУ, 2019. — 188 с.
6. Цухло С.В. Проблемы импортозависимости и импортозамещения в (для) российской промышленности. Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (ИЭП). URL: <https://www.iep.ru/ru/sergei-tcukhlo-problema-importozavisimosti-rossiiskoi-promyshlennosti-na-fone-stagnacii-vnutrennego-rynka.html> (дата обращения: 11.09.2021).
7. Чиновники определили приоритетные отрасли для импортозамещения. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/01/2015/54be941b9a79473ac2a44d29> (дата обращения: 11.09.2021).

© Овчинников Алексей Павлович (alexovchinnikov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет транспорта (МИИТ)

ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ И ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА

SPECIFIC FEATURES OF THE JOINT TESTAMENT OF THE SPOUSES AND WILL OF TESTAMENT

**A. Gudkov
A. Krasilschikov
V. Mishchenko**

Summary. This article examines the main features of a joint will of spouses as a form of collective expression of the will of testators, problematic aspects of inheritance under this will, and also analyzes the problems that arise during the implementation of a testamentary refusal.

Keywords: joint will, testator, heir, inheritance, testator, spouses, inheritance contract, legacy.

Гудков Анатолий Иванович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru

Красильщиков Анатолий Владимирович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
krasilschikov@inbox.ru

Мищенко Вячеслав Иванович
К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные особенности совместного завещания супругов как формы коллективного выражения воли завещателей, проблемные аспекты наследования по данному завещанию, а также проанализированы проблемы, возникающие при реализации завещательного отказа.

Ключевые слова: совместное завещание, наследодатель, наследник, наследство, завещатель, супруги, наследственный договор, завещательный отказ.

Завещание — форма распорядительного акта в отношении имущества лица после его смерти. Завещание составляется наследодателем при жизни с целью установления круга наследников, но при этом сохраняется право завещателя на управление имуществом при жизни.

С введением 18.07.2018 года законодательных изменений в статью 1118 ГК РФ завещание приобрело коллективную форму, так как супруги получили право на оформление совместного завещания. Его важными условиями являются: нахождение супругов в браке, наличие совместно нажитого имущества, а также дееспособность каждого из супругов [1]. Специфика совместного завещания

позволяет определить доли наследников по обоюдному согласию сторон и распорядиться наследством по своему усмотрению, в том числе завещатель вправе лишить наследника наследства или предусмотреть завещательное распоряжение, которое в будущем обяжет наследников совершить определенные действия. Несмотря на нововведение в законе, большинство семейных споров по наследству возникают в суде из-за оспаривания наследниками совместного завещания супругов.

Актуальность данной темы заключается в необходимости анализа проблемы совместного завещания супругов, возникновении споров по неравномерности долей наследников.

Исходя из положений статьи 1124 ГК РФ, основной причиной недействительности завещаний является несоблюдение определенных правил. В частности, к распространенным нарушениям правил относят: отсутствие даты и места составления завещания, неточные данные о наследниках, в том числе ошибки в написании их фамилий, дат рождения или места регистрации лиц. При установлении нарушений в составлении совместного завещания несогласные наследники тем самым получают право на обжалование завещания и признания его недействительным в судебном порядке.

В целом введение новеллы о совместном завещании супругов направлено на снижение в обществе конфликтных ситуаций в вопросах принятия наследства и на реализацию воли наследодателей — супругов, которые вправе при жизни определить возможный вариант раздела имущества после их смерти [2].

На наш взгляд, важная функция совместного завещания супругов — это соблюдение личных интересов до момента их смерти. Например, пережившему супругу не придется спорить с наследниками умершего супруга, так как момент их принятия наследства после одного из них отсрочен до смерти второго супруга. В свою очередь, наследники вступят в наследство на имущество завещателя только после смерти обоих супругов. Таким образом, данная норма является гуманной для супружеской пары и снижает степень конфликтности между родственниками, так как не допускает немедленное деление долей супружеского имущества вследствие смерти одного из супругов — наследодателя.

В отличие от наследственного договора, нацеленного на урегулирование отношений между наследодателем и наследниками на прозрачных условиях при его жизни, совместное завещание супругов — это односторонняя сделка, которая не порождает прав и обязанностей у наследников, если они не примут условия завещания и не вступят в наследство [3]. В частности, это важно при наследовании неисполненных обязательств наследодателя, которые перейдут к наследнику лишь в том случае, если он проявит свою волю. При этом наследственный договор — двусторонняя сделка, которая вступает в силу при жизни наследодателя, и после его смерти возлагает на наследников обязательства независимо от их воли, в том числе по неисполненным обязательствам умершего, например, при выплате его кредиторских долгов. Однако, заключить наследственный договор одновременно со всеми потенциальными наследниками не представляется возможным [4]. Кроме того, заключение наследственного договора при жизни лишает завещателя его имущества и, в случае нарушения наследственного договора со стороны родственников, увеличивает степень беззащитности завещателя.

Таким образом, принятие законодательных изменений относительно заключения совместного завещания супругов решает, на наш взгляд, несколько задач: реализует волю наследодателей в отношении раздела их имущества после смерти, справедливо учитывая интересы каждого наследника; распределяет объем неисполненных обязательств супругов между наследниками; предоставляет наследникам возможность выбора при принятии наследства либо отказе от него; учитывает права пережившего супруга до момента его смерти, а также максимально защищает интересы завещателей.

Вместе с тем, существуют и пробелы законодательного урегулирования по вопросу совместного завещания супругов. В реальности переживший супруг может не являться титульным владельцем имущества умершего супруга, например, не быть единственным владельцем доли в компании, поэтому возможность управления его долей будет ограничена, так как никто из наследников не сможет вступить в наследство после его смерти ввиду невозможности принятия наследства в полной мере вследствие наличия законных прав у пережившего супруга, который, в свою очередь, также не может вступить в права наследования долей в капитале юридического лица после смерти супруга в силу установленных законом условий совместного завещания супругов.

Таким образом, управление и распоряжение долей в уставном капитале хозяйственного общества титульного владельца ограничено обстоятельствами, которые невозможно разрешить до смерти второго супруга. Кроме того, нотариусы не вправе выдавать распорядительный акт на временное управление капиталами титульного владельца (счета в банках, акции, доля в уставном капитале общества), что, с одной стороны, создает угрозу потери или снижения стоимости активов умершего супруга, а с другой — парализует деятельность компании, если доля умершего супруга в ней составляла 31% и более. Например, решение о внесении изменений в устав принимается 3/4 участников хозяйственного общества. Если доля умершего супруга составляла 31%, такое решение не может быть принято обществом в силу объективных причин. Соответственно узаконивание изменений устава общества возможно только по решению арбитражного суда.

Вторая немаловажная проблема, возникающая при реализации совместного завещания супругов, — учет обязательной доли в наследстве, установленной законом. Дело в том, что круг лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве, может меняться: например, факт рождения ребенка или приобретенная инвалидность наследника, которая позволяет менять законный круг наследников независимо от воли завещателя. В этом случае возникают споры по совместному заве-

щанию супругов: время вступления в наследство по совместно завещанию ограничивает права законного наследника, желающего вступить в наследство в общем порядке, независимо от наличия совместного завещания супругов. При этом законный наследник с обязательной долей в наследстве имеет приоритет перед иными наследниками и может дестабилизировать запланированные последствия совместного завещания. В этом случае требуется внести законодательные изменения, позволяющие урегулировать такие ситуации с обязательными наследниками без ущерба для пережившего супруга наследодателя.

Также стоит отметить, что составление совместного завещания по правилам нотариата является семейной тайной до момента смерти супруга, и нотариус, открывший наследство после смерти одного из супругов, физически не сможет выделить, какая именно часть завещания подлежит оглашению наследникам, и сохранить при этом тайну завещания второго живущего супруга. Например, законные наследники вправе в силу статьи 1131 ГК РФ оспорить совместное завещание супругов в суде и в процессуальном порядке ознакомиться с полным текстом совместного завещания супругов. Таким образом, тайна совместного завещания супругов будет прямо нарушена при жизни одного из супругов. В этом случае также необходимо внести законодательные изменения, обеспечивающие сохранение тайны совместного завещания супругов в случае его оспаривания наследниками и иными лицами.

Также неурегулированным остается вопрос, возникающий при реализации прав пережившего супруга по составлению нового завещания, которое автоматически отменит предыдущее завещание, а значит, и автоматически аннулирует совместное завещание супругов в силу изменения воли одного из них. Данный момент ярко свидетельствует о том, что воля умершего супруга — наследодателя является не до конца реализованной и часто зависит от воли второго, пережившего его супруга. В этом случае нотариусу приходится вместо реализации прав умершего завещателя по совместно завещанию прибегнуть к оформлению наследства по закону.

Таким образом, с учетом действующего законодательства, совместное завещание супругов как коллективная форма реализации воли завещателей имеет свои погрешности и проблемы с реализацией прав наследодателя, права которого не могут быть гарантированно реализованы после его смерти вследствие того, что должны быть соблюдены права иных лиц — оспаривающих завещание наследников, или изменения воли пережившего супруга. Устранение данных пробелов возможно при принятии норм права, подробно опи-

сывающих ситуации при реализации совместного завещания, возникающие при определенных жизненных условиях.

Одновременно с тем, важно проанализировать завещательный отказ как новый вид завещательного распоряжения в наследственном праве. В юридической практике данный вид распорядительного акта называется легат, который означает будущее действие вступившего в права наследника по исполнению воли умершего, например, выплатить долг или передать имущество в пользу конкретных лиц в будущем [5]. В свою очередь, у легатария — отказополучателя по завещанию (третье лицо) возникает законное право требования от легата исполнения его обязательств. Фактически после смерти наследодателя между наследником и легатарием возникают обязательственные гражданские правоотношения, которые регулируются нормами ст. 1137 ГК РФ [1]. Завещательный отказ может быть реализован только при определенных условиях: после смерти наследодателя, при принятии наследства легатом, при жизни легатария, при наличии достаточной наследственной массы.

Исходя из этих условий, возникает ситуация, при которой исполнение обязательств перед легатарием является оспоримым иными лицами. Допустим, легат вынужден по решению суда выплатить долги наследодателя или исполнить иные его обязательства, при этом наследственной массы может оказаться недостаточно. Однако, законом не предусмотрено преимущественное право легата по принятию завещательного отказа как исполнение первоочередной воли наследодателя перед требованиями его кредиторов. В этом случае возникает дисбаланс интересов и несоблюдение приоритетности воли наследодателя. Учитывая непередаваемость прав легата по принятию завещательного отказа, иные наследники не вправе претендовать на передачу прав по переуступке или передаче этих прав иным способом. Таким образом, на наш взгляд, легат вправе требовать восстановления прав в порядке истребования из чужого незаконного владения имущества наследодателя, которое выбыло от легата вследствие вступившего в законную силу судебного акта или действий иных лиц до момента вступления легата в наследство. К примеру, обязанность легата предоставить в найм жилье родственнику умершего вместе с принятием наследства не может быть реализована, если это имущество перейдет к кредиторам по решению суда или наследникам по обязательной доле в наследстве, так как обязательство легата не передаваемо [6]. В целом полагаем, что права легатов и легатариев требуют более детального законодательного урегулирования с учетом баланса интересов и приоритетности их прав перед правами иных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302862/.
2. Демичев А.А. Совместное завещание супругов в Российском праве. Наследование по закону и по завещанию. — № 4. — 2018. — С. 9–11.
3. Беляев Р.В. Правовые основы распоряжения имуществом на случай смерти. «Экономика. Право. Общество». — № 1 (21). — 2020. — С. 18–33.
4. Черепанова О.С. Наследственный договор как новелла российского гражданского права (критический анализ некоторых положений) // Нотариус. — № 2. — 2019. — С. 41–44.
5. Демина И.А., Е.С. Омельченко. Завещательный отказ в наследственном праве: теория, практика и проблемы применения. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2019. Т. 7, № 1 (25) <http://esj.pnzgu.ru>
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» с изм. на 24.12.2020 г. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru),

Красильщиков Анатолий Владимирович (krasilschikov@inbox.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

THE USING VIDEO CONFERENCING IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

*L. Kapustina
T. Val'kova*

Summary. The article deals with the problems of using videoconferencing in the investigation of criminal cases. The authors stress the importance of using videoconferencing in the investigation of criminal cases. This conclusion is based on the analysis of statistics and scientific approaches. The need for the legal regulation of using videoconferencing in the investigation of criminal cases is stressed.

Keywords: criminal procedure, evidence, proving, technical means videoconferencing.

Капустина Лилия Константиновна
Преподаватель, Санкт-Петербургский
университет МВД России
liliakapustina90@gmail.com

Валькова Татьяна Владимировна
К.ю.н., доцент, Санкт-Петербургский университет
МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы использования видеоконференц-связи при расследовании уголовных дел. В статье на основании анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики делается вывод о значимости применения видеоконференц-связи на стадии предварительного расследования. Авторы приходят к выводу о том, что использование видеоконференц-связи при расследовании уголовных дел требует правовой регламентации и технического оснащения отделов полиции.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, доказательство, технические средства, видеоконференц-связь.

С развитием информационных технологий возникают новые требования к формам коммуникации. Стоит отметить, что в условиях недавно произошедших событий, затронувших все мировое сообщество [2], широкое распространение получили технологии беспроводной передачи информации.

В условиях принятия мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции, а также соблюдения разумных сроков предварительного расследования, назрела необходимость в использовании средств видеоконференц-связи (далее ВКС) на стадии предварительного расследования.

На сегодняшний день законодатель закрепил порядок использования ВКС лишь для судебной стадии. Так ст. 240 и ст. 278.1 УПК РФ предусматривают возможность использования судом систем ВКС в целях допроса свидетеля [9]. При организации допроса свидетеля путем использования систем ВКС, учитываются следующие моменты:

1. суд, находящийся по месту жительства свидетеля, организует проведение допроса с использованием систем ВКС;

2. суд по месту жительства удостоверяет личность свидетеля, а также истребует подписку о разъяснении прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных ст. 56 УПК РФ, которая направляется в суд, рассматривающий уголовное дело.
3. допрос проводится в соответствии со ст. 278 УПК РФ.

Несмотря на то, что использование систем ВКС регламентировано лишь для судебной стадии, действующее уголовно-процессуально законодательство не запрещает, а косвенно указывает на такую возможность, о чем свидетельствует ч. 6 ст. 164 УПК РФ, предусматривающая применение технических средств. Возможность использования систем ВКС в рамках расследования преступлений подтверждается результатами анализа научных трудов и правоприменительной практики.

Сегодня в науке все чаще внимание уделяется не столько обоснованию необходимости использования ВКС на досудебных стадиях, сколько изучению процессуально верного алгоритма ее применения [1, с. 46–53; 5, с. 38–39; 7, с. 291–300; 10, с. 117], поскольку

ку перечень причин ее востребованности достаточно велик.

Проведенный анализ научной литературы [6, с. 99; 8, 188–122] и правоприменительной практики позволил обозначить следующие преимущества, которые могла бы предоставить система ВКС в случае ее применения на стадии предварительного расследования:

1. обеспечение безопасности допрашиваемого лица;
2. обеспечение разумного срока предварительного расследования;
3. сокращение материальных затрат, связанных с обеспечением прибытия допрашиваемого лица в место производства предварительного расследования;
4. преодоление препятствий, связанных с нахождением лица в местах лишения свободы или содержанием под стражей;
5. повышение качества предварительного расследования за счет того, что следственные действия осуществляются лицом, в производстве которого находится уголовное дело;
6. проведение предварительного расследования в условиях соблюдения мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции.

Несмотря на обширный перечень преимуществ применение системы ВКС на стадии предварительного расследования до настоящего времени не имеет правовой регламентации. Справедливости ради отметим, на сегодняшний день подготовлен законопроект № 1184595–7, которым предлагается внести ряд изменений в УПК РФ, предоставив следователю право допроса посредством ВКС [3]. В отличие от законопроекта № 434998–7 от 5 апреля 2018 года [4], в законопроекте № 1184595–7 расширен круг лиц, которых возможно допросить с помощью ВКС, а именно наряду со свидетелем появляется возможность допроса потерпевшего, специалиста и эксперта.

В тексте законопроекта № 1184595–7, находящегося на рассмотрении в Государственной Думе РФ [3], содержатся сведения о возможных условиях, порядке и основании отказа в проведении допроса посредством ВКС. К условиям использования ВКС при допросе авто-

ры законодательной инициативы относят: невозможность личного участия лица в допросе; нахождение за пределами места производства предварительного расследования; основания, при которых допрос должен проводиться исключительно лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

К основаниям, запрещающим использование ВКС при допросе, относятся: возможность разглашения государственной тайны; возможность разглашения данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

В тексте законопроекта содержится следующий порядок осуществления допроса с использованием ВКС:

1. следователь или дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело, направляет поручение об организации допроса;
2. орган предварительного следствия или дознания, находящийся по месту жительства допрашиваемого лица: организует проведение допроса с использованием систем ВКС, удостоверяет личность допрашиваемого, составляет протокол и после проведения допроса направляет его инициатору поручения;
3. инициатор допроса после получения протокола посредством ВКС подписывает его;
4. допрос производится в соответствии со ст. 189 и ст. 191 УПК РФ.

Изложенное, позволяет сделать вывод о том, что появившаяся тенденция, обуславливающая необходимость правовой регламентации использования систем ВКС в ходе предварительного расследования, не может не радовать. Такой способ получения доказательственной информации, как производство допроса с использованием видеоконференц-связи, сократит материальные затраты и сроки расследования, позволит увеличить оперативность и повысить качество получения необходимой информации. В связи с этим вопросы правовой регламентации использования видеоконференц-связи при расследовании уголовных дел и соответствующего технического оснащения отделов полиции требуют скорейшего разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдонин К.В., Черкасов В.С. Видеоконференц-связь в следственных действиях: как правильно использовать и что поменять в УПК / К.В. Авдонин, В.С. Черкасов // Уголовный процесс. — 2018. — № 7. — С. 46–53.
2. Вступительное слово Генерального директора ВОЗ на пресс брифинге по COVID-19—11 августа 2021 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19—11-august-2021>.
3. Законопроект № 1184595–7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7#bh_note.

4. Законопроект № 434998–7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BAE69922D1C0B01B43258266005F6F81/\\$FILE/434998-7_05042018_434998-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BAE69922D1C0B01B43258266005F6F81/$FILE/434998-7_05042018_434998-7.PDF?OpenElement).
5. Лебедев Н.Ю. Отсутствие законодательного закрепления процедуры допроса с использованием систем видеоконференц-связи в ходе предварительного расследования — одна из причин возникновения конфликтных ситуаций / Н.Ю. Лебедев / Сборник материалов криминалистических чтений. — 2015. — С. 38–39.
6. Мазунин Я.М. Организационные особенности производства допроса с использованием видеоконференц-связи / Я.М. Мазунин, К.С. Сидорова / Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 24–25 мая 2019 г. — Екатеринбург, 2019. — С. 98–102.
7. Новиков С.А. Допрос в ходе досудебного производства: направления совершенствования / С.А. Новиков / Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.С. Алексева, г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 г. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 291–300.
8. Родивилина В.А. Потенциальная возможность использования систем видеоконференц-связи на предварительном расследовании / В.А. Родивилина, А.А. Шаевич / Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VI Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 08 декабря 2017 г.: В 2 Т. — Иркутск, 2017. — С. 118–122.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч.1), ст. 4921.
10. Щерба С.П., Архипова Е.А. Правовые основы применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования / С.П. Щерба, Е.А. Архипова // Уголовное право. — 2014. — № 4. — С. 109–117.

© Капустина Лилия Константиновна (liliakapustina90@gmail.com), Валькова Татьяна Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский университет МВД России

ОТСУТСТВИЕ ВЗАИМНОГО СОГЛАСИЯ СТОРОН КАК УСЛОВИЕ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ ОСПОРИМОЙ В СОВРЕМЕННОМ ДОГОВОРНОМ ПРАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

LACK OF MUTUAL ASSENT AS A CONDITION FOR RECOGNIZING A CONTRACT AS VOIDABLE IN MODERN ENGLISH CONTRACT LAW

A. Kozlov

Summary. This article analyzes in detail the lack of mutual assent of the parties as a factor of invalidity of the transaction in English contract law. The author identifies three main forms of the lack of mutual assent of the parties to the contract: 1) mistakes as to contractual realities; 2) misrepresentation; 3) exercise of duress and undue influence on the counteragent. The article describes each of the above forms, citing specific examples from the court practice of the United Kingdom. The conclusion is made about the influence of the fundamental principles of English contract law on the understanding of the lack of mutual assent as a concept.

Keywords: English contract law, lack of mutual assent, mistake, contractual realities, misrepresentation, duress, undue influence, counteragent.

Козлов Антон Гордеевич

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва
antonkozlov3000@yandex.ru

Аннотация. В данной статье подробно анализируется отсутствие взаимного согласия сторон договора как фактор недействительности сделки в договорном праве Великобритании. Автор выделяет три основных формы отсутствия взаимного согласия сторон договора: 1) ошибки относительно договорных реалий; 2) введение контрагента в заблуждение; 3) оказание давления и неправомерного влияния на контрагента. В статье дано описание каждой из вышеуказанных форм с приведением конкретных примеров из практики судов Великобритании. Сделан вывод о влиянии фундаментальных принципов договорного права Великобритании на понимание концепции отсутствия взаимного согласия сторон.

Ключевые слова: право договоров Великобритании, отсутствие взаимного согласия, ошибки в договорах, введение в заблуждение, давление, неправомерное влияние, контрагент.

В соответствии с нормами договорного права Великобритании при оценке действительности договоров судьи должны определить, согласились ли стороны заключить сделку добровольно и с полным пониманием ее смысла. Отсутствие взаимного согласия сторон может выражаться в 1) возникновении ошибок относительно различных договорных реалий, 2) введении контрагента в заблуждение и 3) оказании давления или неправомерного влияния на контрагента. Отсутствие взаимного согласия сторон, выраженное в любой из вышеперечисленных форм, является достаточным условием для признания сделки оспоримой. Оспоримые сделки могут быть расторгнуты по желанию одной из сторон или признаны ничтожными по результатам судебного разбирательства. [2]

Наиболее частыми видами ошибок, встречающихся в договорном процессе, являются ошибочное понимание конкретных условий договора и ошибки относительно личности контрагента. Ошибочное понимание договорных реалий обеими сторонами сделки позволяет судам признать существование «взаимной ошиб-

ки» («*mutual mistake*»), в то время как в тех случаях, когда только одна сторона сделки ошибается в отношении фактического содержания договора или личности контрагента, суды говорят об «односторонней ошибке» («*unilateral mistake*»).

Взаимная ошибка

Когда стороны существенно расходятся в понимании конкретных условий договора и не знают об этом, суд должен постановить, что стороны преследуют разные цели при исполнении договора («*acting at cross-purposes*»). Возникновение подобных ситуаций может быть обусловлено наличием расплывчатых или двусмысленных формулировок в соглашении, а также принципиально разными точками зрения сторон на факты объективной реальности. Так, например, в классическом деле *Raffles v Wichelhaus (1864)* продавец полагал, что груз хлопка отправится к покупателю на корабле SS Peerless, в то время как покупатель готовился принять груз, транспортируемый на другом корабле с таким же названием. При обнаружении вза-

имной ошибки судьи действуют в полном соответствии с принципом свободы договора: необходимо признать, что мнение каждой из сторон может быть сочтено разумным, и постараться сделать все возможное, чтобы вынести окончательное решение в пользу того мнения, которое обеспечит исполнение сделки на наиболее выгодных условиях для всех ее участников. Тем не менее, когда расхождение во мнениях признается не подлежащим исправлению, судьи объявляют договор недействительным *ab initio* (т.е. с момента его заключения).

Односторонняя ошибка в отношении условий договора

Если одна из сторон допустит явную ошибку в формулировании или понимании условий договора, и такая ошибка станет известна другой стороне, последняя должна предупредить об ошибке своего контрагента. В противном случае суд признает соглашение недействительным. При решении вопроса о том, могут ли стороны распознать ошибки в договорах, судьи принимают во внимание стандарты разумности (за критерий разумного поведения берется поведение «обычного разумного человека» в анализируемой ситуации), а также профессиональный статус сторон (например, ошибки в понимании коммерческих реалий договора должны быть очевидны для всех предпринимателей). Так, в деле *Hartog v Colin & Shields (1939)* суд постановил, что бизнесмен, много лет занимавшийся разведением зайцев и продажей их шкур, был обязан распознать опечатку в расчете цены крупной партии заячьих шкур. Если «обычный разумный человек» или бизнесмен не укажут своему контрагенту на очевидные для них ошибки, то контрагент имеет право настоять на своем толковании тех договорных условий, в которых была допущена ошибка.

Односторонняя ошибка в отношении личности контрагента

Согласно общему правилу, суд обязан признать соглашение недействительным в случае, когда одна из сторон ошибается в отношении личности своего контрагента. Если одна из сторон договора, действуя в мошеннических целях, обманом заставляет своего контрагента признать ее другим физическим или юридическим лицом, договор может быть расторгнут по требованию обманутой стороны. Так, в деле *King's Norton Metal Co Ltd v Edridge, Merrett & Co Ltd (1897)* через подставное лицо была создана компания, которая занималась закупкой товаров в кредит с целью их последующей перепродажи по более высоким ценам. Суд удовлетворил иск кредиторов, не получивших исполнения своих требований от компании-должника, после установления мошеннического характера деятельности последней.

Следует особо отметить, что во многих видах сделок (наиболее показательным примером является розничная продажа товаров в универмагах) личность контрагента не имеет значения. Вышеуказанное правило о признании соглашения недействительным применяется в тех случаях, когда сторона соглашается заключить договор только с определенным физическим или юридическим лицом (таким образом, ошибочная идентификация личности контрагента лишает сделку ее существенного смысла).

Когда сделки заключаются при личном присутствии сторон, предполагается, что сторона, допустившая ошибку, имеет дело с лицом, которое физически присутствует перед ней.

Когда договор составлен в письменной форме, предполагается, что сторона, допустившая ошибку, имеет дело с контрагентом, имя которого указано в тексте договора. Это правило применяется также в тех случаях, когда весь процесс переговоров по сделке осуществляется в письменной форме, но фактически договор заключается при личной встрече сторон.

Совместная ошибка сторон договора

Неправильное понимание фактов объективной реальности сторонами договорного процесса может обусловить несоответствие их волеизъявлений и привести к возникновению так называемой «совместной ошибки» (*«common mistake»*).

Современная доктрина совместной ошибки была разработана судьями Апелляционного суда Ее Величества, которые постановили, что стороны могут расторгнуть договор, если будут выполнены следующие четыре условия: 1) стороны верят в существование определенных договорных реалий, но эти реалии не существуют на самом деле; 2) ни одна из сторон не несет ответственности за обеспечение существования данных договорных реалий; 3) было бы ложным утверждать, что данные договорные реалии прекратили свое существование по вине какой-либо из сторон; 4) тот факт, что данные договорные реалии не существуют на самом деле, делает исполнение договора объективно невозможным (наиболее показательными примерами являются договоры купли-продажи таких товаров, которые никогда не существовали или прекратили свое существование) или лишает сделку ее первоначального коммерческого смысла. Следует особо отметить, что в приведенном выше перечне термин «договорные реалии» следует понимать как а) предмет договора; б) существенные условия договора; в) фактические обстоятельства совершения сделки. Так, например, в деле *Couturier v Hastie (1856)* стороны

заключили договор купли-продажи зерна в то время, когда корабль, груженный зерном, находился в пути от продавца к покупателю. При этом стороны договора не были осведомлены о том факте, что в момент заключения сделки зерно уже начало портиться, и капитан грузового судна принял решение о его продаже третьей стороне до прибытия в пункт назначения. [5]

Введение контрагента в заблуждение

Согласно общему правилу, если одна из сторон договора делает ложное утверждение о прошлом или настоящем факте, имеющем отношение к сделке, то данная сторона вводит контрагента в заблуждение. Определенные утверждения о фактах следует отличать от простого выражения мнений в процессе переговоров. Так, в деле *Bissett v Wilkinson (1927)* суд посчитал утверждение одной из сторон о том, что земельный участок пригоден для выпаса 2000 овец, выражением личного мнения, а не утверждением о факте, так как данная сторона не обладала профессиональными знаниями в сфере животноводства.

Если сторона договора передает своему контрагенту информацию, полученную от третьих лиц, такая сторона будет нести гражданско-правовую ответственность за введение контрагента в заблуждение только в случае преднамеренного искажения фактов, предоставленных первичным источником. Если данная сторона интерпретирует полученную информацию и предоставляет ее контрагенту в качестве собственного утверждения об определенном факте, гражданско-правовая ответственность наступает в том случае, когда такое заявление оказывается ложным.

Умолчание об определенных фактах приравнивается к введению контрагента в заблуждение в тех случаях, когда характер договора презюмирует наличие доверительных отношений между сторонами (это относится к договорам страхования, а также к договорам купли-продажи, которые подразумевают ответственность производителей товаров перед потенциальными покупателями).

Согласно судебной практике, сторона договора может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности за введение контрагента в заблуждение посредством конклюдентного поведения.

Закон «О введении в заблуждение», принятый Парламентом Соединенного Королевства в 1967 году, дает определения трех видов утверждений о фактах, приводящих к введению контрагента в заблуждение: 1) мошенническое (преднамеренное) искажение фактов, совершаемое стороной договора, которая либо а) изначально

знает о ложности фактов, либо б) безразлично относится к тому, являются ли данные факты истинными или ложными; 2) искажение фактов вследствие проявленной небрежности, совершаемое стороной договора, которая безразлично относится к тому, являются ли данные факты истинными или ложными, и при этом характер договора презюмирует наличие доверительных отношений между сторонами; 3) искажение фактов вследствие добросовестного заблуждения, совершаемое стороной, которая не знает и не может знать о ложности той информации, которую она передает контрагенту. Согласно положениям Закона, в случае мошеннического искажения фактов пострадавшая сторона может потребовать признать договор недействительным с момента его заключения (т.е. аннулировать результаты деятельности, осуществленной в целях исполнения обязательств по договору и восстановить *status quo* сторон) и компенсировать убытки, понесенные в результате предоставления заведомо ложной информации. В случае искажения фактов вследствие проявленной небрежности, выбор между признанием договора недействительным с момента его заключения и компенсацией убытков осуществляется на усмотрение суда. Искажение фактов вследствие добросовестного заблуждения предоставляет пострадавшей стороне право на компенсацию убытков только в том случае, когда ложная информация была включена в договор в качестве существенного условия; в противном случае, пострадавшая сторона может потребовать компенсации убытков. [1]

Оказание давления на контрагента

Сторона может потребовать расторжения договора в судебном порядке в случае, если сделка была заключена в результате принуждения со стороны контрагента. Согласно судебной практике, принуждение может принимать форму а) угроз личности контрагента; б) угроз причинения материального ущерба контрагенту или в) оказания экономического давления на контрагента.

а) Угрозы личности контрагента включают угрозы применения насилия, а также угрозы лишения свободы. Такие угрозы могут быть высказаны либо в адрес самого контрагента, либо в адрес близких ему людей или его сотрудников. Более того, данные угрозы, высказанные в отношении человека, совершенно незнакомого контрагенту, будут приравнены судом к угрозам личности контрагента, если удастся доказать, что заключение контрагентом нежелательной сделки является единственным способом предотвратить причинение вреда незнакомому лицу.

б) Угрозы причинения материального ущерба контрагенту включают угрозы повреждения или унич-

тожения имущества контрагента, а также угрозы незаконного изъятия товаров контрагента из оборота или незаконной задержки сроков доставки таких товаров.

в) Экономическое давление возникает в ситуациях, когда одна из сторон угрожает отказаться от исполнения своих обязательств по договору, если контрагент не согласится исполнить ее требования. При этом отказ стороны от исполнения своих обязательств по договору может в достаточной степени ухудшить финансовое положение ее контрагента или даже привести его к банкротству. В то же время предъявляемые требования должны быть коммерчески необоснованными (т.е. они должны выходить за рамки обычной конкурентной борьбы на капиталистических рынках). Так, в деле *Kolmar Group AG v Traxpo Enterprises Pvt Ltd (2010)* продавец метанола после заключения договора купли-продажи внезапно заявил своему контрагенту, что готов продать метанол только по значительно завышенной цене. Контрагент, который был связан обязательством поставить большую партию метанола третьему лицу и не имел возможности заказать метанол у другого продавца, был вынужден согласиться на невыгодную сделку и понес значительные убытки. Суд признал действия продавца метанола оказанием экономического давления на контрагента. [3]

Оказание неправомерного влияния на контрагента

Сторона может потребовать расторжения договора в судебном порядке в случае, если сделка была заключена в результате оказания неправомерного влияния со стороны контрагента. Современная судебная практика проводит четкое различие между а) фактическим неправомерным влиянием и б) презюмируемым неправомерным влиянием.

а) Суд устанавливает факт оказания неправомерного влияния в том случае, если истец предоставляет

доказательства 1) существования доверительных отношений между ним и контрагентом; 2) злоупотребления доверием со стороны контрагента с целью принуждения к заключению невыгодной сделки.

б) Определенные виды личностных отношений между сторонами договора (например, отношения между родителем и ребенком, опекуном и подопечным, адвокатом и клиентом, врачом и пациентом и т.д.) порождают презумпцию оказания неправомерного влияния на контрагента в случае возникновения гражданско-правовых споров. Чтобы опровергнуть эту презумпцию, ответчик должен доказать, что до заключения договора истец получил консультацию относительно сути соглашения от независимого и профессионально компетентного лица, которое осведомлено обо всех фактических обстоятельствах сделки. Так, в деле *Barclay's Bank PLC v O'Brien (1994)* муж убедил жену выступить гарантом обеспечения исполнения обязательств его компании перед банком, сообщив ей существенно заниженную сумму превышения кредита. Суд постановил, что на жену было оказано неправомерное влияние, так как представители банка не смогли обеспечить ей независимую юридическую консультацию перед заключением сделки. [4]

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что отсутствие такого важного элемента договора как взаимное согласие сторон автоматически обуславливает оспоримый характер сделки в современном договорном праве Великобритании. Соблюдение принципа обязательной силы договора становится возможным благодаря наличию комплексного правового механизма, призванного компенсировать вред, причиненный пострадавшей стороне. При этом принцип свободы договора не позволяет признать договор недействительным без проведения судебного разбирательства, что служит гарантией сохранения договорных отношений до обнаружения не подлежащего исправлению фактора недействительности сделки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andrew Burrows. A Restatement of the English Law of Contract [Пересмотр права договоров Великобритании]/Oxford University Press; 1st edition, 2016. — 297 p.
2. Hugh Beale. Chitty on Contracts, 33rd Edition: Volume 1 (General Principles) [Читти о договорах: общие принципы]/Sweet & Maxwell U.K., 2020. — 2561 p.
3. Jan M. Smits. Contract Law: A Comparative Introduction, 3rd Edition [Право договоров: сравнительное введение]/Edward Elgar Publishing, 2021. — 320 p.
4. John Cartwright. Contract Law: An Introduction to the English Law of Contract for the Civil Lawyer [Право договоров: введение в право договоров Великобритании для адвоката по гражданским делам]/Hart Publishing, 2016. — 513 p.
5. Lucy Jones. Introduction to Business Law, 5th Edition [Введение в предпринимательское право]/Oxford University Press, 2019. — 640 p.

© Козлов Антон Гордеевич (antonkozlov3000@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ВОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

OWNERSHIP RIGHT TO WATER BODIES: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

A. Krytsula

Summary. This article examines the issues of ownership of water bodies, as well as the norms of civil and water legislation on this issue, their correlation. Attention is paid to the very concept of “water bodies” as a specific object of property turnover. The importance and civil-legal significance of differentiating the concepts of “water” and “water body” is explained. The presumption of federal ownership of water bodies is investigated. Particular attention is paid to the analysis of the implementation of the ownership of the pond and the watered quarry, as water bodies that can be privately owned and are objects of property turnover. The problems of ownership of water bodies raised in scientific work are compared with similar legal structures of foreign legal orders.

Keywords: property right, water legal relations, water body, pond, watered quarry, water code, water use. This article is devoted to ownership on bodies of water according to Russian Civil Law and Russian Water Resources Law.

Крыцула Алексей Алексеевич

*К.ю.н., доцент, Северо-Кавказский филиал
Российский государственный университет правосудия
aakrytsula@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы права собственности на водные объекты, а также нормы гражданского и водного законодательства по указанному вопросу, их соотношение. Уделяется внимание самому понятию «водные объекты», как специфическому объекту имущественного оборота. Объясняется важность и гражданско-правовое значение разграничения понятий «вода» и «водный объект». Исследуется презумпция федеральной собственности на водные объекты. Особое внимание занимает анализ осуществления права собственности на пруд и обводненный карьер, как водные объекты, которые могут находиться в частной собственности, и являются объектами имущественного оборота. Поднимаемые в научной работе проблемы права собственности на водные объекты сопоставляются с аналогичными правовыми конструкциями зарубежных правовых порядков.

Ключевые слова: право собственности, водные правоотношения, водный объект, пруд, обводненный карьер, водный кодекс, водопользование.

Право собственности на водные объекты в юридическом аспекте можно рассматривать с двух сторон: как правовой институт и как совокупность правомочий собственника.

Нормы, закрепленные в ВК РФ, регулируют специфические черты, характер права собственности на водные объекты и особенности механизма реализации правомочий собственника, а нормы, содержащиеся в ГК РФ, определяют общее содержание права собственности на водные объекты [5].

Некоторые исследователи считают, что в водном праве закреплен лишь механизм реализации права использовать воду (водные объекты) — права водопользования, в связи с чем в водном законодательстве преимущественно закрепляются отношения водопользования, а не собственности [4].

Однако также существует мнение, что правоприменителям следует принимать во внимание непосредственное намерение законодателя создать отдельный

правовой режим, а при наличии конкуренции между общей и специальной норм предпочтением должно быть отдано специальной норме [18].

Нормы ВК РФ не противоречат нормам гражданского законодательства, так как регулируется не только вопрос отчуждения земельного участка, но и судьба водных объектов, имеющих свой режим использования и защиты [11].

Еще в 2009 году в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [14] было указано, что в ГК РФ необходимо включить нормы, регламентирующие право собственности на такие объекты, как участки недр и водные объекты, и к данному праву следует в субсидиарном порядке применять нормы о праве собственности на земельные участки.

Такая позиция до сих пор поддерживается в научной литературе, отмечается необходимость переноса правил о праве собственности на водные объекты в ГК РФ, так как земельный участок и расположенный в его

границах обособленный водный объект выступают в гражданских правоотношениях в качестве единого объекта гражданских прав [19].

В целях рассмотрения вопроса о праве собственности на водные объекты кратко рассмотрим понятие водного объекта, так как данные определения часто будут использоваться в настоящей статье и без их освещения восприятие норм законодательства о праве собственности на водные объекты может быть затруднено. Определение данных терминов также позволит понять последовательность действий законодателя или наоборот обнаружить пробелы в законе.

Понятие водного объекта закреплено в ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации 2006 г. (далее — ВК РФ) и представляет собой природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима. Такое определение водного объекта в российском законодательстве позволяет понять, что водный объект — это не просто место, в котором присутствует вода, а представляет собой природный комплекс, единое неделимое природное образование земли и воды.

Некоторые исследователи также рассматривают в качестве объектов экологических отношений не водные объекты, а воды в их естественно природном состоянии [7]. Такой подход создает определенные препятствия при определении предмета прав субъектов водных отношений на указанные «воды», в связи правовую конструкцию водного объекта необходимо рассматривать в качестве соединения земли-недвижимости и водной массы [26].

В зависимости от особенностей режима, физико-географических, морфометрических и других особенностей ВК РФ разделяет водные объекты на две категории: поверхностные и подземные водные объекты.

В соответствии со ст. 5 ВК РФ поверхностный водный объект состоит из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии, которая по-разному определяется законодателем для каждого вида водного объекта. При этом обязательным признаком поверхностных водных объектов является соединение земли и воды [13].

К подземным водным объектам водное законодательство относит бассейны подземных вод и водонесные горизонты. Несмотря на то, что в отношении подземных водных объектов ВК РФ отсылает к законодательству о недрах, в данном законодательстве используется такое понятие как «подземные воды», то есть вода рассматривается в качестве ресурса.

Пересмотр концепции исключительной государственной собственности на водные объекты, ранее существовавший в российском законодательстве, произошёл в результате развития экономики и установления в Конституции РФ 1993 г. многообразия форм собственности на природные объекты.

Новый вид водных объектов — обособленные водные объекты — впервые был определен в ВК РФ 1995 г., данные водные объекты могли находиться в различных формах собственности, в т.ч. частной.

В ныне действующем ВК РФ закреплена презумпция государственной собственности на *поверхностные водные объекты*, исключение из которых составляют обособленные водные объекты (пруды и обводненные карьеры) — они могут находиться в собственности субъекта, муниципального образования, физического или юридического лица, если данные объекты расположены на земельном участке, принадлежащем соответствующему лицу на праве собственности. Таким образом, в водном законодательстве закреплено 3 вида права собственности: государственная, муниципальная и частная.

В отношении *подземных водных объектов* указанные выше исключения не предусмотрены, согласно ст. 1.2 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395–1 «О недрах» недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме.

Таким образом, закреплена исключительная государственная собственность на подземные водные объекты. Такой подход позволяет государству как контролировать объемы извлекаемых водных ресурсов, так и получать выгоду посредством предоставления на возмездной основе права пользования водными объектами иным лицам.

Указанная выше презумпция также закреплена в пункте 2 статьи 214 ГК РФ, согласно которому земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

Установление презумпции государственной собственности на водные объекты также прямо корреспондирует статье 9 Конституции РФ 1993 г., согласно которой природные ресурсы являются основой жизни

и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Возможность приобретения некоторых водных объектов в частную собственность (прудов и обводненных карьеров) и наличие равного доступа к приобретению права пользования являются одними из принципов, обеспечивающих социальную справедливость в области водных правоотношений [27].

Существует мнение, что такое сложившееся отношение законодателя к водным объектам вполне оправданно, так как передача водных объектов в частную собственность привело бы к реальной угрозе экономической безопасности государства, а также при наличии многообразия форм собственности на природные ресурсы были бы созданы риски сосредоточения большинства природных богатств в руках узкого круга людей [2]. Также иные исследователи отмечают, что в Конституции РФ 1993 г. отражена идея социальной функции собственности, что вытекает из принципа социального государства, а также из системного толкования ст. 9 Конституции РФ 1993 г. [30]. Разрешение вопроса о преимуществе федеральной собственности на новые объекты также логично вытекает из того, что Российская Федерация является федеральным государством [6].

Однако также существует мнение, что непосредственные интересы человека (экологические, социальные, культурно-просветительские, оздоровительные) преобладают над коммерческим (экономическим) интересом государства, в связи с чем государство должно ограничивать свои полномочия в пользу общественно-го интереса в использовании данных объектов [12].

Принадлежащие государству, субъектам или муниципальным образованиям водные объекты, а также их береговые полосы (протяженность установлена отдельно для каждого вида водного объекта) считаются общедоступными, в связи с чем любой человек вправе использовать общедоступные водные объекты для личных или бытовых нужд (при соблюдении правил и ограничений, установленных законом).

В связи с существованием нескольких форм собственности на поверхностные водные объекты, законодательством предусмотрена возможность совершения различных гражданско-правовых сделок (например, купля-продажи, аренда) *в отношении прудов и обводненных карьеров* вместе с прилегающими земельными участками.

В свою очередь, ВК РФ не содержит определение «понятий пруд» и «обводненный карьер», которые по-

мимо государственной могут находиться в муниципальной и частной собственности.

В толковом словаре С.И. Ожегова указано, что пруд — это водоем в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке [19].

Верховный Суд РФ указал, что из системного толкования приведенных положений ст. 1, 5, 8 ВК РФ в негосударственной собственности могут находиться только пруды (состоящие из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии), *обладающие признаками изолированности и обособленности от других поверхностных водных объектов, то есть не имеющие гидравлической связи с иными водными объектами*. Если пруд не обособлен и не изолирован от других поверхностных водных объектов и имеет с ними гидравлическую связь, он относится к собственности Российской Федерации, в том числе и в случае, когда пруд образован на водотоке (реке, ручье, канале) с помощью водонапорного сооружения [20].

Минприроды России в 2012 году разъяснило, что права собственности на водные объекты (имеются ввиду водные объекты, находящиеся в государственной собственности) и права собственности на создаваемые на водотоках подпорные гидротехнические сооружения не связаны между собой — последние могут находиться в различных формах собственности (государственной, муниципальной, частной). При этом созданный на водотоке новый объект будет иметь все правовые основания для установления на него федеральной формы собственности. В таком случае собственник гидротехнического сооружения имеет права владения, пользования и распоряжения гидротехническим сооружением как объектом недвижимости [21].

Сведения о гидротехнических и иных сооружениях, расположенных на водных объектах, о кадастровых номерах земельных участков, в границах которых расположены водные объекты, и земельных участков, занятых указанными сооружениями, а также о документах, на основании которых зарегистрировано право собственности, подлежат внесению в государственный водный реестр в соответствии с пунктом 12 Положения о ведении государственного водного реестра [23].

Министерство экономического развития указало, что если для самостоятельного создания пруда требуется только проведение земляных работ, то разрешение на строительство не требуется, однако если требуется строительство гидротехнического сооружения, то требуется получение разрешения на строительство указанного сооружения, а не самого водного объекта [22].

В связи с отсутствием понятия «пруд» в водном законодательстве Российской Федерации возможно применение терминов и понятий, содержащихся в ГОСТах в части, не противоречащей нормам законодательных актов Российской Федерации [9]. Согласно ГОСТу 19179–73 «Гидрология суши. Термины и определения» [10] пруд — это мелководное водохранилище площадью не более 1 км., а пруд-копань — небольшой искусственный водоем в специально выкопанном углублении на поверхности земли, предназначенный для накопления и хранения воды для различных хозяйственных целей.

По мнению исследователей, отсутствие в законе указания на необходимость исключения гидравлической связи прудов с иными водными объектами создает проблемы в правоприменительной практике, и для преодоления данного пробела юридическое понятие «пруд» необходимо закрепить в ВК РФ, позаимствовав определение из ГОСТа [31]. На настоящий момент наличие определения разных видов водных объектов в ГОСТах не имеют обязательной силы и не восполняют пробел законодательства [28].

Также существует мнение, что в реальной жизни отсутствие гидравлической связи с другими поверхностными водными объектами встречается очень редко, так как может существовать незаметная человеку косвенная гидравлическая связь с поверхностными водами через подземные горизонты и родники [6].

В 2017 году на сайте Министерства природных ресурсов и экологии РФ был опубликован ответ на запрос, связанный с юридическим обоснованием понятия термина «пруд».

Министерство природных ресурсов и экологии РФ указало, что «для пруда характерен слабый уклон дна, достаточно крутые берега, устойчивое к размыву ложе. Они сооружаются на реках, ручьях, оврагах, логах, балках, карьерах. Глубина, как правило, составляет около 3–5 метров, а площадь акватории достигает 1 кв. км. Если размеры и глубины превышают указанные параметры, речь идет о водохранилищах».

Министерство природных ресурсов и экологии РФ также указало, что в правовых отношениях обособленные водные объекты выступают как принадлежность земельного участка, в границах которого они расположены [9].

Обводненные карьеры имеют схожие характеристики с прудами, и во многом близки к ним. Карьеры представляют собой выемки в земной коре, которые образуются при добыче полезных ископаемых. Как пра-

вило, обводненный карьер не используется для добычи полезных ископаемых, а его заполнение происходит естественным или искусственным образом [15].

Однако отсутствие закрепленных в законодательстве критериев определения разновидности водного объекта (применительно к пруду или обводненному карьеру) может создать ситуацию, когда разновидность водного объекта будет определяться субъективно, что позволит отчуждать водный объект в нарушение интересов общества и приведет к причинению имущественного вреда государству [5].

Возникновение и прекращение права собственности на водный объект неразрывно связывается с возникновением или прекращением права собственности на земельный участок, на котором размещен водный объект. Именно в связи с неразрывностью земельного участка и водного объекта второй следует юридической судьбе первого.

Таким образом, не допускается отдельное отчуждения водного объекта и земельного участка, а также не разрешается раздел земельного участка, если в результате его разделения будет произведен раздел водного объекта (пруда, обводненного карьера).

Согласно п. 2 ст. 261 ГК РФ право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и водные объекты, находящиеся на нем растения. Из этого следует, что гражданским законодательством водный объект признается частью земельного участка, на который автоматически распространяется право собственности.

Некоторые исследователи называют обособленные водные объекты в правовых отношениях как принадлежность земельного участка, сравнения с определением главной вещи и принадлежности, установленным в 135 ГК РФ [5].

Также существует мнение, что из толкования статей 130 и 261 ГК РФ следует, что обособленный водный объект может выступать самостоятельным объектом гражданско-правового оборота, и может быть объектом купли-продажи, залога и иных сделок, предусмотренных гражданским законодательством».

Однако данную позицию можно легко подвергнуть критике, так как в случае передачи водного объекта в залог обращение на него взыскания невозможно (например, с трудом представляется возможность перевозки дна пруда и воды в иное место, определенное залогодержателем).

Некоторые исследователи вообще указывают, что водные объекты по своей правовой природе не являются недвижимым имуществом, так как в соответствии со ст. 3 ВК РФ они признаны природным объектом и природным ресурсом [1].

При рассмотрении водного объекта как объекта гражданских прав (пруда или обводненного карьера, находящегося в частной собственности), можно сделать вывод, что водный объект относится к недвижимому имуществу на основании ст. 130 ГК РФ, так как он неразрывно связан с земельным участком.

В пункте 3 ст. 209 ГК РФ закреплено, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц.

Также в ст. 129 ГК РФ закреплено, что земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому иным способом в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и другими природными ресурсами.

В соответствии с п. 3 ст. 261 ГК РФ собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц.

При толковании статей 129, 209, 261 ГК РФ можно прийти к выводу о том, что применение к природным ресурсам, в том числе к воде, института права собственности имеет свои принципиальные особенности. Например, в гражданском законодательстве прослеживается наличие «экологических приоритетов», так как собственник вправе осуществлять свои права лишь в той мере, пока это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц.

Так как сосредоточенная в водных объектах вода имеет текучее состояние, что позволяет ей находиться в состоянии непрерывного движения и водообмена, то к ним не может быть в полной мере применено правомочие владения, однако у собственника имеется возможность затруднять или исключать третьим лицам доступ к водным объектам, что, в свою очередь, охватывается понятием владения [23].

Собственник водного объекта имеет право предоставить третьему лицу пользование водным объектом

(выбор способа предоставления права пользования зависит от целей предполагаемого водопользования, которые закреплены в ст. 11 ВК РФ).

В части 5 ст. 8 ВК РФ также указано, что естественное изменение русла реки не влечет за собой прекращение права собственности РФ на этот водный объект. Данное правило не вызывает особых дискуссий в пределах РФ [8], однако неразрешенным остается вопрос с водными объектами, которые могут выйти за пределы РФ. Очевидно, в таких случаях будут действовать двусторонние соглашения, однако в ВК РФ данный вопрос остается неразрешенным.

Таким образом, при рассмотрении прав собственника на водные объекты можно выделить следующие особенности:

- ◆ собственником не может быть осуществлено непосредственное владение водой, так как она находится в непрерывном движении (во всех своих проявлениях);
- ◆ ограничивается право собственника на свободное отчуждение водного объекта (за исключением прудов и обводненных карьеров) в связи с отношением к водным объектам как к природным ресурсам;
- ◆ зачастую возникают трудности при определении разновидности и границ водного объекта, которое находится в собственности, в связи с невозможностью точного определения наличия/отсутствия гидравлической связи водных объектов под землей;
- ◆ водные объекты требуют постоянного мониторинга в связи с их изменчивым характером.

При рассмотрении опыта зарубежных стран хочется отметить, что технический прогресс XX века заставил наращивать различные государства массив водного законодательства, в результате чего приоритетными задачами были определены охрана водотоков, водоемов, акваторий морей [3].

Исследователи отмечают, что в мировом сообществе преобладает принцип государственной собственности на воду, который распространяется на поверхностные воды, атмосферные осадки и подземные воды. В Боннской декларации закреплено, что именно правительства несут основную ответственность за обеспечение эффективного и справедливого выделения ресурсов и управления ими [24].

При этом новой тенденцией в рамках управления водными ресурсами стало внедрение системы продаваемых прав собственности на водные ресурсы. Данная тенденция зародилась в западных штатах США, что

позволяет продаваемые права первому водопользователю «продавать лишнее количество воды на рынке, т.е. торговать правом собственности на воду» [16].

Положения Модельного водного кодекса для государств — участников СНГ [17] в целом содержат аналогичные положения, как и в российском законодательстве в отношении права собственности на водные объекты, а также правомочий и ограничений прав собственников в отношении водных объектов.

Государства Западной Европы и Северной Америки признают право собственности на водные объекты за государством или муниципальными образованиями, а возможность нахождения в частной собственности предоставляется только в отношении небольших по площади и нередко рукотворных водных объектов. Крупные водные объекты воспринимаются как «общее достояние» [25].

В Китае отсутствуют частные водные объекты, вода представляет собой общественное благо, государство управляет и контролирует использование, поставку и распределение водных запасов, что является одной из составляющих плановой экономики Китая. В Швейцарии эффективную позитивную роль сыграл Союз охраны природы, который приобрел в собственность

ряд озер, что позволило активистам Союза контролировать водоемы, находящиеся в частной собственности. В некоторых штатах США также часть прав предоставлены негосударственным организациям, которые вправе контролировать правильность распределения вод. В Испании предусматривается общественная собственность на морскую береговую зону, однако природные ресурсы находятся в государственной собственности.

В Болгарии и Словении закреплена государственная собственность на поверхностные водные объекты вместе с сопряженными к ним дном и берегом.

В Чешской Республике поверхностные или подземные водные объекты не являются предметом (частного) права собственности, а в Эстонии водоемы могут находиться в частной собственности, если они расположены в границах участка, находящегося в частной собственности данного лица [16].

Несмотря на то, что всеми государствами признается важная роль «воды» (и в том числе водных объектов) в жизни народов соответствующих территорий, каждая правовая система содержит собственные нормы регулирования водных отношений, учитывающих особенности соответствующих государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакина Е.Н., Аверьянова Н.Н., Анисимов А.П. и др. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / под ред. А.П. Анисимова. М.: Юстицинформ, — 2020. 800 с.
2. Аверьянова Н.Н. Конституционно-правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации: монография / под ред. Г.Н. Комковой. М.: Юстицинформ, — 2017. — 264 с.
3. Боголюбов С. А. и др. Институты экологического права. М.: Эксмо, — 2010, С. 345–364.
4. Боголюбов С.А. Постатейный комментарий к Водному кодексу Российской Федерации / М.: Юстицинформ, — 1996. // СПС Консультант Плюс.
5. Боголюбов С.А., Кичигин Н.В., Пономарев М.В. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Юстицинформ, — 2007. — 312 с.
6. Боголюбов С.А., Сиваков Д.О. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. N74-ФЗ (постатейный) // Законодательство и экономика. — 2007. — № 5. С. 3–137.
7. Бринчук М.М. Экологическое право: объекты экологических отношений. М., 2011. С. 76–83.
8. Вопрос о принадлежности права собственности на территории нескольких субъектов, муниципальных образованиях, поселениях разрешен в ст. 7 Федерального закона от 03.06.2006 № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации».
9. Вопрос-ответ // Минприроды России: официальный сайт. 2017. URL: http://oldsite.zapoved.ru/activities/answer.php? PAGEN_1=9 (дата обращения: 31.05.2021).
10. ГОСТ 19179–73. Государственный стандарт Союза ССР. Гидрология суши. Термины и определения / введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 29 октября 1973 г. N2394 // СПС Консультант Плюс.
11. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.А. Ялбулганова. — 2010 // СПС Консультант Плюс.
12. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. N74-ФЗ (постатейный) / Под ред. О.Л. Дубовик // СПС КонсультантПлюс. — 2011.
13. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. — М.: Эксмо, — 2010. С. 350–353.
14. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11, ноябрь.
15. Лемкина Е.Н. Право собственности на водные объекты / Сибирский юридический вестник. — 2010. — № 3(50). С. 60.

16. Лю Цин. Исследование развития прав собственности на водные ресурсы и их применения в Китайской Народной Республике и других странах / Международные аспекты водного законодательства / под ред. Г.А. Карлова. — М.; Издание Государственной Думы, — 2015. С. 53–58.
17. Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств 16 ноября 2006 г. // Информационный бюллетень государств — участников СНГ. Приложение. 2007. N39.
18. Научно-практический комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 03.06.2006 N74-ФЗ (постатейный) / под ред. Ю.В. Сорокиной. — 2017 // СПС Консультант Плюс. 2017.
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 1949–1992. М.: Азъ, — 1992.
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 301-ЭС18-10194 от 06.12.2018 по делу № А39-7480/2015; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 17.07.2019 // СПС Консультант Плюс.
21. Письмо Минприроды России от 23.08.2012 N03-14-33/13260 «О праве собственности на водных объектах» // СПС Консультант Плюс.
22. Письмо Минэкономразвития РФ от 17.08.2011 № ОГ-Д23-962 // СПС Консультант Плюс.
23. Положение о ведении государственного водного реестра утверждено Постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2007 г. № 253 «О порядке ведения государственного водного реестра» // СПС Консультант Плюс.
24. Салман М.А. Салман, Даниел Д. Брэдлоу. Нормативно-правовые основы управления водными ресурсами: базовые элементы и новые тенденции // Юридический сборник «Международное и национальное водное право и политика». — 2006. — № 1(15). С. 89–104.
25. Сиваков Д.О. Водное право России и зарубежных государств. М.: Юстицинформ, — 2010. С. 305–308.
26. Сиваков Д.О. Водный объект и водный фонд как правовые понятия // Lex russica. — 2016. — № 6. С. 91–102.
27. Сиваков Д.О. Коррупционные проявления в области водных отношений и меры по их снижению // Журнал российского права. — 2018. — № 10. С. 156–164.
28. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗИСП, НОРМА, ИНФРА-М, — 2017. 432 с.
29. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, — 2017. 560 с.
30. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. — М.: Юрид. литература, 2005. С. 67.
31. Ястребов А.Е. Право собственности на пруды: спорные вопросы законодательства и судебной практики // Экологическое право. — 2017. № — 1. — С. 30–32.

© Крыцула Алексей Алексеевич (aakrytsula@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

QUALITY AND SAFETY AS THE MAIN LEGAL CATEGORIES IN THE FUNCTIONING OF THE COMMON MARKET OF MEDICINES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A. Lomakina

Summary. Since January 2017, the pharmaceutical market has been declared the first common market within the Eurasian economic Union (EEU). General conditions for the circulation of medicines are designed to be optimal for development and increasing competitiveness. It is assumed that these integration processes should ensure the quality of medicines in circulation and the safety of the consumer.

The main legal categories from which the functioning of the common market of medicines is based are quality, safety and effectiveness. The author considers the content of the categories «quality» and «safety» as forming a structural and logical system of normative legal regulation of the functioning of the common market of medicines in the EEU.

Keywords: medicines, national drug markets, quality and safety of medicines, regulatory framework, formation of a single market of drugs in the Eurasian economic union.

Ломакина Алина Амадовна

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Alinalomakina90@yandex.ru

Аннотация. С января 2017 г. в рамках ЕАЭС первым общим рынком объявлен рынок фармацевтических препаратов. Общие условия обращения лекарственных средств призваны стать оптимальными для развития и повышения конкурентоспособности. Предполагается, что эти интеграционные процессы должны обеспечить качество лекарственных средств, находящихся в обращении, и безопасность потребителя. Основными правовыми категориями, на которых основывается функционирование общего рынка лекарственных препаратов, являются качество, безопасность и эффективность. Автор статьи рассматривает содержание категорий «качество» и «безопасность» с позиции понятий, образующих структурно-логическую систему нормативного правового регулирования функционирования общего рынка лекарственных препаратов в ЕАЭС.

Ключевые слова: лекарственные препараты, национальные рынки лекарственных средств, качество и безопасность лекарственных препаратов, нормативная правовая база, формирование единого рынка лекарственных препаратов ЕАЭС.

Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС (далее — Соглашение ЕАЭС) [7], принятое в рамках Договора о Евразийском экономическом Союзе [1] было подписано в Москве 23 декабря 2014 года, и, как и другие документы, входящие в нормативную правовую базу обращения лекарственных средств в ЕАЭС, вступили в силу 6 мая 2017 года. Согласно содержанию данного Соглашения, все лекарственные препараты,

уже зарегистрированные в государствах-членах ЕАЭС, должны быть приведены в соответствие с требованиями и правилами ЕАЭС до 31 декабря 2025 года, а вновь регистрируемые лекарственные препараты должны отвечать требованиям качества, безопасности и эффективности, установленным в документах ЕАЭС.

Нормативные акты, входящие в единую систему правового регулирования, обеспечивают также свое-

образную «санацию» фармацевтического рынка ЕАЭС, заключающуюся в выведении с рынка лекарственных средств, эффективность и безопасность которых до конца не изучена и производство которых не соответствует стандартам надлежащей производственной практики.

Основными правовыми категориями, на которых основывается функционирование общего рынка лекарственных препаратов, являются качество, безопасность и эффективность, используемые во всех без исключения нормативных актах, входящих в единую систему правового регулирования общего рынка лекарственных препаратов в ЕАЭС.

Поскольку обращение лекарственных препаратов в ЕАЭС основывается на качестве и безопасности, рассмотрим содержание данных категорий.

Согласно российскому законодательному определению, данному в п. 22 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» (далее — ФЗ «Об обращении лекарственных средств») [9], качество лекарственного средства — это соответствие лекарственного средства требованиям фармакопейной статьи либо в случае ее отсутствия нормативной документации или нормативного документа. Как представляется, данное понятие, наряду с понятиями безопасности и эффективности, являются ключевой триадой в настоящем Законе.

В широком смысле слова, понятие качества представляет собой способность удовлетворения приобретателей своих потребностей за счет нужного лекарственного средства. В узком смысле, рассматриваемое понятие относится, во-первых, к эффективности и безопасности самой фармацевтической субстанции, во-вторых, к соответствию готового лекарственного средства нормативно установленным требованиям, в-третьих, к соответствию конкретного образца препарата требованиям собственной спецификации, изложенным в регистрационном досье. [6]

Понятие безопасности лекарственного средства существенно отличается от понятия качества. Под безопасностью законодатель понимает такую характеристику лекарственного средства, которая основана на сравнительном анализе его эффективности и риска причинения вреда здоровью.

Так, абсолютно все лекарственные средства связаны с определенным риском, который выражается в возможном возникновении нежелательных реакций организма (побочных действиях). Из этого следует вывод о необходимости особого контроля за безопасностью

лекарственных средств как на всех стадиях его обращения, так и в последующем.

Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» является основным документом, определяющим деятельность, связанную с оборотом лекарств на территории РФ, при этом важно отметить, что данный закон отделяет лекарственные средства от продукции, стандартизуемой, выпускаемой и контролируемой по ГОСТам и другим нормативным документам. Такое разделение было всегда и в нашей стране, и во всех странах и призвано подчеркнуть необходимость обеспечения качества и безопасности лекарственных средств, как особого вида товара, представляющего собой большую социальную значимость для населения. Основой стандартизации и контроля качества лекарственных средств является фармакопей.

Развитие Государственной Фармакопеи насчитывает более чем 250 летнюю историю, что в свою очередь подчеркивает его особую значимость и актуальность. По своей структуре Государственная Фармакопея состоит из свода общих фармакопейных статей (далее — ОФС) и фармакопейных статей (далее — ФС) — документов, утвержденных уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и содержащих перечень показателей качества и методов контроля качества лекарственного средства.[9]

Российская система стандартизации лекарственных средств до недавнего времени базировалась на Государственной фармакопее, однако в условиях активно формирующегося общего рынка в рамках ЕАЭС необходимо подчеркнуть особую значимость гармонизации национальных требований государств-членов Союза с наднациональным регулированием этой сферы в целях содействия признанию глобальной фармакопейной деятельности. В настоящее время, в рамках Союза принята Фармакопея ЕАЭС, [10] являющаяся вместе с нормативно-правовыми актами ЕЭК приоритетной в применении для государств-участников Союза.

При этом, если в Фармакопее Евразийского экономического союза отсутствуют соответствующие общие фармакопейные статьи (ФС) и частные фармакопейные статьи, то ссылки могут быть приведены на фармакопею референтного государства и национальные фармакопеи государств-членов ЕАЭС, в которых лекарственный препарат регистрируется.

Поскольку в настоящее время в Фармакопею ЕАЭС пока не включены ФС на лекарственные средства, следует руководствоваться при экспертизе требованиями национальных фармакопей и Руководством по состав-

лению нормативного документа по качеству лекарственного препарата. [11]

В частности, в отличие от других товаров, к лекарственным препаратам помимо требований обеспечения качества и безопасности применяются также требования эффективности.

Понятие «эффективность лекарственного препарата» характеризует степень положительного влияния лекарственного препарата на течение, продолжительность заболевания или его предотвращение, реабилитацию, на сохранение, предотвращение или прерывание беременности.[9]

Учитывая, что согласно статье 30 Договора о Евразийском экономическом союзе в числе основных принципов обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС на втором месте закреплён принцип обеспечения единства обязательных требований к качеству, эффективности и безопасности лекарственных средств, находящихся в обращении на территории Союза, в настоящее время существует необходимость последовательного анализа этих понятий в рамках государств-членов Союза, с целью их сопоставления и приведения к единому смыслу.[16]

Так, в соответствии с положениями Соглашения государства-члены при формировании общего рынка лекарственных средств в рамках Союза руководствуются едиными терминами и их определениями в соответствии с Информационным справочником понятий (терминов), применяемых в рамках ЕАЭС в сфере обращения лекарственных средств (далее — Справочник), формирование и ведение которого осуществляется Европейская экономическая комиссия.

Следует отметить, что определения качества и безопасности, данные в Справочнике, отличаются от закреплённых в российском законодательстве, однако, в наиболее общем понимании качество и безопасность (а также эффективность) гарантируют, что лекарства, вводимые пациентам и обращающиеся на едином рынке ЕАЭС, имеют соответствующее качество и обеспечивают положительный баланс пользы и риска.

В целом можно констатировать, что с новой нормативной базой общего рынка фармацевтических препаратов ЕАЭС появилась новая современная единая система правового регулирования обращения лекарственных препаратов в ЕАЭС. Такая современная единая система правового регулирования обращения лекарственных препаратов в ЕАЭС основана на принципах ее гармонизации и унификации, заключающихся в обеспечении единства обязательных требований к ка-

честву, эффективности и безопасности лекарственных препаратов, которые находятся в обращении на территории ЕАЭС. Принципы единой системы правового регулирования обращения лекарственных препаратов в ЕАЭС направлены и на устранение административных барьеров при производстве и утверждении лекарственных препаратов для обращения на рынках стран ЕАЭС.

Представляется важным отметить тот факт, что требования к качеству и безопасности лекарственных препаратов начинают предъявляться еще до того, как лекарственный препарат будет доведен до пациента — на этапе государственной регистрации препарата, являющейся необходимым условием для обращения лекарственного препарата на территории любой из стран, входящих в ЕАЭС. Первостепенное значение государственной регистрации лекарственного препарата заключается в выдаче разрешения на его медицинское применение. Именно на этапе государственной регистрации осуществляется проверка качества, безопасности и эффективности лекарственного препарата.

Подход, предусматривающий обязательную регистрацию лекарственных препаратов, обращающихся на едином рынке, а также особенности проверки качества и безопасности регистрируемых лекарственных препаратов, отражен в Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения, утвержденных Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 78 (далее — Правила ЕАЭС № 78). Так, в Правилах ЕАЭС № 78 дается определение понятия «регистрация лекарственного препарата», согласно которому регистрация лекарственного препарата заключается в получении соответствующего разрешения на медицинское применение лекарственного препарата как на территории всего единого рынка, так и в конкретной стране ЕАЭС. Согласно Правилам ЕАЭС № 78, факт регистрации лекарственного препарата подтверждает документ единой формы, который выдается уполномоченным органом и является разрешением для его медицинского применения [2].

При подаче заявки на получение разрешения на медицинское применение заявители должны предоставить документацию, подтверждающую, что лекарственный препарат имеет соответствующее качество. Качество оценивается в соответствии с критериями, изложенными в законодательстве ЕАЭС в отношении перечня показателей качества, ссылок на аналитические методики и испытания и нормы, представляющие собой численные (количественные) пределы, диапазоны и прочие критерии для показателей качества лекарственных препаратов.

Если качественный и количественный состав лекарственного препарата не будет соответствовать

стандартам ЕАЭС, в разрешении на регистрацию будет отказано, либо если продукт уже разрешен, разрешение будет приостановлено или отозвано. В последнем случае будут приняты все необходимые меры для обеспечения запрета поставок и изъятия лекарственного препарата с единого рынка.

Требования в отношении обеспечения безопасности и качества распространяются без исключений на все лекарственные препараты, поступающие на рынок лекарственных препаратов ЕАЭС, как через производство, так и через импорт.

В связи с влиянием практики производства и распределения на качество лекарственного препарата, включая его исходные материалы, при создании нормативного обеспечения общего рынка лекарственных препаратов отдельное внимание было уделено созданию свода правил и руководящих принципов надлежащей практики, обеспечивающих гарантии от отклонения от технических характеристик препаратов и ненадлежащей практики производства и распределения лекарственных препаратов. Такие руководящие принципы нашли отражение в Правилах надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза, утвержденных Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 77 (далее — Правила ЕАЭС № 77) [6].

Обеспечение качества лекарственных препаратов начинается с этапа разработки лекарственного препарата, проведения его испытаний и заканчивается соблюдением тех свойств лекарственных препаратов, которые появляются уже после его изготовления — сохранение в процессе транспортировки, сохранение в процессе хранения за счет обеспечения надлежащего температурного режима и пр.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что «качество» как основная правовая категория функционирования общего рынка лекарственных препаратов ЕАЭС — это и соответствие критериям, методикам и прочим стандартам ЕАЭС, и совокупность технических характеристик лекарственных препаратов (численных (количественных) пределов диапазонов и критериев для показателей качества лекарственных препаратов).

Безопасность лекарственных препаратов, также как и качество лекарственных препаратов, — это важная правовая категория в условиях функционирования общего рынка лекарственных препаратов в ЕАЭС. Для новых лекарственных препаратов компании-производители обязаны доказать их безопасность с помощью результатов клинических испытаний. Данные о безопасности тщательно оцениваются соответствующими

органами до выдачи разрешения на регистрацию лекарственного препарата. При этом безопасность лекарственных препаратов продолжает контролироваться и после получения регистрационного удостоверения.

Как правовая категория, категория «безопасность» применительно к лекарственным препаратам находится в неразрывной связи с категорией «качество», под которой понимается соответствие определенным требованиям и стандартам ЕАЭС и совокупность технических характеристик обозначенным и сопоставляемым характеристикам. О необходимости обеспечения безопасности лекарственных препаратов указывается в Соглашении ЕАЭС, Правилах ЕАЭС № 77, Правилах ЕАЭС № 78, а также других нормативных актах, регламентирующих функционирование общего рынка лекарственных препаратов в ЕАЭС на основе качества и безопасности лекарственных препаратов: Решении ЕЭК «Об утверждении Номенклатуры лекарственных форм» [8], Решении ЕЭК «О порядках формирования и ведения единого реестра зарегистрированных лекарственных средств Евразийского экономического союза и информационных баз данных в сфере обращения лекарственных средств» [5], Решении ЕЭК «Об утверждении требований к инструкции по медицинскому применению лекарственных препаратов и общей характеристике лекарственных препаратов для медицинского применения» [3], Решении ЕЭК «Об утверждении Требований к маркировке лекарственных средств для медицинского применения и ветеринарных лекарственных средств» [4] и пр.

В специализированной литературе предлагается понимать безопасность лекарственных препаратов как безопасность их применения в рамках оказания фармацевтической помощи [13, с. 17] и как обеспечение населения лекарственными препаратами для обеспечения здоровья и высокого качества жизни вне зависимости от обстоятельств [12, с. 4]. Однако, по мнению автора статьи, применительно к общему рынку лекарственных препаратов ЕАЭС, содержание категории «безопасность» намного шире, что обусловлено функциями безопасности как правовой категории. Согласно нормативным актам ЕАЭС, в сфере функционирования общего рынка лекарственных препаратов безопасности — это и эффективные лекарственные препараты, и качественные лекарственные препараты, и доступные лекарственные препараты, и конкурентоспособные лекарственные препараты, производство которых на территории ЕАЭС отвечает целям союза, национальным целям государств-членов и общественным целям.

Подводя итог, необходимо отметить, что смысл правовых установлений в тех или иных сферах общественных отношений имеется тогда, когда для них установлен соответствующий правовой режим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 15.03.2018) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>. 05.06.2014 г.
2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 78 (ред. от 30.01.2020) «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016.
3. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 88 «Об утверждении требований к инструкции по медицинскому применению лекарственных препаратов и общей характеристике лекарственных препаратов для медицинского применения» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016.
4. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 76 «Об утверждении Требований к маркировке лекарственных средств для медицинского применения и ветеринарных лекарственных средств» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016.
5. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 84 «О порядке формирования и ведения единого реестра зарегистрированных лекарственных средств Евразийского экономического союза и информационных баз данных в сфере обращения лекарственных средств» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016.
6. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 77 «Об утверждении Правил надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016.
7. Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза (Заключено в г. Москве 23.12.2014) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 20. — Ст. 2776.
8. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22.12.2015 № 172 «Об утверждении Номенклатуры лекарственных форм» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 30.12.2015.
9. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11.08.2020 № 100 «О Фармакопее Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2018.
11. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 07.09.2018 № 151 «Об утверждении Руководства по составлению нормативного документа по качеству лекарственного препарата» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 23.06.2018.
12. Беляев М.А., Колоколов Г.Р., Егоров Ю.В., Хлестун Ю.В., Савина Л.В. Комментарий к ФЗ от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Аносов И.С. Формирование системы взаимодействия субъектов обращения лекарственных средств на основе концепции фармацевтической безопасности: Автореф. дис. ... канд. фарм. наук. — М., 2016. — С. 4.
14. Белых В.С. Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ, услуг: Сб. науч. тр. / Отв. ред., сост. О.А. Герасимов. — Екатеринбург, 2007.
15. Маличенко В.С. Международно-правовые механизмы обеспечения безопасности обращения лекарственных средств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — С. 17.
16. Панова Альбина Сергеевна Качество товаров, работ, услуг как правовая категория // Журнал российского права. — 2010. — № 4 (160). — С. 79–85.
17. Шевырев Д.Н. Безопасность обращения лекарственных средств: сущность и содержание // Административное право и процесс. — 2020. — № 2. — С. 76–79.
18. Дмитриева Г.К., Мажорина М.В. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: Монография // НОРМА, ИНФРА-М — 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

© Ломакина Алина Амадовна (Alinalomakina90@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ КАК ОБЪЕКТА ОТНОШЕНИЙ ПО ПЕРЕДАЧЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ ПО ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ

THE LEGAL REGIME OF ELECTRIC ENERGY AS AN OBJECT OF RELATIONS FOR THE TRANSMISSION OF ELECTRIC ENERGY THROUGH ELECTRIC NETWORKS

A. Manucharian

Summary. This article presents the author's view of the legal regime of electrical energy as an object of relations for the transmission of electrical energy through electrical networks. The importance of a consolidated legal understanding of the concept of electrical energy as an object of relations for the transmission of electrical energy through electrical networks is indicated. The approaches used in the implementation of tariff regulation in terms of differentiation of electrical energy (power) are considered. The necessity of developing productive and scientifically grounded approaches to this problematics at the integrative stage of development of the legal system is substantiated. Conclusions are formulated regarding the application of market mechanisms in the circulation of electrical energy in the wholesale and retail markets of electrical energy (capacity).

Keywords: electric power industry, energy law, state regulation, legal regime of electric energy, energy resources, fuel and energy complex.

Манучарян Арсен Юрьевич

*Аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
Arsen803366@gmail.com*

Аннотация. В данной статье представлен авторский взгляд на правовой режим электрической энергии как объекта отношений по передаче электрической энергии по электрическим сетям. Обозначена важность консолидированного правопонимания понятия электрической энергии как объекта отношений по передаче электрической энергии по электрическим сетям. Рассмотрены подходы, применяемые при осуществлении тарифного регулирования в части дифференциации электрической энергии (мощности). Обоснована необходимость выработки продуктивных и научно-обоснованных подходов к данной проблематике на интегративном этапе развития системы права. Сформулированы выводы, касающиеся применения рыночных механизмов при обращении электрической энергии на оптовых и розничных рынках электрической энергии (мощности).

Ключевые слова: электроэнергетика, энергетическое право, государственное регулирование, правовой режим электрической энергии, энергоресурсы, топливно-энергетический комплекс.

Современное развитие и трансформация Единой энергетической системы России закономерно повлияло на формирование нового правопонимания понятий энергетических ресурсов.

Обозначение правового режима электрической энергии как объекта отношений по передаче электрической энергии по электрическим сетям в первую очередь обусловлено необходимостью формирования консолидированного определения энергетических ресурсов как с точки зрения носителя энергии, так и с точки зрения товара, обращаемого на рынках электрической энергии (мощности).

Исходя из положений федерального законодательства [1] понятие энергетический ресурс является универсальным, поскольку включает в себя элементы хозяйственных отношений, а также предполагает понимание энергетических ресурсов на основании определенных технологических свойств того или иного вида энергии.

Говоря о технологических особенностях электрической энергии как отдельного, самостоятельного ресурса, необходимо отметить, что в правопонимании тарифного регулирования, понятие электрическая энергия (мощность) как правило используется в сочетании с понятием «напряжение».

Напряжение электрической энергии это в первую очередь техническая характеристика энергоустановки, которая позволяет определить для какого уровня напряжения предназначено то или иное энергопринимающее устройство. Необходимо выделить то, что понятие «напряжение» и понятие «уровень напряжения» не являются идентичными.

В свою очередь уровень напряжения — это понятие, которое используется в том числе в нормативных правовых актах, регулирующих порядок и процесс установления тарифов на услуги по передаче электрической энергии, которая в свою очередь дифференцируют

ся по уровням напряжения. Так в соответствии с пунктом 48 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии, [2] тарифы на услуги по передаче электрической энергии устанавливаются в соответствии с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике [3] и Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике, [4] с учетом пункта 42 настоящих Правил. В свою очередь в пункте 42 упомянутых Правил определено, что при установлении тарифов на услуги по передаче электрической энергии ставки тарифов определяются с учетом необходимости обеспечения равенства единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии для всех потребителей услуг, расположенных на территории соответствующего субъекта Российской Федерации и принадлежащих к одной группе (категории) из числа тех, по которым законодательством Российской Федерации предусмотрена дифференциация тарифов на электрическую энергию (мощность).

Таким образом необходимость применять принцип дифференциации тарифов на электрическую энергию — прямо предусмотрен законом. Дифференциация тарифов на электрическую энергию (мощность) реализуется путем расчета и установления цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии исходя из номинальных классов напряжения (уровней напряжения) электрической энергии. Пунктом 81 (1) Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике [5] предусматривается, что единые (котловые) тарифы дифференцируются по следующим уровням напряжения:

- ◆ высокое первое напряжение (ВН1) — объекты электросетевого хозяйства и (или) их части, переданные в аренду организацией по управлению единой национальной (общероссийской) электрической сетью территориальным сетевым организациям с учетом требований пунктов 7 и 8 статьи 8 Федерального закона «Об электроэнергетике», [6] за исключением таких объектов и (или) их частей, находящихся на территориях Амурской области и Еврейской автономной области;
- ◆ высокое напряжение (ВН) — объекты электросетевого хозяйства (110 кВ и выше), за исключением случаев, которые относятся к ВН1;
- ◆ среднее первое напряжение (СН1) — объекты электросетевого хозяйства (35 кВ);
- ◆ среднее второе напряжение (СН2) — объекты электросетевого хозяйства (20–1 кВ);
- ◆ низкое напряжение (НН) — объекты электросетевого хозяйства (ниже 1 кВ).

В отраслевом законодательстве, регулирующим расчет цен (тарифов) на услуги по передаче электри-

ческой энергии на розничном рынке также предусматривается дифференциация по четырем уровням напряжения, а именно пунктом 44 Методических указаний по расчету регулируемых тарифов и цен на электрическую (тепловую) энергию на розничном (потребительском) рынке [7] предусматривается, что размер тарифа на услуги по передаче электрической энергии рассчитывается в виде экономически обоснованной ставки, которая в свою очередь дифференцируется по четырем уровням напряжения в точке подключения потребителя (покупателя, другой энергоснабжающей организации) к электрической сети рассматриваемой организации:

- ◆ на высоком напряжении: (ВН) 110 кВ и выше;
- ◆ на среднем первом напряжении: (СН1) 35 кВ;
- ◆ на среднем втором напряжении: (СН11) 20–1 кВ;
- ◆ на низком напряжении: (НН) 0,4 кВ и ниже.

При этом при сопоставлении электрической энергии, с таким энергоресурсом как нефть, можно выделить определенное сходство, которое заключается в том, что нефтепродукты также могут дифференцироваться, в частности в некоторых отраслевых нормативных правовых актах упоминается такой сорт Российской нефти как REBCO (Russian Export Blend Crude Oil), [8] Urals (смесь, поставляемая преимущественно из Западной Сибири, а также добываемой в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Башкортостане, Татарстане и Самарской области), [9] ESPO (East Siberia Pacific Ocean — нефть, поставляемая по трубопроводу Восточная Сибирь Тихий океан). [10]

Указанная дифференциация нефтепродукта происходит исходя из места его добычи, в частности данный параметр может повлиять на ценообразование и стоимость конечного продукта, в том время как применительно к электрической энергии такой фактор как место происхождения (в нашем случае — генерации) электрической энергии не имеет качественного значения.

Электрическая энергия, как объект хозяйственных отношений представляет особое значение при реализации её на товарных рынках.

Так, в целях реализации электрической энергии на товарном рынке между субъектами электроэнергетики заключаются договоры энергоснабжения.

Договор энергоснабжения [11] это особый отраслевой договор, которым закрепляются обязательства поставщика электрической энергии предоставить согласованный объем электрической энергии потребителю, наряду с договором энергоснабжения зачастую заключаются договоры купли продажи электрической энергии (мощности), договоры поставки электриче-

ской энергии и т.д. при этом перечисленные договоры по своей правовой структуре являются однородными, так как преследуют единую цель — обеспечение энергоснабжения конечного потребителя, о чем свидетельствуют их схожие существенные условия:

- ◆ предмет договора;
- ◆ дата и время начала исполнения обязательств по договору;
- ◆ требования к качеству поставляемой электрической энергии;
- ◆ порядок определения объема покупки электрической энергии (мощности) за расчетный период;
- ◆ порядок определения стоимости электрической энергии (мощности), поставленной по договору энергоснабжения;
- ◆ право одностороннего отказа от договора энергоснабжения со стороны потребителя.

Полный перечень существенных условий договора энергоснабжения приведен в Основных положениях функционирования розничных рынков электрической энергии.

Особое внимание стоит обратить на такое существенное условие договора энергоснабжения как право одностороннего отказа от договора энергоснабжения со стороны потребителя. В данном случае к подобным правоотношениям применимы гражданско-правовые принципы соразмерности. Так Статьей 423 Гражданского кодекса Российской Федерации определен принцип возмездности (эквивалентности), согласно которому, договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным, соответственно ресурсы, которые затрачены на исполнение обязательства, должно экономически соответствовать предполагаемой оплате.

В случае ненадлежащего исполнения обязательств, а также несвоевременного оформления договорных отношений, не освобождают потребителя от уплаты фактически понесенных расходов, в том числе потребителя от обязанности возместить стоимость отпущенной ему энергии, что соответствует статье 544 Гражданского кодекса Российской Федерации, где указано, что оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии. Указанные доводы также подтверждаются и судебной практикой.

Одновременно с этим необходимо отметить, что в процессе реализации электрической энергии потребителю посредством договора энергоснабжения, на ресурсоснабжающие организации возлагается обязанность урегулировать отношения, связанные с передачей электрической энергии, путем заключения

договора оказания услуг по передаче электрической энергии с сетевой организацией.

Таким образом, заключение договора на услуги по передаче электрической энергии оказания услуг, являются неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителям,

На основании изложенного можно сделать вывод, что правовой режим электрической энергии как объекта отношений по передаче электрической энергии по электрическим сетям может рассматриваться как с точки зрения присущих данному виду энергетических ресурсов технологических особенностей, так и с точки зрения объекта хозяйственной деятельности и (или) товара, обращаемого на рынках электрической энергии (мощности).

При этом наибольший интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения представляет обозначение электрической энергии в качестве объекта, обладающего особыми хозяйственными свойствами, иными словами товара, который приобретают участники рынка электрической энергии.

Наибольшее регуляторное воздействие среди отраслей топливно-энергетического комплекса сосредоточено именно в отрасли электрической энергии, это обусловлено как уникальным материальным устройством данного энергоресурса, так и постоянно растущем интересом со стороны субъектов хозяйственной деятельности. В связи с этим, насыщение данной отрасли действенных рыночных механизмов наиболее актуально в последнее время, к таким механизмам в том числе относятся:

- ◆ развитый оптовый и розничный рынок электрической энергии,
- ◆ саморегулирование в регулируемых сферах деятельности (установление требований к качеству и надежности товаров и услуг, разрешение споров при заключении и исполнении договоров между регулируемыми организациями и потребителями и др.).

Наличие рыночных механизмов саморегулирования отрасли электроэнергетики не отменяет необходимость административного воздействия со стороны органов исполнительной власти Российской Федерации тем или иным образом направлено на:

- а) соблюдение баланса интересов участников отношений;
- б) повышение качества товаров и услуг посредством развития объектов инфраструктуры с преимущественным привлечением частных инвестиций;
- в) создание благоприятных условий для привлечения частных инвестиций, в том числе путем гарантирования доходности и возвратности инвестиций;

- г) обеспечение преемственности и сбалансированности в регулировании тарифов с учетом подходов, отраженных в действующих отраслевых законодательных актах, включая сохранение применения действующих методов регулирования тарифов и корректировки долгосрочных тарифов с учетом объективных факторов (отклонения фактических величин инфляции, полезного отпуска, и т.п.) и неучтенных при установлении тарифов экономически обоснованных расходов;
- д) отражение возможности определения в отраслевых законодательных актах приоритетных методов развития топливно-энергетического комплекса, с учетом особенностей соответствующих сфер деятельности.

При этом необходимо отметить, что наличие механизмов саморегулирования не всегда способно поло-

жительно влиять на формирование правовых институтов отрасли электроэнергетики.

Например, включение потребителей непосредственно в процесс принятия решений в сфере тарифного регулирования создает конфликт интересов, что будет противоречить основному принципу соблюдения баланса экономических интересов поставщиков и потребителей электрической энергии, закрепленному Законом об электроэнергетике. [12]

Для соблюдения баланса интересов вполне достаточно органа регулирования, обладающего профильной компетенцией, осознающего сопутствующие риски и защищающего права потребителей. При этом действующее законодательство предоставляет потребителям эффективные механизмы защиты их законных интересов путем оспаривания в судебном и административном порядке решений об установлении тарифов.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. 1 ст. 2 Федерального закона от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 48. ст. 5711.
2. Правила недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 861 // СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5525.
3. Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 // СЗ РФ. 2012. № 4. Ст. 504.
4. Правила государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 // СЗ РФ. 2012. № 4. Ст. 504.
5. Основы ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 // СЗ РФ. 2012. № 4. Ст. 504.
6. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. ст. 1177.
7. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 г. № 1715-р // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5836.
8. Пункт 2 Правил мониторинга цен на нефть сырую марки «Юралс» на мировых рынках нефтяного сырья (среднеземноморском и роттердамском) (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2013 г. № 155 // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 951).
9. Правила расчета средних за истекший налоговый период цен на соответствующие товары углеводородного сырья, добытые на новом морском месторождении углеводородного сырья (Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.09.2014 г. № 973 // СЗ РФ. 2014. № 39. Ст. 5268).
10. Статья 539 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
11. Пункт 40 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 04.05.2012 № 442 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.
12. Пункт 6 федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. ст. 1177.

© Манучарян Арсен Юрьевич (Arsen803366@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY AND PROCEDURAL ACTIVITY OF THE COURT IN CIVIL PROCEEDINGS

V. Petrozhitskiy

Summary. This article examines the essence of the principle of dispositivity and the procedural activity of the court, using the example of court decisions made. It is noted that there is no structural element with the name “principles” in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. This negatively affects the implementation of the principles of civil procedure in law enforcement practice. In this connection, it is proposed to introduce separate articles into the chapter of the Civil Procedure Code of the Russian Federation “Basic provisions”, systematizing and directly fixing the concept and composition of the principles of civil procedural law.

Keywords: civil procedure, court, dispositivity, activity of the court, code.

Петрожицкий Виталий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
petrozhitskiy97@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена сущность принципа диспозитивности и процессуальная активность суда, на примере вынесенных судебных решений. Отмечено, что в ГПК РФ отсутствует структурный элемент с названием «принципы». Это негативно влияет на реализацию принципов гражданского процесса в правоприменительной практике. В связи с чем предложено внесение в главу ГПК РФ «Основные положения» отдельных статей, систематизирующих и прямо закрепляющих понятие и состав принципов гражданского процессуального права.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд, диспозитивность, активность суда, кодекс.

Анализируя текст нормативного правового акта, следует понимать, что не любая идея, в нем закрепленная, является принципом права. Конечно, при желании придать соответствующую интерпретацию можно практически любому нормативно закрепленному положению. Однако современная юридическая техника составления нормативных правовых актов достаточно успешно препятствует этому. Если, например, в дореволюционном российском законодательстве принципы права не выделялись ни структурно, ни текстуально, то в настоящее время принято номинировать принципы права, либо как минимум располагать их особым образом в тексте нормативного правового акта.

По нашему мнению, наименее удачный способ закрепления принципов права использован в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [1] (далее — ГПК РФ), так как в данном кодифицированном акте вообще отсутствует структурный элемент с названием «принципы». Конечно, нельзя не отметить наличие определенных базовых положений, которые нашли свое закрепление в статьях главы ГПК РФ «Основные положения».

Но системно и последовательно изложенных принципов гражданского процессуального права нет.

Вместе с тем, предмет исследования настоящей статьи составляют не общие положения гражданского процессуального права, а принцип диспозитивности и процессуальная активность суда в гражданском процессе, поскольку данная тематика является очень актуальной в настоящее время.

Так, принцип диспозитивности следует обозначить в качестве одного из основополагающих принципов гражданского процесса. Его содержание предполагает свободу субъектов в части распоряжения всем принадлежащим им объемом материальных и процессуальных прав. В частности, участники процесса могут иметь своей целью:

- ◆ возникновение гражданского процесса (путем реализации своего права на обращение с иском заявлением в суд),
- ◆ развитие гражданского процесса (подавая апелляционную жалобу),
- ◆ прекращение гражданского процесса (путем заключения мирового соглашения).

Таким образом, можно говорить о том, что принцип диспозитивности является движущим началом в гражданском процессе.

Суть принципа диспозитивности находит выражение в определении предмета, основании иска, их применении, увеличении или уменьшении объема требований, отказе от иска. Суд, в рамках своей процессуальной активности, проводит проверку законности действий участников процесса, соблюдение их прав и интересов.

Диспозитивность в материальном праве раскрывается в том, что суд не правомочен удовлетворять не заявленные стороной требования.

Диспозитивность в процессуальном праве раскрывается: в ходатайствах стороны, заявлении об обеспечении иска, то есть там, где отсутствует распоряжение материальным правом.

Так, например, гражданское процессуальное законодательство предусматривает, что основанием для участия в деле третьих лиц является их материально-правовая заинтересованность в исходе дела, которая должна иметь непосредственное отношение к предмету первоначального инициированного спора. То есть третье лицо, руководствуясь принципом диспозитивности, может реализовать свое право на участие в конкретном гражданском деле, при условии, что есть заявленное третьим лицом самостоятельное требование и оно связано с предметом спора по первоначально заявленным требованиям. Из изложенного следует, что права и обязанности, на которые может повлиять судебный акт, вынесенный по результатам рассмотрения по существу и на которые ссылается податель такого ходатайства, должны усматриваться из предмета настоящего спора.

В свою очередь, при решении вопроса о допуске лица в процесс в качестве третьего лица судья анализирует: какой правовой интерес имеет данное лицо. И в данном случае здесь также можно проследить процессуальную активность суда. Поскольку если судебным актом к одной из сторон не порождаются, не изменяются или не прекращаются материальные права и обязанности, то оснований для вступления такого лица в дело нет, так как отсутствует предмет для судебной защиты.

Следовательно, основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о вступлении в дело в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, является отсутствие идентичных требований такого лица относительно

но объекта иска. При такой ситуации суд отмечает, что лицо вправе обратиться в суд с самостоятельным иском за рамками данного дела [2].

Ввиду различий между процессуальными статусами третьих лиц, указанных в ст. ст. 42 и 43 ГПК РФ, существенно отличаются основания для отказа к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Из анализа императивных положений действующего законодательства, а также обширной судебной практики следует, что сам факт желанья того или иного лица представить в материалы дела какие-либо доказательства или изложить свою правовую позицию не может безусловно свидетельствовать о наличии необходимых процессуальных оснований для участия такого лица в деле в качестве третьего лица.

Еще одним примером процессуальной активности суда в данной области можно назвать следующую ситуацию.

Собственник жилого помещения в многоквартирном доме обратился в районный суд с иском к жилищному кооперативу об определении доли истца в несении расходов по содержанию общего имущества.

В ходе рассмотрения гражданского дела судом отказано в удовлетворении ходатайства истца о привлечении городской администрации и жилищной инспекции к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, поскольку при рассмотрении дела по существу судом не установлено, что судебный акт, принятый по результатам рассмотрения гражданского дела, окажет какое — либо влияние на их права и обязанности [3].

Однако, считаем необходимым также отметить, что на практике со стороны суда имеют место трудности применения принципа состязательности на стадии возбуждения гражданского дела. Это находит выражение в проявлении активности суда в части вынесения определений об оставлении исковых заявлений. Это ведет к созданию более благоприятных условий именно для истца.

Поэтому возникает необходимость исследования на доктринальном уровне вопроса о раскрытии особенностей действия принципа состязательности на отдельных стадиях гражданского судопроизводства. Вследствие чего игнорирование принципа состязательности на стадии возбуждения гражданского дела можно объяснить наличием объективных ошибок, когда суды используют инструмент оставления без движения

исключительно для оттягивания во времени возбуждение гражданского дела в связи с большим объемом имеющихся в производстве дел [4].

В завершение сделаем вывод о том, что вся вышесказанная по тексту настоящей статьи правоприменительная практика свидетельствует о недостатках в гражданском процессуальном законодательстве в части отсутствия закрепления отдельной главы, по-

священной принципам гражданского процессуального права. Об этом мы также отмечали в начале настоящей статьи.

Полагаем, что успешному разрешению указанной нами правовой проблемы способствовало бы внесение в главу ГПК РФ «Основные положения» отдельных статей, таких, как: «Понятие и состав принципов гражданского процессуального права».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. N46. Ст. 4532.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2018 по делу N33-14814/2018 // СПС «Консультант Плюс».
3. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16.05.2019 по делу N33-7992/2019 // СПС «Консультант Плюс».
4. Апелляционное определение Куменского районного суда Кировской области от 19 января 2018 г. по делу N11-1/2018 // СПС «Консультант Плюс».

© Петрожицкий Виталий Игоревич (petrozhitskiy97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДВОКАТОВ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

PROBLEMATIC ASPECTS OF INTERACTION BETWEEN LAWYERS AND THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

**O. Ryabova
N.V. Kuznetsova
N.A. Kuznetsova**

Summary. This article is devoted to the legal analysis of the relationship between lawyers and the system of execution of sentences in the Russian Federation. The authors point to the lack of legal uniformity in relation to a number of problematic issues that are the reason for the violation of the constitutional rights of persons detained and sentenced to imprisonment. The work also indicates the adoption of legislative norms that complicate the provision of legal assistance in correctional institutions as violations of the rights of lawyers in providing legal assistance to this category of persons. The legal analysis allows the authors to draw conclusions that the complex of existing reasons often leads to the lack of a lawyer's ability to provide qualified legal assistance and, as a result, to serious violations of the constitutional rights of prisoners.

Keywords: the lawyer, the system of execution of punishments, the rights and freedoms of citizens.

Рябова Ольга Алексеевна

Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuz1503@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена правовому анализу взаимоотношений адвокатов и системы исполнения наказаний в Российской Федерации. Авторы указывают на отсутствие правового единообразия в отношении ряда проблемных моментов, которые являются причиной нарушения конституционных прав лиц, заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы. Также в работе указываются в качестве нарушений прав адвокатов при оказании правовой помощи указанной категории лиц принятие законодательных норм, которые осложняют оказание юридической помощи в исправительных учреждениях. Правовой анализ позволяет авторам сделать выводы о том, что комплекс существующих причин нередко приводит к отсутствию у адвоката возможности оказания квалифицированной юридической помощи и, как следствие, к серьезным нарушениям конституционных прав заключенных. Ключевые слова: адвокат, система исполнения наказаний, права и свободы граждан.

Российская модель адвокатуры предполагает монополию адвокатов на представительство интересов лиц, совершивших уголовно-наказуемые деяния. Учитывая это, адвокатам достаточно часто приходится оказывать юридическую помощь своим подзащитным, находящимся под стражей в ожидании окончания следствия и суда, либо уже отбывающим наказание.

Вопросы, связанные с взаимоотношением адвокатов и представителей пенитенциарной системы, достаточно часто поднимаются внутри адвокатского сообщества, а также на уровне межотраслевых встреч.

Проблемные моменты, возникающие в большинстве случаев у адвокатов при посещении своих подопечных в местах содержания под стражей и исправительных уч-

реждениях проистекают из-за законодательной неурегулированности таких взаимоотношений, правового негативизма сотрудников уголовно-исполнительной системы и общего отношения государства в лице его властных органов к адвокатуре и профессиональной юридической помощи.

Основным законодательным актом, который регулирует профессиональную деятельность адвокатов, является Федеральный Закон от 31.05.2002 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Осуществляя свою профессиональную деятельность, адвокаты реализуют нормы о защите прав и свобод российских граждан, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.[1] И тот факт, что лицо совершило преступление и находится под надзором системы исполнения наказаний, не лишает его конституционных прав. Известны случаи, когда сотрудниками учреждений службы исполнения наказаний нарушались права и свободы отбывающих наказание лиц. В таких ситуациях заключенному необходима помощь адвоката. Однако, в силу слишком радикальной трактовки отраслевого законодательства, сотрудниками уголовно-исполнительной системы в предоставлении такой помощи отказывают путем недопуска адвоката к своему подзащитному по различным основаниям. Следует иметь в виду, что причинами таких отказов могут быть как внезапные карантинные меры, отсутствие выводящего сотрудника, временное ограничение для встреч (всего несколько часов в течение рабочего дня) и некоторые другие, что является противозаконным, так и ссылки на уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и на отраслевое законодательство в целом, а также на внутренние инструкции.

Так, ст. 118 УИК РФ особо оговаривает, что, лицо, находящееся в штрафном изоляторе, не имеет право на свидания и встречи.[3] Сотрудники уголовно-исполнительной системы трактуют эту норму буквально и во встречах отказывают, в том числе и адвокатам. Однако данная норма не распространяется на лиц, имеющих статус адвоката и желающих встретиться с заключенным в рамках оказания правовой помощи, учитывая волеизъявление об оказании такой помощи, исходящее от лица, содержащегося под стражей. Право адвоката на беспрепятственную встречу с доверителем, находящимся под стражей, без ограничения числа свиданий и их продолжительности, закреплено Законом об адвокатской деятельности и адвокатуре.[2]

Налицо правовая коллизия, основанная на отсутствии уточнений как в уголовно-исполнительном законодательстве, так и в законодательстве об адвокатуре. Верховным судом Российской Федерации были внесены разъяснения в отношении указанной проблемы, однако правоприменительная практика в Российской Федера-

ции не считает источником права судебный прецедент и указанные разъяснения являются таковыми лишь для судейского корпуса. Безусловно, в случае подачи жалобы в суд адвокатом на действия сотрудников пенитенциарной системы при подобных обстоятельствах, велика вероятность того, что такая жалоба будет удовлетворена, однако время будет упущено и нуждающееся в юридической помощи лицо ее не получит своевременно. Следовательно, конституционные права лица, содержащегося под стражей, будут нарушены.

Необходимо понимать, что право, осужденных к лишению свободы лиц и лиц, находящихся под стражей закреплено не только Конституцией РФ, но и Уголовно-процессуальным кодексом РФ[4] и Уголовно-исполнительным кодексом РФ[3], а также отражено в локальных отраслевых актах. Причем, указанное выше право касается всех перечисленных лиц, в том числе подвергнутых дисциплинарному взысканию (например, нахождение в изоляторе). Здесь же важно отметить исключительную значимость оказания юридической помощи указанной категории граждан, так как ограниченный доступ к правовой информации не позволяет им в полной мере реализовывать свои права.

Представляется необходимым определение четких законодательных положений по данному вопросу и закрепление их, единообразно и в уголовно-исполнительном законодательстве, и в законодательстве об адвокатуре. У правоприменителей не должно остаться вопросов о трактовке норм права. Должно быть понятно, что адвокат имеет право на свидание со своим подопечным без каких-либо ограничений. Также хотелось бы отметить, что указанное в законодательстве ограничение свиданий с защитниками 4 часами [3] не соответствует Конституции РФ и должно быть подвергнуто законодательной корректировке. Свидание с адвокатом лиц, отбывающих наказание или содержащихся под стражей не должно ограничиваться во времени, хотя разумные пределы с точки зрения графика работы учреждения, конечно, должны быть.

Также в рамках описанных выше ограничений считаем необходимым отдельно отметить ограничения на допуск адвокатов к своим подопечным, находящимся в местах заключения, во время объявленной пандемии коронавирусной инфекции. С момента наступления известных событий весной 2020 года в следственных изоляторах и местах отбывания наказаний были введены ограничения на свидания, в том числе с адвокатами, вплоть до полного отказа в них на неопределенное время. Это, на наш взгляд, яркий пример нарушения прав лиц, содержащихся под стражей или осужденных к лишению свободы. Необходимо отметить, что Конституция РФ предполагает отдельные ограничения прав и свобод граждан с указанием пределов их действия.[1] Однако

такие ограничения могут быть обусловлены только условиями чрезвычайного положения. Режим чрезвычайного положения в Российской Федерации не вводился, следовательно, законных оснований к ограничению свиданий адвокатов с подзащитными, не усматривается. Таким образом, мы можем констатировать нарушения норм Конституции РФ, а следовательно и прав заключенных, которые не получили своевременную юридическую помощь по указанным причинам, искусственно созданным представителями пенитенциарной системы, когда внутренние правила и распоряжения противоречат основному Закону страны.

Еще одним примером ограничения прав адвокатов при оказании юридической помощи лицам, находящимся под стражей или отбывающим наказание, является введение запрета для адвокатов на пронос на территорию исправительных учреждений технических средств связи, устройств, которые позволяют осуществлять аудио-, видеосъемку. К числу разрешенных технических средств разрешена копировально-множительная техника и фотоаппаратура, однако ее использование разрешено только в присутствии заключенных.[3] При этом принятие указанных поправок стало возможным не смотря на то, что Верховный суд в своих судебных актах неоднократно занимал противоположную позицию по данному вопросу, однако мнение суда, как и мнение адвокатского сообщества услышаны законодателями не были.

Запрещенные на настоящий момент указанными поправками к проносу средства связи не должны рассматриваться государством как нечто противозаконное и в контексте того, что адвокат обязательно попытается дать подзащитному возможность воспользоваться такими средствами. Указанные средства представляют для адвокатов помощь в исполнении ими своих профессиональных обязанностей, так как внутри таких средств (современные телефоны, планшетные компьютеры и т.д.) содержится необходимая информация. Планируя встречу с подзащитным в учреждениях пенитенциарной системы, адвокат не всегда может предусмотреть, какой документ или нормативный акт ему понадобится, а благодаря запрещенной новыми поправками технике такие документы и законы всегда доступны адвокату.

Складывается впечатление, что государство рассматривает адвоката как некий чуждый элемент в системе взаимоотношений государства (пенитенциарной системы) и лица, заключенного под стражу или отбывающего наказание в виде лишения свободы. Нет необходимости говорить о том, что взаимоотношения представителей следственных органов с сотрудниками уголовно-исполнительной системы находятся на более «дружественном» уровне. Хотя следует заметить, что законодательное регулирование осуществляется

и ограничивается рамками одних и тех же законодательных актов. Безусловно, процессуальное неравенство между адвокатами и представителями следствия с серьезным перевесом последних сказывается на взаимоотношениях адвокатов с представителями уголовно-исполнительной системы. Тем не менее, процессуальное равенство сторон является одним из законодательных принципов. А учитывая монополию адвокатов по защите лиц совершивших уголовно-наказуемые деяния или подозреваемых в совершении таких деяний, необходимо понимать, что адвокат является единственной процессуальной фигурой, осуществляющей защиту прав заключенного.

Приходится констатировать, что в свете затронутой проблемы, такой обязательный признак цивилизованного уголовного и уголовно-исполнительного процесса как состязательность сторон, декларируемый государством как достигнутая данность, на самом деле далек от реального воплощения и нуждается в серьезном внимании законодателя, ставящего перед собой задачу построения правового государства,

Учитывая вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что государство не заинтересовано в стабилизации по данному вопросу и пока оно не изменит свое отношение к указанной проблеме, права адвокатов и указанной категории лиц будут нарушаться и в дальнейшем.

В этом смысле весьма полезным будет являться пример Германии, где фундаментально закреплено правовое положение адвоката, которое заключается в том, что адвокат является независимым органом осуществления правосудия. Это означает, что адвокатура в Германии уполномочена осуществлять задачи правового государства наравне с судебными учреждениями, прокуратурой, органами полиции и исправительными учреждениями. [5] Адвокатура рассматривается как равный игрок на правовом поле, что заставляет уважать и считаться с ним, чего, к сожалению, нельзя сказать о положении адвокатуры в России. Полагаем, что если бы российское государство рассматривало адвокатуру в указанном контексте, то взаимоотношения адвокатуры и уголовно-исполнительной системы находились бы на ином качественном уровне, приносящем только пользу.

Резюмируя вышесказанное, полагаем, что проблемы сложных взаимоотношений адвокатуры и уголовно-исполнительной системы, в первую очередь, отражаются на соблюдении законности в отношении указанной в статье категории граждан, находящихся в изоляции и порой остро нуждающихся в правовой помощи, защите их прав, в том числе конституционных, и законных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. № 237 25.12.1993 г.
2. Федеральный Закон от 31.05.2002 № 63 — ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 29.07.2017) // Российская газета. № 100 05.06.2002.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1 — ФЗ // Российская газета. № 9–10 16.01.1997 г.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 — ФЗ // Российская газета № 249 22.12.2001 г.
5. Карташев М.А. Реформа адвокатской деятельности в Германии. — Адвокатская газета, июль. — 2021

© Рябова Ольга Алексеевна (frau.lelya2012@yandex.ru),

Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru), Кузнецова Наталья Александровна (kuz1503@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Владимир

DOI 10.37882/2223–2974.2021.10.18

УРОКИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 76.2 УК РФ НА КАТЕГОРИЮ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

LESSONS OF JUDICIAL PRACTICE OF EXTENDING THE PROVISIONS OF ARTICLE 76.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE CATEGORY OF SERIOUS CRIMES

**V. Safonov
N. Petrovsky**

Summary. The article analyzes the trend of judicial practice in applying the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on exemption from criminal liability with the imposition of a court fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) of persons who have committed a serious crime. It is stated that the procedural decision to release a person who has committed a serious crime from responsibility is preceded by a change by the courts of the category of crime to the category of medium gravity. The absence of a single procedural form of the final procedural document is revealed, since in some cases the decision to release from criminal responsibility is taken by the courts in the form of a sentence, in others — by a court decision. The thesis about the inconsistency of such practice with the requirements of substantive and procedural law is substantiated. It is concluded that the provisions of Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation should not be extended to the category of serious crimes due to the contradiction to the constitutional principle of separation of powers, the criminal law principles of legality and justice. The necessity of excluding Part 6 of Article 15 of the Criminal Code from the Criminal Code of the Russian Federation is justified.

Keywords: exemption from criminal liability; judicial fine; categories of crimes; change in the category of crime; the principle of legality; the principle of justice.

Сафонов Владимир Николаевич

К.ю.н., доцент, Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия» (Санкт-Петербург); федеральный судья
(в отставке)
svn205@gmail.com

Петровский Николай Казимирович

К.ю.н., доцент, адвокат, Санкт-Петербургская
городская коллегия адвокатов, АК № 52
pnkspb5@mail.ru

Аннотация. В статье предпринят анализ тенденции судебной практики применения положений Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) лиц, совершивших тяжкое преступление. Констатируется, что процессуальному решению об освобождении лица, совершившего тяжкое преступление от ответственности предшествует изменение судами категории преступления на категорию средней тяжести. Выявлено отсутствие единства процессуальной формы окончательного процессуального документа, поскольку в одних случаях решение об освобождении от уголовной ответственности принимается судами в форме приговора, в других — постановлением суда. Обосновывается тезис о несоответствии подобной практики предписаниям материального и процессуального права. Делается вывод о недопустимости распространения положений ст. 76.2 УК РФ на категорию тяжких преступлений ввиду противоречия конституционному принципу разделения властей, уголовно-правовым принципам законности и справедливости. Обосновывается необходимость исключения из УК РФ ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф; категории преступлений; изменение категории преступления; принцип законности; принцип справедливости.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 г. глава 11 УК РФ дополнена статьей 76.2 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа), раздел VI УК дополнен главой 15.2 (Судебный штраф). Этим же законом в главу 4 УПК РФ включена статья 25.1 УПК РФ (Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением

меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа).

За прошедшие пять лет институт судебного штрафа подтвердил свою жизнеспособность и востребованность в правоприменительной практике [15]. Так, в 2018 г. судебный штраф был назначен 32050 лицам, в 2019 г. 51 213 обвиняемым, а в 2020 г. уже 57957 лицам [25]. Совершенно очевидный рост числа судебных решений об избрании этой меры уголовно — правового характера в 2019 и 2020 г.г. по сравнению с предыдущими отчетными (в статистическом отношении) периода-

ми легко находит своё объяснение. Во-первых, и правоприменители, и адресаты процессуальных решений успели оценить преимущества подобного варианта решения с материально — и процессуально — правовой точек зрения; во-вторых, многие накопившиеся вопросы о возможности применения положений ст. 76.2 УК РФ были сняты разъяснениями, данными в обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. (далее — ВС РФ) [15].

Думается, что средний показатель применения норм этого института останется на достаточно высоком уровне, что объясняется рядом факторов. Освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76.2 УК РФ хотя и относится к нереабилитирующим основаниям, но имеет свои очевидные для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, достоинства. А именно: оно не будет иметь судимости, что позволяет ему избежать негативных последствий, связанных с наличием судимости. Добавим сюда «выгоды» стороны обвинения: 1) снижение рисков, связанных с судебной перспективой; 2) преференции статистического плана; 3) банальная «производственная» популярность, в основе которой — процессуальный «минимализм», т.е. сведённые до минимума процессуальные затраты с точки зрения объёма доказательств, а также усилий и времени по их оформлению.

Учитывая востребованность следственно — судебной практикой применения положений ст. 76.2 УК РФ, можно предположить возможные варианты её расширения за счёт 1) очевидных достоинств рассматриваемого правового основания разрешения дела по существу с учётом широкого понимания вариантов позитивного посткриминального поведения в духе упомянутого выше обзора ВС РФ; 2) абсолютного или относительного роста числа преступлений небольшой и/или средней тяжести; 3) расширения практики применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ к категории тяжких преступлений, с последующим применением положений ст. 76.2 УК РФ.

Два первых основания расширения практики применения ст. 76.2 УК РФ существенных проблем не обнаруживают. Иное дело, когда расширение сферы действия ст. 76.2 УК РФ осуществляется через неоднозначно комментируемые в научной литературе положения ч. 6 ст. 15 УК РФ. Рассмотрим возможность применения ст. 76.2 УК РФ по последнему из упомянутых нами механизмов.

Судебный штраф представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица

от уголовной ответственности, и может быть применен к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, в случае если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (статья 76.2 и часть первая статьи 104.4 УК РФ). Процессуальный порядок производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности предусмотрен главой 51.1 УПК РФ в числе прочего он предполагает, что решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа может быть принято судом как в ходе досудебного производства по уголовному делу по ходатайству, поданному следователем с согласия руководителя следственного органа, либо дознавателем с согласия прокурора, так и в ходе судебного производства по уголовному делу, при наличии оснований, предусмотренных статьей 25.1 УПК РФ.

Однако остается открытым вопрос о возможности применения положений ст. 76.2 УК РФ к категории тяжких преступлений. И какова при этом процедура? Казалось бы, постановка такого вопроса исключается, ведь в соответствии со ст. 76.2 УК РФ освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа ограничено категориями преступлений небольшой или средней тяжести. «Экспансия» рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности в сферу категории тяжких преступлений, казалось бы, ограничивается и положениями ч. 6 ст. 15 УК РФ, позволяющей изменить категорию преступлений на более мягкую лишь при постановлении приговора с назначением наказания.

Обусловлено это тем, что в общей концепции теории уголовного и уголовного процессуального права РФ принято полагать, что освобождение от уголовной ответственности может быть оформлено в виде постановления, но не приговора.

Исходя из отчета Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации («О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г.»), положения ст. 76.2 УК РФ применялись к категории тяжких преступлений 38 раз [25]. Изучение самой этой практики обнаруживает два подхода: изменение категории преступления с последующим освобождением от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию осуществлялось посредством вынесения судами постановления или приговора.

Так, постановлением Пятигорского городского суда от 13 июля 2020 года гражданке Р., обвиняемой по ч. 3

ст. 160 УК РФ, изменена категория преступления с тяжкого на категорию преступления средней тяжести и назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 100 000 рублей [27]. Акцентируем внимание на том, что результирующим документом в этом деле стало именно постановление суда, а не приговор.

Несложно заметить, что в данном процессуальном решении необычным образом пересеклись два уголовно-правовых института: судебного штрафа, как вида освобождения от уголовной ответственности; и категориальности преступлений. Необычность заключается, во-первых, в применении положений ст. 76.2 УК РФ к категории тяжких преступлений, что, казалось бы, по определению недопустимо, а, во-вторых, в изменении категории преступления с существенными отступлениями от правил ч. 6 ст. 15 УК РФ, то есть посредством вынесения постановления, что естественно, не связано с предварительным определением наказания.

В другой ситуации Кронштадтский районный суд Санкт-Петербурга, применяя положения ч. 76.2 УК РФ, прибег к ранее не применявшейся правовой конструкции. Так, приговором от 25.02.2020 г. этот суд признал гр. Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1.2 ст. 263 УК РФ, назначил ему наказание в виде трех лет лишения свободы с лишением права заниматься определенной деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок один год шесть месяцев. На основании ст. 73 УК РФ назначенное Н. основное наказание в виде лишения свободы суд постановил считать условным с испытательным сроком на два года с соответствующими обязанностями, регламентированными этой нормой. А далее суд в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ изменил категорию преступления, совершенного Н., с тяжкого на категорию преступления средней тяжести и на основании ст. 76.2 УК РФ освободил осужденного Н. от наказания, в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере тридцати тысяч рублей [28].

Строго говоря, суд в этом случае применил не предусмотренный законом механизм освобождения от наказания, поскольку назначение судебного штрафа может быть только альтернативой освобождения от уголовной ответственности, а не от наказания.

Не является подобная процессуальная форма вариантом освобождения от уголовной ответственности как отказа от осуждения виновного лица.

Таким образом, в двух описанных нами случаях суды весьма радикально преодолевали сложившиеся пра-

вовые конструкции и процессуальные формы, распространяя положения ст. 76.2 УК РФ на «несвойственные» этой норме стадию уголовного процесса и категорию преступления.

В контексте рассматриваемой проблемы для нас важным является не только неоднозначное преодоление судами правовых предписаний и процессуальных форм, но и характер посягательства с учётом важности объекта правовой охраны.

Так, 15 мая 2020 г. приговором Благоварского межрайонного суда Республики Башкортостан гражданин Л., признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, ему назначено наказание по этой статье в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, которое, как и в предыдущем случае, на основании ст. 76.2 УК РФ заменено мерой уголовно — правового характера в виде судебного штрафа в размере 10 000 (десять тысяч) рублей [16]. Не может не обращать на себя внимание то обстоятельство, что от уголовной ответственности освобождено лицо, умышленно причинившее тяжкий вред здоровью потерпевшего — наиболее важному и строго охраняемому объекту уголовно-правовой охраны.

Мы не случайно употребили слово «заменено», ибо легально рассматриваемый механизм применения ст. 76.2 после назначенного судом по приговору суда наказания в УК РФ не предусмотрен.

В научной литературе исследователями-криминалистами приводятся подобные примеры в качестве аргумента несостоятельности положений ч. 6 ст. 15 УК РФ с момента принятия этой новеллы законодателем, а в дальнейшей её «связке» с положениями УК РФ об освобождении от уголовной ответственности эта норма и вовсе стала объектом «прицельного огня». Например, А.М. Репьева, исследуя складывающуюся практику изменения категорий преступлений с позиций ответственности её принципу справедливости, со ссылкой на В.И. Решетняка, приводит такой пример:

Красносулинским районным судом Ростовской области установлено, что Б. нанесла ножом своему гражданскому мужу Т. два удара в грудную клетку, причинив ему телесные повреждения в виде проникающего колото-резаного ранения с повреждением левого легкого с гемотораксом, т.е. тяжкий вред, причиненный здоровью человека, по признаку опасности для жизни. Суд признал Б. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК, и назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы. На основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать

условным с испытательным сроком 6 месяцев. В соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ суд изменил категорию преступления с тяжкого на преступление средней тяжести и на основании ст. 76 УК РФ освободил осужденную Б. от отбывания назначенного наказания в виде 2 лет лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ за примирением сторон [22].

Этот факт правоприменения вызывает ряд вопросов:

1. Почему умышленное причинение вреда здоровью человека в виде проникающего колото-резаного ранения с повреждением левого легкого с гемотораксом, с применением ножа квалифицируется по ч. 1 ст. 111 УК РФ, а не по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия), что напрашивается, исходя из фактических обстоятельств дела?
2. Не связано ли это с тем, что квалификация действий Б. по «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ лишила бы правоприменителя перспективы изменения категории преступления на категорию средней тяжести с последующим освобождением от уголовной ответственности, так как в этом случае принадлежность деяния к особо тяжким исключала бы возможность освобождения от уголовной ответственности по причине непреодолимой разницы в тяжести деяний в две степени?

К сожалению, страничка этого дела на официальном сайте Красносулинского районного суда содержит лишь статистическую информацию, а сам приговор на ней не размещён [29]. Однако в основных фактических обстоятельствах не приходится сомневаться, так как В.И. Решетняк — не только учёный-криминалист, но на то время и судья Ростовского областного суда, имевший доступ к материалам дела.

В приведённых случаях (а они, как показывают литературные источники — не единичные) мы наблюдаем примеры радикального применения правовых норм, понять природу и механизм использования которых исследователю непросто. Да и среди судей, опрошенных авторами настоящей работы, нет единства в вопросе о возможности применения в определённых ситуациях положений ст. 76.2 УК РФ и тем более — в её взаимосвязи с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Встречаются ситуации, когда одни судьи относительно широко практикуют применение ст. 76.2 УК РФ, реже — в её взаимосвязи с ч. 6 ст. 15 УК РФ, другие — крайне осторожно применяют положения ст. 76.2 УК РФ и не приемлют эту норму как следующий после обращения к ч. 6 ст. 15 УК РФ правоприменительный этап.

Характерна избирательность апелляционных инстанций к рассматриваемой практике. Верховный Суд РФ, утвердив обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), снял ряд вопросов, относящихся к практике применения ст. 76.2 УК РФ. Это касается возможности применения рассматриваемой нормы к: преступлениям с формальным составом; составам преступления и ситуациям при отсутствии материального вреда; совокупности преступлений и др.

Но усмотреть единообразный подход апелляционных инстанций к взаимосвязанно применяемым ст. 76.2 и ч. 6 ст. 15 УК РФ на настоящий момент не представляется возможным.

В этой связи нелишним видится обращение к динамике подходов высшего судебного органа страны и теоретиков права к двум правовым институтам — судебного штрафа и категориальности преступлений, а особенно к той ситуации, когда эти два правовых института пересекаются (взаимодействуют). При этом изменение категории преступления предшествует принятию решения по основаниям ст. 76.2 УК РФ.

Заслуживает внимание и отсутствие единой процессуальной формы, в рамках которой принимаются решения. Не единичны случаи, когда освобождение от уголовной ответственности по основаниям ст. 76.2 УК РФ после изменения категории преступления осуществляется *постановлением* (курсив наш — В.С. и Н.П.) суда в рамках дел об имущественных преступлениях. Но возникает ощущение, что при современной либеральной тенденции правоприменительная практика остановилась в полушаге от более частого применения, мягко говоря, этого не однозначного механизма и по тяжким преступлениям против личности. И если это случится, то размытыми окажутся принципы (в первую очередь — справедливости и законности) и иные фундаментальные положения уголовного права.

Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, превышает пять лет и не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пятнадцати лет лишения свободы (ч. 4 ст. 15 УК РФ).

В пункте 1 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г. («О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации») указывается, что изменение категории преступления положительно влияет на решение целого ряда вопросов, связанных с правовыми последстви-

ями осуждения: назначением вида исправительного учреждения, условно-досрочным освобождением и др.

Но в этом постановлении ничего не говорится о связи изменения категории преступления с возможностью последующего применения положений ст. 76.2 УК РФ. К тому же, решение о возможности применении положений пункта 6.1 части 1 ст. 299 УПК РФ принимается в итоговом документе, а именно в ходе разрешения судом вопросов при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ).

Вопрос об изменении категории преступления на менее тяжкую решается судом первой инстанции при вынесении обвинительного приговора по уголовному делу, рассмотренному как в общем, так и в особом порядке судебного разбирательства [19]. Изменение категории преступления возможно только после того, как осужденному назначено наказание с учетом предусмотренных УК РФ правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям части 6 статьи 15 УК РФ [20].

Вместе с тем, пункте 10 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г. «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» говорится о том, что решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, *освободить осужденного от отбывания назначенного наказания* (курсив наш — Н.П., В.С.). В этих случаях суд постановляет приговор, резолютивная часть которого должна, в частности, содержать решения о признании подсудимого виновным в совершении преступления, о назначении ему наказания, об изменении категории преступления на менее тяжкую с указанием измененной категории преступления, а также об освобождении от отбывания назначенного наказания (пункт 2 части 5 статьи 302 УПК РФ). То есть, речь идет об освобождении от уголовного наказания, но не освобождении от уголовной ответственности, хотя и включает в себя две нормы УК РФ из главы 11 УК РФ, а именно ст. 75 и ст. 76 УК РФ.

В этой ситуации видится неопределенность (несогласованность, нарушение системности) положений пунктов 21–28 (Процессуальные особенности применения норм главы 11 УК РФ) Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», и пункта 10 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г.

Коль скоро сложилась определённая практика применения положений ч. 6 ст. 15 УК РФ с последующим назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа применительно к тяжким преступлениям, то выход из сложившейся ситуации видится по двум вариантам. С учётом различия между ними, уходящего в суть применяемых институтов, назовём эти подходы либерально-гуманистическим и собственно-правовым.

В соответствии с первым из них, в угоду практики, сложившейся наперекор принципам уголовного права, а нередко — и здравому смыслу, следует окончательно устранить последние препятствия для правоприменения. Видится возможным сделать это таким образом:

- ◆ изъять из перечня пункта 10 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г., регламентирующего возможность освобождения от наказания вследствие либерализации судом категории преступлений, указания на 75, 76 УК РФ и дополнить указанное постановление отдельным пунктом, в котором помимо статей 75 и 76 УК РФ прописать порядок применения ст. 76.2 УК РФ, а именно освобождение от уголовной ответственности;
- ◆ поскольку ходатайство о применении положений ч. 6 ст. 15 УК РФ с последующим назначением судебного штрафа по рассматриваемым в суде категориям тяжких преступлений может поступить только в стадии судебного следствия, применение положений пункта 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 г. о возможности освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения категории преступления на досудебной стадии исключается. Соответственно, в раздел Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 г. (Процессуальные особенности применения норм главы 11 УК РФ) необходимо внести дополнения. Эти изменения должны быть логически увязаны с главой 11 УК РФ и предлагаемыми нами изменениями в Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г. В частности, в Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 г. следует прописать, что частным случаем освобождения от уголовной ответственности является решение о применении ст. 76.2 УК РФ после изменения судом категории преступления и освобождении от наказания.

Второй вариант, названный нами, собственно, правовым, предполагает обращение к фундаментальным положениям уголовного права и уголовного закона в рамках институтов судебного штрафа и категорий преступлений и дальнейшее исправление принятых законодательных конструкций. Напомним, что в док-

трине уголовного права последних лет — это наиболее часто обсуждаемые институты. И если некоторые вопросы применительно к судебному штрафу к настоящему времени сняты усилиями ВС РФ, то интерес критиков к ч. 6 ст. 15 УК РФ никогда не снижался.

В частности, если ещё совсем недавно норма о судебном штрафе понималась как сугубо дискреционная [2, с. 220–223; 21, с. 104–109], то понимание природы судебного штрафа и последовавшие разъяснения ВС РФ, данные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», не относят норму о судебном штрафе к числу применяемых по усмотрению правоприменителя. Напомним, постановлением № 56 от ВС РФ от 29.11.2016 из постановления № 19 исключён п. 6, рассматривавший применение нормы о судебном штрафе исключительно как право суда, а в п. 27 постановление дополнено положением, согласно которому, если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 24, статьями 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со статьей 389.21 УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет обвинительный приговор и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование.

Принципам справедливости, законности, а также единообразному применению норм УК РФ послужили разъяснения ВС РФ, данные в обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. В частности, положена основа для единообразного применения нормы о судебном штрафе в ситуациях, связанных с преступлениями с формальным составом, совокупностью преступлений, в отсутствие реального материального вреда.

В целом в теории уголовного права к настоящему времени освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа воспринимается как позитивный уголовно-политический шаг с очевидным гуманистическим потенциалом. Однако, очевидны и «узкие места» этого правового института. В литературных источниках, на наш взгляд, заслуженно обосновывается необходимость ограничения применения судебного штрафа к некоторым категориям преступлений (террористической, экстремистской, сексуальной, в отношении несовершеннолетних и др. направленности) [10]; оспаривается возможность применения к полиобъектным преступлениям, совокупности преступлений [12, с.115–119].

Критики судебного штрафа как альтернативы уголовного наказания в качестве проблем называют также неясность фигуры «конечного бенефициара» судебного штрафа, что особенно важно с учётом практического «отстранения» потерпевшего от решения вопроса о применении ст. 76.2 УК РФ и высокой коррупционной составляющей [21, с. 104–109].

Иногда удивляет та лёгкость, с которой правоприменитель применяет решение о судебном штрафе. Что здесь: процессуальный интерес реального бенефициария, о чём предупреждают исследователи [24], или недооценка важности правоохраняемого объекта — сложно сказать. Вот пример следственно-судебной практики, который приводит исследователь, он же — руководитель следственного подразделения В.В. Медянцева: «В практике следственного управления распространены факты направления в суд уголовных дел с ходатайством о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении обвиняемого (подозреваемого) и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по делу материального ущерба. ...Например, следователем Пермского межрайонного следственного отдела 23.01.2020 в суд в порядке, предусмотренном ст. 446.2 УПК РФ, направлено уголовное дело, возбужденное 06.11.2019 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ, по факту нарушения «Ф», являющегося механиком автотранспортного цеха ООО «ПГС-Пермь», требований охраны труда, повлекшего по неосторожности смерть «В». В ходе допроса потерпевшая «Р» (дочь погибшего) пояснила, что к ней обратился подозреваемый «Ф», который в ходе беседы принес ей извинения, полностью признал вину в совершенном преступлении, раскаялся в содеянном, чем загладил причиненный преступлением вред. Иных претензий, в том числе материального характера, к «Ф» она не имеет. Постановлением суда от 20.01.2020 ходатайство следователя удовлетворено, в отношении «Ф» применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 60 000 рублей» [13].

Выводы впечатляют: во-первых, оказывается, что одна «беседа» с родственником погибшего человека — полноценный способ заглаживания вреда, во-вторых, руководитель следственного подразделения называет довольно широкий спектр преступлений, когда применяется судебный штраф, среди которых — преступления, объектами которых являются половая неприкосновенность личности и даже жизнь человека (пусть хотя бы и в качестве дополнительного объекта).

Таким образом, судебный штраф как междисциплинарный институт на настоящем этапе развития российского законодательства и следственно-судебной

практики далёк от совершенства и предполагает взвешенный подход правоприменителя.

Прежде чем дать оценку практике освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа после изменения категории преступления с тяжкого на категорию средней тяжести, обратимся к теоретико-правовым аспектам ч. 6 ст. 15 УК РФ.

«Миной замедленного действия», заложенной в и так уже пошатнувшееся в результате многочисленных, часто бессистемных и поспешных изменений «здание» уголовного закона, назвала в своё время профессор юридического факультета МГУ Н. Крылова законопроект об изменении категорий преступлений и праве суда изменять категорию преступления [8]. Среди последствий такого «взрыва мины» учёный особо отмечает сложно прогнозируемые правовые последствия, связанные, в частности, с обратной силой закона и ряд других, но самое главное — новелла ставит под сомнение само понятие общественной опасности преступления.

Теперь уже со всей очевидностью к таковым последствиям следует отнести правоприменительную практику, когда тяжкое преступление суд переводит в разряд преступлений средней тяжести, а затем применяются положения ст. 76.2 УК РФ, и лицо освобождается от уголовного наказания по норме об освобождения от уголовной ответственности. Особенно неприемлемы такие правовые и конструкции и обеспечивающие их «процессуальные лабиринты» в двух встречающихся случаях: 1) когда виновное лицо *освобождается от ответственности* за тяжкое преступление против личности (например, от ответственности за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 111 УК РФ) после назначенного наказания; 2) когда окончательное решение принимается в форме постановления суда, т.е. даже без соблюдения минимального процессуального «приличия».

Наиболее решительно и последовательно критиковал изменения в институте категорий преступлений, внесённые Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420 проф. В. Малков. В частности, ч. 6 ст. 15 УК РФ подвергалась критике в связи с тем, что это законоположение устанавливает необоснованно широкие пределы усмотрения для суда (судьи) и возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а следовательно, — и злоупотреблений по этому вопросу (т.е. содержит коррупциогенные факторы) [11]. Новеллу уголовного закона, предоставившую суду право изменять категорию преступления, этот учёный считает неприемлемой (а точнее — ошибочной), утверждает, что от неё следует по возможности быстрее отказаться,

поскольку суд (судья) наделяется не свойственными ему полномочиями — изменять установленную федеральным законом категорию тяжести совершённого преступления, что противоречит ст. 10 Конституции РФ, в соответствии с которой государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [11]. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ подверглись обоснованной критике этого учёного и потому, что они: дают судам (судьям) право выходить за пределы полномочий по осуществлению правосудия, т.е. игнорируют принцип законности, передавая функции законодателя суду; не соответствуют антикоррупционным требованиям, предъявляемым к нормативно-правовым актам.

Значение категории преступления в российском уголовном законодательстве переоценить сложно. Категориальность транслирована в значительное число правовых норм (ст. 18, 30, 35, 46, 48, 53, 53.1, 56, 57, 58, 59, 61, 69, 73, 74, 75, 76, 76.2, 78–80.1, 83, 86, 88, 90, 92, 93, 95 УК РФ). Отсюда просматриваются возможные «масштабы» влияния произвольного подхода к вопросу об изменении категории преступления на правоприменительную практику.

В этом контексте резонны, например, наблюдения и выводы Л.Ю. Лариной: «Исходя из того, что категория преступления изменяется уже при назначенном наказании, такая измененная категория преступления не может учитываться в ст. 46, 48, 53, 53.1, 56, 57, 59, 61, 69, 75, 76, 88, 90 УК РФ». Однако, констатирует этот учёный, судебная практика пошла по иному пути. Высшая судебная инстанция указала, что изменение категории преступления влияет в числе прочего на исчисление сроков давности, определение вида рецидива, изменение режима отбывания наказания, освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Отсюда следует, что Верховный Суд РФ допускает возможность применения всех перечисленных статей УК РФ в случае изменения судом категории преступления [9]. На основе предпринятого анализа Л.Ю. Ларина приходит к выводу о том, что ч. 6 ст. 15 УК РФ в нынешней редакции является чрезвычайно неудачной нормой, которая, с одной стороны, создает благоприятные условия для нарушения основополагающих принципов уголовного права, а с другой — выступает серьезным коррупциогенным фактором благодаря отсутствию четких критериев изменения категории преступлений. Этот исследователь видит два пути выхода из ситуации. Во — первых, конкретизировать в законе четкие критерии, позволяющие суду изменить категорию преступления, а также прямо указать, какие правовые последствия несет такое изменение. Однако это

позволит лишь смягчить ситуацию, а не исправить ее, поскольку сущность образовавшейся проблемы не изменится. Во-вторых, можно пойти по наиболее справедливому, с точки зрения права, пути и исключить ч. 6 из ст. 15 УК РФ [9].

Предметом исследования в рамках проблематики изменения категории преступлений среди прочего стали и необходимые условия применения ч. 6 ст. 15 УК РФ

Напомним, что в качестве основания изменения категории преступления законодателем указаны фактические обстоятельства преступления, степень его общественной опасности, наличие смягчающих обстоятельств и отсутствие отягчающих обстоятельств. Т.В. Николаева справедливо замечает: «Какие фактические обстоятельства должны быть учтены судом, законодатель не разъясняет, а вопрос об учете степени общественной опасности представляется еще более проблематичным, поскольку она учитывается законодателем в определении категории преступления наряду с характером общественной опасности (ч. 1 ст. 15 УК РФ)» [14].

По утверждению Ю.Е. Пудовочкина, понятие «фактические обстоятельства преступления» не имеет ни нормативной, ни однозначной доктринальной трактовки [17].

В другой работе Ю.Е. Пудовочкин и Н.В. Генрих замечают: «разделить» фактические обстоятельства и степень опасности как самостоятельные критерии оценки преступления невозможно по определению, поскольку на основе фактически обстоятельств как раз и происходит оценка степени общественной опасности содеянного. Таким образом, единственным основанием для принятия решения об изменении категории выступает именно степень общественной опасности совершенного преступления [18]. Согласимся с этим и добавим, что фактические обстоятельства совершенного преступления являются носителем свойств, определяющих степень общественной опасности.

Несложно заметить, что законодательные критерии изменения категории преступления определены недостаточно чётко.

Включение в ч. 6 ст. 15 УК РФ категории «фактические обстоятельства дела» в качестве условия её применения обусловила востребованность её трактовки высшим судебным органом страны для нижестоящих судов.

Раскрывая содержание этой категории в п. 2 Постановления № 10 от 15.05.2018 г., Пленум ВС РФ рекомен-

дует судам принимать во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности.

Сложно разделить оптимизм исследователей, выражающих надежду на то, что недостаток правового регулирования в ч. 6 ст. 15 УК РФ будет компенсирован необширной практикой её применения. Так, Н. Скрипченко резюмирует: «Подчеркивая значимость анализируемого документа, установившего пределы вмешательства судебной власти в область правотворчества, вряд ли можно разделить мнение о том, что принятие Постановления повлечет широкую практическую реализацию ч. 6 ст. 15 УК РФ» [26].

Но только ли в количестве случаев применения этих спорных положений УК РФ и процессуальных процедур кроется проблема?

С определённой оговоркой можно согласиться с утверждением исследователей о том, что в целом возможность понижения категории преступления направлена на улучшение положения осужденного при наличии к тому оснований [5].

Однако участвовавшие случаи ничем не оправданного применения «связки» положений ч. 6 ст. 15 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ применительно к освобождению от уголовной ответственности за тяжкие преступления с применением сомнительных правовых конструкций и столь же неубедительных процессуальных «горок», не прописанных в законе, приводят нас к мысли о том, что предсказанный исследователями взрыв «бомбы замедленного действия» все же случился.

Попытки найти альтернативное отношение в научной литературе к положениям ч. 6 ст. 15 УК РФ показывают, что исследователи здесь разделились на три группы: 1) авторы с однозначной критикой изменений категориальности преступлений (их большинство); 2) немногочисленные сторонники, в целом поддерживающих законодательное нововведение (главным образом потому, что за основу делений преступлений на категории они предлагают брать не санкции норм, а назначенное наказание) [6]; 3) авторы, предлагающие определённые рекомендации для более безболезнен-

ной адаптации рассматриваемой нормы в правоприменительную практику. Например, А. Хайдаров делает это, приводя случаи из судебной практики, когда само деяние не свидетельствует о наличии фактических обстоятельств, дающих для применения ч. 6 ст. 15 УК (несколько хорошо подготовленных групповых краж с распределением ролей), однако суд, не называя фактические основания, учитываемые при применении ч. 6 ст. 15 УК РФ, изменяет категорию преступления на более мягкую. Тем не менее и этот учёный не обходится без вывода, оптимистическим который назвать никак нельзя: «Положениями ч. 6 ст. 15 УК и п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК расширяются пределы судебного усмотрения настолько, что контролировать такую практику имеющимися процессуальными средствами невозможно. Судейское усмотрение является имманентным элементом правоприменительной деятельности судьи (суда), но п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК создаёт судье (суду) простор для произвола» [30].

В контексте сказанного, повышенный исследовательский интерес вызывает позиции законодателя, теоретиков и практиков на случаи применения нормы о судебном штрафе после изменения категории преступления с тяжкого на средней тяжести.

По общему правилу, не связанному с возможностью дальнейшего освобождения от уголовной ответственности, такое изменение категории преступления возможно. Напомним об условиях для этого: наличие соответствующих фактических обстоятельств, а также – обстоятельств, смягчающих наказание и отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, при том, что назначенное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, а категория понижается не более, чем на одну ступень. Кроме того, судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ) как мера уголовно-правового характера может быть применена судом также при наличии строго определённых условий: распространяется на случаи совершения преступления небольшой и средней тяжести впервые, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причинённый преступлением ущерб.

Буквальное толкование последней нормы исключает возможность применения судебного штрафа к случаям совершения тяжких преступлений.

П. 10 ПВС РФ № 10 от 15.05.2018 г., регламентирующий право суда после изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести, освободить лицо от наказания по основаниям статей 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ — пример необоснованно широкого судебного толкования правовых норм, в котором нашли своё выражение: смешение функций ветвей власти, принятие на себя судами функции законодате-

ля, нарушение системности права, смешение правовых институтов (например, освобождение от ответственности и освобождения от наказания), нарушение стадийности уголовного процесса, произвольное толкование норм права, а в результате — существенные нарушения принципа справедливости и равенства граждан перед законом. Известное выражение из фильма «Джельтмены удачи»: «Украл, выпил — в тюрьму! Украл, выпил — в тюрьму!» может смениться на другое, смыслом которого станет: «Украл — заплати штраф — свободен» или, что ещё хуже, но уже реальное: «Покалечил — заплати штраф — свободен».

Уместно проанализировать взгляды исследователей на возможность распространения судебного штрафа на тяжкие преступления (после понижения категории). Их также условно можно разделить на три группы.

Небольшая часть научной аудитории считает возможным освобождать от уголовной ответственности в связи с совершением впервые некоторых тяжких преступлений (например, предусмотренных ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 131, ч.ч. 3, 4 ст. 158, ч.ч. 1, 2 ст. 162 УК РФ) [3]. Обращает на себя внимание оправдание такого подхода при минимуме или в отсутствие аргументов столь кардинальных решений [7]. Приветствуя такую практику с минимальным обоснованием (результаты опроса судей), С.П. Андреев тем не менее заключает, что для освобождения виновного от наказания при назначении судебного штрафа сегодня нет законных оснований. А применение уголовного закона по аналогии недопустимо. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о внесении соответствующих дополнений в уголовное законодательство в части возможности применять судебный штраф и при освобождении от наказания [1].

Ряд исследователей констатируют распространение судебного штрафа на категорию тяжких преступлений без выражения собственных оценок [23].

В большей же части исследований высказывается отрицательное отношение к освобождению от уголовной ответственности по основанию назначения судебного штрафа после изменения категории преступления (с тяжкой на средней тяжести) ввиду отсутствия правовых оснований, несоответствия такого подхода основополагающим принципам уголовного права и очевидной коррупциогенности [4; 9].

Выше уже упоминались предложения и вовсе сузить перечень преступлений небольшой и средней тяжести, когда в отношении виновных возможно применение судебного штрафа. Учёт в таком контексте тяжких преступлений исключается.

Предпринятое исследование позволило нам сформулировать следующие выводы.

1. Законодательная практика последнего десятилетия обнаруживает противоречивые новеллы в сфере противодействия преступности. Сюда относятся результаты нормотворчества, нашедшие своё место в институтах судебного штрафа и категорий преступлений (ст. 76.2 и ст. 15 УК РФ).
2. Как следствие, в российском уголовном судопроизводстве в последние годы сложился, по существу, нигилистический подход, когда, в нарушение конституционного принципа разделения властей, межотраслевых и внутриотраслевых принципов (справедливости, равенства), да и здравого смысла, лицо, виновное в тяжком преступлении, в том числе и против личности, и, по существу осуждённое за него с определением наказания, тем же приговором суда освобождается от уголовной ответственности в результате изменения категории преступления.
3. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера на настоящем этапе развития российского законодательства и следственно — судебной практики далёк от совершенства и предполагает взвешенный подход правоприменителя.
4. Невнятное правовое основание приводит к различным процессуальным решениям, когда при освобождении от уголовной ответственности за тяжкие преступления, переведённые судом в категорию преступлений средней тяжести, наряду с приговорами практикуются и постановле-

ния суда (в последнем случае, разумеется, без промежуточного наказания), что несовместимо с правилами изменения категорий преступлений.

5. В некоторых случаях встречается и сомнительная квалификация действий виновного лица, не исключено, что с перспективой на конечный результат, для дальнейшего соответствия требованию ч. 6 ст. 15 УК РФ о допустимости изменения категории преступления на одну ступень.
6. В зависимости от воли законодателя и правоприменителя в качестве выходов из ситуации видятся два варианта: а) по «программе-минимум» из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. №10 г. Москва «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» следует исключить п. 10 о праве суда освобождать осуждённое лицо от наказания по основаниям ст.ст. 75, 76, 78, 801, 84, 92, 94 УК РФ; б) более приемлемый путь — исключение из УК РФ ч. 6 ст. 15 УК РФ и запрет на применение ст.ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ после изменения категории преступления с тяжкого на средней тяжести. 7. Законодательные и правоприменительные новеллы последних лет требуют актуализации Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29 ноября 2016 г. (О судебном приговоре). В частности, это касается учёта тех вариантов окончательного судебного решения, когда оно сопряжено с последующей «трансформацией» наказания в судебный штраф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.П. К вопросу об изменении категории преступления судом при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа// Вопросы российского и международного права. — 2021. — Т. 11. — № 3–1. — С. 158–166.
2. Белик Ю.С. Особенности реализации уголовно-правовых норм о судебном штрафе// Уголовная политика и культура противодействия преступности: сборник статей международной научно-практической конференции 30 сент. — 2016 г. — Т. 1. — Краснодар. — 2016. — С. 220–223.
3. Владимирова О.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... к.ю.н. — Самара. — 2015. — 22 с.
4. Долотов Р.О. Уголовно-правовые последствия применения судом ч. 6 ст. 15 УК РФ// Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2015. — № 4. — С. 60–72.
5. Епихин А.Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты//Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 1 (19). — С. 105–108.
6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — М., 2014. — С. 307.
7. Зарубин А.В. Некоторые проблемы судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа// Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VIII-й Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. — С. 107–113.
8. Крылова Н. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона//Уголовное право. — 2016. — № 6. — С. 26–34.
9. Ларина Л.Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления//Юридическая наука. — 2013. — № 2. — С. 56–59.
10. Луценко Н.С. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в теоретическом и прикладном контекстах// Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9. — № 4–1. — С. 332–340.
11. Малков В. Право суда на изменение категории преступления//Законность. — 2013. — № 11 (949). — С. 36–39.

12. Мансурова С.И. Некоторые спорные вопросы применения судебного штрафа в уголовном законодательстве РФ//Современные проблемы борьбы с преступностью: перспективы и пути решения: сборник статей Всеросс. научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Горно-Алтайск, 2018. — С. 115–119.
13. Медянцев В.В. Особенности практического применения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа// Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Пермь, ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2021. — С. 35–37.
14. Николаева Т.В. Теоретические и правовые аспекты изменения категории преступления// Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 24–27.
15. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/>. (дата обращения: 19 июля 2021 г.).
16. Приговор по уголовному делу № 1–83/2020 г.// Официальный сайт Благоварского межрайонного суда Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL: <http://blagovarsky.bkr.sudrf.ru/> (дата обращения 09.06.2021 г.).
17. Пудовочкин Ю.Е. О грядущих изменениях уголовного закона // URL: [http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pudovochkin\(09–11–11\).htm](http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/pudovochkin(09–11–11).htm). (дата обращения: 19.07.2021).
18. Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ// Научный вестник Омской академии МВД России. — 2019. — № 2(73). — С. 3–10.
19. Пункт 5 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г.
20. Пункт 8 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 15.05.2018 г.
21. Пятакова Н.С., Рябинин А.Г. Вопросы реализации меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: проблемы и пути их решения// Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. № 11–7. — С. 104–109.
22. Репьева А.М. Изменение категории преступления на менее тяжкую: взгляд через призму принципа справедливости// Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 3 (128). — С. 208–215.
23. Решетняк В.И. Принятие судами решений об изменении категории преступлений на менее тяжкую// Законность. — 2016. — № 9 (983). — С. 38–41.
24. Рыжаков А.П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения // Уголовный процесс. — 2016. — № 10. — С. 52–58.
25. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2020 год// Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (дата доступа: 21 июля 2021 г.).
26. Скрипченко Н. Вопросы изменения категории преступлений в Постановлении Пленума Верховного Суда// Уголовное право. — 2018. — № 5. — С. 60–63.
27. Уголовное дело № 1–142/2020 (1–770/2019;). https://piatigorsky.stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=134265253&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 09.06.2021 г.).
28. Уголовное дело № 1023/2020//Официальный сайт Кронштадтского районного суда Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: https://krn.spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=393605397&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 19.07.2021 г.).
29. Уголовное дело № 1–33/2014 г.// Официальный сайт Красносулинского районного суда Ростовской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://kranosulinsky.ros.sudrf.ru>. (дата обращения: 19.06.2021 г.).
30. Хайдаров А. Право суда изменять категорию преступления на более мягкую// Законность. — 2015. — № 2 (964). — С. 38–42.

© Сафонов Владимир Николаевич (svn205@gmail.com), Петровский Николай Казимирович (pnkspb5@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА И ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА ПО ПОДДЕРЖКЕ ЗАСТРОЙЩИКОВ

Скворцова Юлия Сергеевна

Старший преподаватель кафедры Гражданского права, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), город Саранск
juliyav777tt@mail.ru

PROBLEMS IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC AND LEGAL DECISIONS OF THE STATE TO SUPPORT DEVELOPERS

Yu. Skvortsova

Summary. This article examines the problems that arose in 2020 in the construction industry, and the government's actions to support the development of the industry during the coronavirus pandemic. The author analyzed the statistical data on the development of the construction industry during 2020, as well as the main actions taken by the state to support construction companies and stabilize the residential real estate market. It was found that thanks to the preferential mortgage program, in June 2020, the demand for housing returned to the pre-crisis level, and in July — exceeded it, which kept the construction industry from falling and prevented massive bankruptcies of developers and the emergence of new defrauded equity holders in projects implemented without use escrow accounts with direct attraction of equity holders' funds. The recovery in demand for housing led to an increase in development activity and market stabilization. It was concluded that by the beginning of 2021, positive trends were outlined in the construction industry, primarily as a result of measures of state support for construction companies and an increase in demand for housing due to the introduction of a preferential mortgage program. Timely legal measures of the Government of the Russian Federation made it possible to support developers during the COVID-19 pandemic, there is an overall decrease in the number of developers' bankruptcies. At the same time, systemic problems associated with the transition to project financing will remain in the construction industry, which have a particular impact on the activities of small developers. A possible way out is the use of a phased disclosure of escrow accounts, as well as the development of an understandable and transparent methodology for determining the construction readiness of housing.

Keywords: pandemic coronavirus, crisis, market demand, government support, preferential mortgage.

Аннотация. Рассмотрены проблемы, возникшие в 2020 году в строительной отрасли, и действия государства по поддержке развития отрасли в период пандемии коронавируса. Автором проведен анализ статистических данных развития строительной отрасли в течение 2020 года, а также предпринятых основных действий со стороны государства по поддержке строительных предприятий и стабилизации рынка жилой недвижимости. Установлено, что благодаря программе льготной ипотеки уже в июне 2020 года спрос на жилье вернулся к докризисному уровню, а в июле — превысил его, что удержало строительную отрасль от падения и позволило предотвратить массовые банкротства застройщиков и возникновение новых обманутых дольщиков в проектах, реализуемых без использования счетов эскроу с прямым привлечением средств дольщиков. Восстановление спроса на жилье привело к увеличению девелоперской активности и стабилизации рынка. Сделан вывод, что к началу 2021 года в строительной отрасли наметились положительные тенденции, прежде всего, в результате действия мер государственной поддержки строительных компаний и повышения спроса на жилье за счет введения программы льготной ипотеки. Своевременные правовые меры Правительства РФ позволили поддержать застройщиков в период пандемии COVID-19. Отмечается общее снижение числа банкротств застройщиков. Вместе с тем, в строительной отрасли сохраняются системные проблемы, связанные с переходом на проектное финансирование, оказывающие особое влияние на деятельность небольших застройщиков. Возможным выходом выглядит применение поэтапного раскрытия эскроу-счетов, а также разработка понятной и прозрачной методики определения строительной готовности жилья.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, кризис, рыночный спрос, поддержка государства, льготная ипотека.

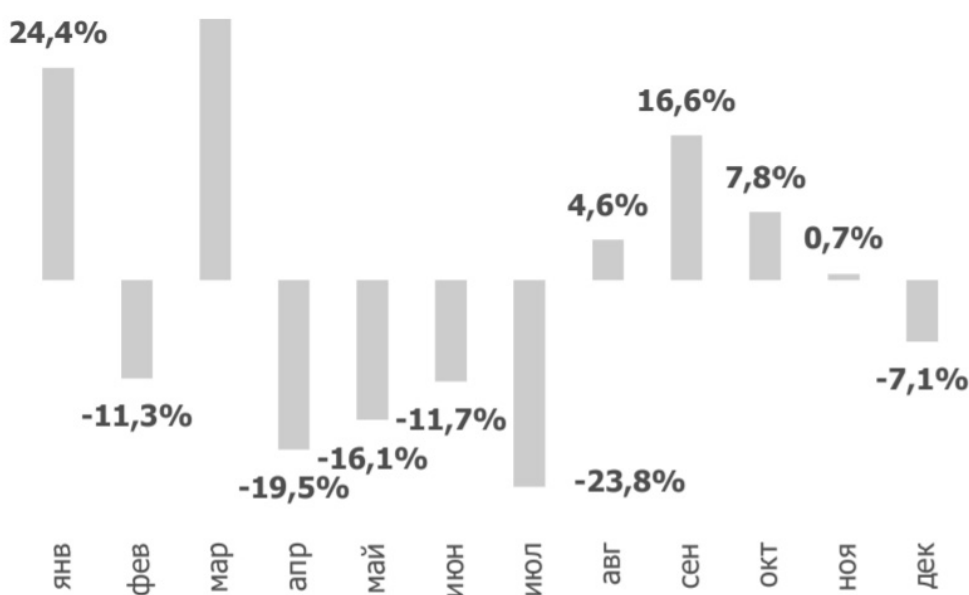

Рис. 1. Динамика ввода МКД в 2020 году ежемесячно к декабрю 2019 года, % (по данным Росстата, расчеты ДОМ.РФ) [4]

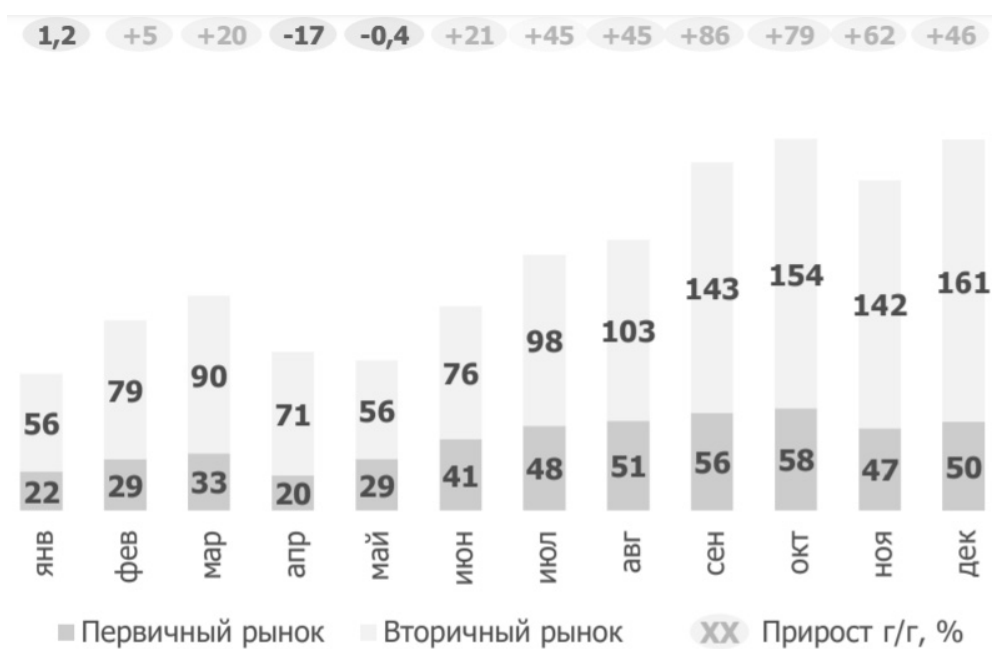
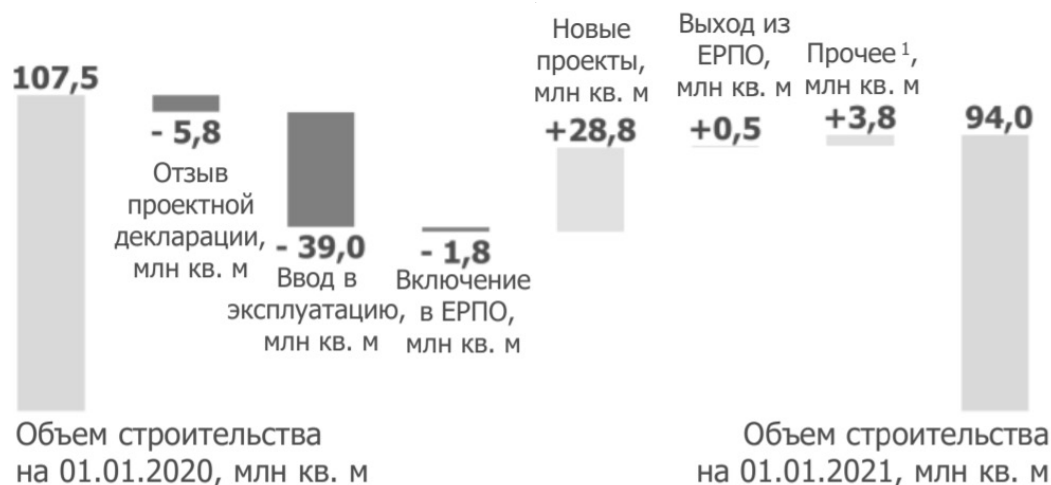

Рис. 2. Динамика выдачи ипотечных кредитов по сегментам в 2020 году, тыс. шт. (по данным Банка России, расчеты ДОМ.РФ) [4]

Строительство, выступая неотъемлемой составляющей национальной экономики, во многом определяет социально-экономическое развитие страны. Так, по данным Росстата в 2019 году предприятия строительной отрасли выполнили работ на сумму

более 9,13 трлн. руб., что составило 5,6% от ВВП страны. В стадии строительства находилось около 77,8 тыс. объектов разного назначения, строительство которых обеспечивало 93,1 тыс. подрядных организаций — членов саморегулируемых организаций (СРО) и 3 340

Сокращение: ЕРПО — Единый реестр проблемных объектов

Рис. 3. Баланс объемов строительства МКД за 2020 год (по данным ЕИСЖС, расчеты ДОМ.РФ) [4]

компаний — застройщиков жилья. При этом около 90% строительных компаний являлись малыми и средними предприятиями. В строительной отрасли на конец 2019 года было трудоустроено более 6 млн. граждан России [1]. Поэтому ситуация в строительной отрасли оказывает мультипликативный эффект на развитие других отраслей и экономики России в целом.

Как отмечали специалисты Центра конъюнктурных исследований ВШЭ [2], уже в течение уже 1-го квартала 2020 года было нивелировано большинство позитивных составляющих, достигнутых в сфере строительства за последние годы. Проведенный опрос топ-менеджеров и собственников строительных компаний показал, что каждый второй из них (48% респондентов) отмечал спрос ниже нормального уровня. 30% опрошенных указывали на сокращение числа заключенных договоров, более трети респондентов отмечали снижение объемов выполняемых работ, еще 30% назвали главным фактором, ограничивающим деятельность строительных компаний, недостаток заказов. До 30% выросла доля компаний, вынужденных сокращать персонал, ввиду ухудшения финансового состояния строительных предприятий. Как отмечали специалисты ВШЭ, для строительного сектора были свойственны преимущественно негативные настроения и кризис доверия.

Для поддержки застройщиков со стороны государства был принят ряд решений, которые предполагали временное смягчение норм действующего законодательства к застройщикам. В частности, антикризисные меры касались ситуаций, в которых нарушается срок передачи объекта долевого строительства, а также сроки завершения строительства и процедуры банкротства [3]. Данные изменения учитывали ситуацию,

в которой оказались добросовестные застройщики в условиях пандемии, и позволяли снизить финансовую нагрузку в период до 1 января 2021 года как на застройщиков, так и на участников долевого строительства.

Необходимо признать, что принятие мер со стороны государства в течение марта-мая 2020 года (снятие локдауна и ограничений при проведении строительных работ, финансовые и налоговые меры поддержки субъектов рынка, введение программы льготной ипотеки для объектов жилищного строительства и др.) позволило частично снизить напряженность на строительном рынке и дальнейшее развитие негативных тенденций.

В результате действия негативных макроэкономических факторов в течение 2020 года отмечалась динамика снижения ввода многоквартирных домов (далее — МКД) (см. Рисунок 1).

Как показывает анализ представленных данных, с апреля по июль 2020 года отмечалось значительное падение количества введенных в строй новых МКД. Осенью ситуация была улучшена, но в декабре опять было отмечено падение показателя относительно уровня декабря 2019 года.

Во многом рынок поддержало введение программы льготной ипотеки, что позволило повысить спрос на жилую недвижимость (см. Рисунок 2).

Анализ представленных данных показывает, что с июня 2020 года отмечается значительный прирост выдачи ипотечных кредитов на первичном рынке. Стабилизации ситуации в жилищном строительстве способствовало повышение доступности рыночных

ипотечных кредитов, а также реализация комплекса мер поддержки строительной отрасли, принятых по поручению Президента России, среди которых наиболее действенной стала программа льготной ипотеки под 6,5%. Благодаря данной программе уже в июне 2020 года спрос на ипотеку и жилье вернулся к докризисному уровню, а в июле — превысил его, что удержало строительную отрасль от падения и позволило предотвратить массовые банкротства застройщиков и возникновение новых обманутых дольщиков в проектах, реализуемых без использования счетов эскроу с прямым привлечением средств дольщиков.

Вместе с тем, несмотря на то, что во 2-м полугодии 2020 года активно росли запуски новых строительных проектов, их отставание от объема вводимого жилья обусловило снижение объема строящегося жилья.

Так, по состоянию на 1 января 2021 года объем многоквартирного жилья в стадии строительства в России составлял 94 млн. м², сократившись за год на 12,5% или 13,5 млн. м², что было связано с недостатком запусков новых проектов в 1-м полугодии на фоне пандемии коронавируса и падения спроса на жилье. Приведенные данные по объему строящегося жилья основаны на информации Единой информационной системы жилищного строительства (далее — ЕИСЖС) и не учитывают строительство МКД, возводимого без привлечения средств дольщиков (см. Рисунок 3).

Своевременные меры государственной поддержки обеспечили рост количества зарегистрированных договоров долевого участия (далее — ДДУ) во 2-м полугодии 2020 года на 64% в сравнении с сопоставимым периодом 2019 года. В результате на 1 января 2021 года оказалось продано 66% строящегося жилья с заявленным сроком ввода в 2021 году.

Восстановление спроса на жилье привело к увеличению девелоперской активности — с августа по декабрь 2020 года объем запусков новых проектов превышал уровень аналогичного периода 2019 года на 39%, максимальный прирост был зафиксирован в конце года, что указывает на восстановление рынка (в декабре 2020 года было запущено новых проектов на 4,7 млн. м² или 196% к декабрю 2019 года).

Несмотря на рост запуска новых проектов во 2-м полугодии 2020 года, по итогам всего года ввод в эксплуатацию жилья более чем на треть превысил объем новых проектов. Так, за весь 2020 год в информационной системе ЕИСЖС застройщиками было размещено новых проектных деклараций на 28,8 млн. м² жилья, а разрешений на ввод в эксплуатацию — на 39 млн. м² жилья. Это стало значительно ниже целевых ориенти-

ров программы «Комфортная и безопасная среда для жизни», которая предусматривала ввод 120 млн. м² жилья ежегодно.

По итогам 2020 года в Российской Федерации отмечено банкротство 162 застройщиков, возводивших 374 дома (2,4 млн. м² жилья). При этом число банкротств за год сократилось на 12% [5]. Своевременные правовые меры Правительства РФ позволили поддержать застройщиков в период пандемии COVID-19, отмечается общее снижение числа банкротств застройщиков, но сама ситуация действия негативных макроэкономических факторов осложнила ведение бизнеса для небольших застройщиков, что сказывается на дальнейшем сокращении их числа на рынке [6].

Успешной работе компаний мешают продолжающийся рост стоимости стройматериалов, ограничение доступа к дешевой рабочей силе и опасения покупателей жилья относительно платежеспособности и устойчивости бизнеса региональных компаний.

Переход на систему проектного финансирования остается серьезной проблемой для небольших застройщиков. Начиная с 1 июля 2019 года все российские девелоперы, привлекающие средства дольщиков, должны использовать для новых проектов механизм эскроу-счетов, который предполагает, что получить деньги приобретателей жилья застройщики смогут только после передачи им квартир, а сам процесс строительства должен осуществляться на привлекаемые банковские кредиты.

Но при этом на практике застройщику крайне сложно получить кредитование, если маржа проекта составляет ниже 15%. В этой ситуации существенно облегчить деятельность застройщиков и увеличить рентабельность проектов способно поэтапное раскрытие эскроу-счетов, когда застройщик смог бы получать некую компенсацию за уже частично освоенные средства и выполненный объем работ. Кроме этого, выглядело бы привлекательным применение более низких ставок по кредиту или рефинансирование — если застройщик выполняет работы по графику и идет постоянное наполнение счетов эскроу.

В нынешней же ситуации при проектном финансировании проценты по кредиту начисляются на весь объем постоянно растущего тела кредита. Возникает парадокс, когда застройщик накапливает долги (постоянно действуют кредитные проценты), в то время как коммерческий банк — фактически посредник между застройщиком и покупателем — аккумулирует вносимые средства на эскроу-счета и пользуется этими деньгами, которые впоследствии (по окончании строительства) пойдут на погашение кредита застройщика.

Считаем, что применение поэтапного раскрытия эскроу-счетов даст возможность застройщикам для проведения эффективных инвестиций, что позитивно скажется на стоимости жилья. Однако при этом данный механизм необходимо использовать так, чтобы он не стал противоречием сути проведенного ранее реформирования по исключению рисков для дольщиков. На наш взгляд, в этом случае необходимо решение ряда принципиальных проблем:

1. Разработка понятной и прозрачной методики определения строительной готовности жилья;
2. Создание четкого порядка взаимодействия коммерческих банков не только с застройщиками, но и с покупателями жилья.

На сегодняшний день согласно нормативных требований дольщик в любой момент до ввода дома в эксплуатацию имеет право расторгнуть ДДУ без объяснения причин, что создает серьезный риск потери ликвидности для застройщика. Поэтому необходимо создание механизма защиты застройщиков в виде законодательного принятия достаточных оснований для расторжения сделки, например, нарушение технологии строительства, ведущее к рискам разрушения конструкции, низкое качество выполненных работ, замена стройматериалов на более дешевые, фактическая непригодность объекта к нормальной эксплуатации и др. В этой ситуации при условии поэтапного раскрытия эскроу-счетов сами дольщики должны быть согласны с тем, что перечисление денег застройщику станет означать принятие уполномоченным банком определенной части выполненных строительных работ, что будет снижать возможности дольщиков для предъявления претензий застройщику, а значит, исключать возможность резкого снижения его платежеспособности ввиду расторжения ДДУ.

Кроме этого, поэтапное открытие эскроу-счетов позволит снижать цену жилья и применять различные маркетинговые стратегии по привлечению потенциальных покупателей, так как застройщик сможет стимулировать продажи на всех этапах строительства. В ситуации, когда доступ к средствам на эскроу-счетах остается закрытым, наиболее привлекательной рыночной ценовой стратегией для застройщика является начало продаж ближе к завершению строительства, когда стоимость 1 м² жилья будет приближена к максимальной. В том же случае, если девелопер сможет получать денежные средства частями, то он сможет самостоятельно регулировать цену продажи — исходя из необходимости привлечь дополнительные средства и увеличить продажи. Несомненно, что при этом цена жилья на более ранних стадиях строительства будет ниже, чем без поэтапного раскрытия, а применение различных скидок может стать лучшим стимулом для покупателя.

Следует признать, что важнейшей проблемой строительной отрасли, которая еще больше актуализировалась в год пандемии, стало изменение финансирования проектов после применения схемы эскроу-счетов. Несмотря на различные меры государственной поддержки, в данном случае требования по маржинальности новых проектов в рамках проектного финансирования так и остались высокими — на уровне 20–25% [7]. Но такой уровень показывают далеко не все проекты застройщиков.

Считаем, что в современных условиях необходимо создать эффективную программу повышения маржинальности строительных проектов, что может быть реализовано за счет снижения дополнительной инженерной, социальной и транспортной нагрузки на девелоперов. Это предложение давно обсуждается в научной среде, но так и не стало правовым решением. Инструментом реализации подобного решения, по нашему мнению, может стать выпуск «инфраструктурных» облигаций по программе «Жилье и городская среда», а также использование механизма государственно-частного партнерства (ГЧП) при строительстве социальных объектов.

Таким образом, в течение 2020 года строительная отрасль в полной мере испытала на себе негативные последствия, вызванные пандемией коронавируса, что привело к значительному сокращению рыночного спроса на жилые и коммерческие объекты, что способствовало ухудшению доходности деятельности строительных компаний и их платежеспособности, а значит, и росту риска банкротства. Но к началу 2021 года в строительной отрасли наметились положительные тенденции, прежде всего, в результате действия мер государственной поддержки строительных компаний и повышения спроса на жилье за счет введения программы льготной ипотеки.

Своевременные правовые меры Правительства РФ позволили поддержать застройщиков в период пандемии COVID-19, отмечается общее снижение числа банкротств застройщиков. Вместе с тем, в строительной отрасли сохраняются системные проблемы, связанные с переходом на проектное финансирование, оказывающие особое влияние на деятельность небольших застройщиков. Возможным выходом выглядит применение поэтапного раскрытия эскроу-счетов, разработка понятной и прозрачной методики определения строительной готовности жилья. Это требует серьезной законодательной работы и взаимодействия с экспертным сообществом, так как необходимо, создав лучшие условия для застройщиков, обеспечить минимизацию рисков дольщиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru>.
2. Центр конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/dep_conres.
3. Кулыбин М. Государство нам поможет. Меры поддержки отрасли // ASNinfo.ru. Агентство строительных новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://asninfo.ru/articles/1718-gosudarstvo-nam-pomozhet-mery-podderzhki-otrasli>.
4. Обзор рынков жилья, жилищного строительства и ипотеки в 2020 году // ДОМ.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://дом.рф/upload/iblock/e84/e847279b9139afd0ae3f407cd6fb7bf5.pdf>.
5. Мерцалова А. У регионов упала себестоимость // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4704087>.
6. Лунькова В. Ключевые события рынка недвижимости 2020 года // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fe102f9a7947b448dc2cb2>.
7. Апольский П. Семь «ключей» строительной отрасли эпохи коронавируса // ASNinfo.ru. Агентство строительных новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://asninfo.ru/articles/1772-sem-klyuchey-stroitelnoy-otrasli-epokhi-koronavirusa>.

© Скворцова Юлия Сергеевна (juliyav777tt@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Саранск

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

JUDICIAL DISCRETION IN THE CONSIDERATION OF FAMILY LAW DISPUTES ON THE DISSOLUTION OF MARRIAGE

M. Sokolkina

Summary. The article deals with the issue of judicial discretion in resolving disputes about the dissolution of marriage. The author gives a definition of judicial discretion, reveals the factors that affect the internal conviction of the judge. The main part outlines in detail the range of disputes during the dissolution of marriage, in the resolution of which the judicial discretion takes part. The conclusion defines the circumstances affecting the place of judicial discretion in family law disputes.

Keywords: judicial discretion, internal persuasion, divorce, mediation, judicial practice.

Соколкина Марина Александровна

Уральский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,
г. Челябинск
drimma7@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос судебного усмотрения при разрешении споров о расторжении брака. Автор дает определение судебного усмотрения, раскрывает факторы, влияющие на внутреннее убеждение судьи. В основной части подробно очерчивается круг споров при расторжении брака, при разрешении которых принимает участие судебное усмотрение. В заключении определяются обстоятельства, влияющие на место судебного усмотрения в семейно-правовых спорах.

Ключевые слова: судебное усмотрение, внутреннее убеждение, расторжение брака, медиация, судебная практика.

Судебное усмотрение является в настоящее время неотъемлемым элементом отечественного гражданско-процессуального права и законодательства. Будучи, в сущности, межотраслевым институтом (судебное усмотрение предусматривается, кроме всего прочего, частью 1 статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], частью 1 статьи 84 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [5], частью 1 статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [3] в части оценки доказательств), судебное усмотрение относится к числу основ российского судопроизводства.

В гражданско-процессуальном законодательстве, которое является основой регулирования отношений по расторжению брака в судебном порядке, судебное усмотрение, как и в упомянутых выше отраслях права, раскрывается в контексте оценки доказательств по делу, о чем говорится в части 1 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «ГПК РФ») [4]. Тем не менее, стоит учитывать, что судебное усмотрение фактически выходит за рамки оценки доказательств и распространяется на весь ход процесса.

На основе анализа проблемы, изучения трудов ученых (К.И. Комиссаров [13], П.В. Марков [14], Н.С. Погоре-

лова [15], С.Ж. Соловых [16], М.К. Треушников [17] и др.) полагаем, что в настоящее время в Российской Федерации проблема судейского усмотрения в цивилистическом процессе не получила четкого и полного разрешения на уровне научной доктрины.

Так, П.В. Марков считает, что «судебное усмотрение представляет собой не особое полномочие, предоставленное суду, а способ осуществления властных полномочий по разрешению правовых споров и совершению отдельных процессуальных действий» [14, с. 15].

Иной позиции придерживается К.И. Комиссаров, по мнению которого, «судейское усмотрение — предоставленное суду полномочие по принятию, исходя из конкретных условий, такого решения относительно права, возможность которого исходит из определенных общих и относительных положений закона» [13, с. 51].

А. Барак отмечает, что усмотрение — это полномочие лица, наделенного властью, по осуществлению выбора между двумя и более альтернативами, когда каждая из данных альтернатив является законной [9, с. 299].

Л.Н. Берг под судебным усмотрением подразумевает «элемент судебной правоприменительной деятельности, заключающийся в выборе мотивированного

законного и обоснованного решения, совершаемого уполномоченным субъектом (судьей) по конкретному юридическому делу в пределах, установленных нормой права» [10, с. 61].

Итак, судебное усмотрение имеет свои пределы. Оно допустимо лишь в тех случаях, когда закон допускает свободу судьи в принятии того или иного решения.

Полагаем, что решение вопроса о пределах судебного усмотрения представляется сложным и неоднозначным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Как пишет Л.Н. Берг, пределы судебного усмотрения — «это правовые рамки, установленные управомоченными субъектами с помощью правовых юридических средств, четко ограничивающие объем применения права» [10, с. 62].

В связи с этим, думается, следует привести утверждение А.А. Березина, что суд должен выносить свои решения с учетом принципов законности, справедливости, целесообразности [11, с. 12], а также категорий нравственности, добросовестности и разумности, на что указывает К.П. Ермакова [12, с. 95].

Тогда, взяв за основу определение рассматриваемого явления, сделанное Л.Н. Бергом, считаем целесообразным его дополнить приведенными замечаниями указанных авторов и сформулировать следующим образом в более развернутом виде: «Пределы судебного усмотрения — это правовые рамки, установленные управомоченными субъектами с помощью правовых юридических средств, четко ограничивающие объем применения права с учетом принципов законности, справедливости, целесообразности, а также категорий нравственности, добросовестности и разумности».

Как указывает С.Ж. Соловых, «пределы судебного усмотрения будут в полной мере соответствовать содержанию принципа законности, если суд при вынесении судебного акта строго придерживался норм действующего материального и процессуального права» [16, с. 331].

Исследуя усмотрение, А. Барак замечает, что «ни о каком усмотрении не может идти речи, если выбор должен производиться между законным актом и незаконным» [9, с. 301]. Исходя из этого, выбор, осуществляемый судом, должен проводиться только среди законных вариантов решения.

К.П. Ермакова отмечает, что усмотрение как правомочие суда вытекает из таких положений законодатель-

ства, как «суд вправе», «суд может», и подобных формулировок управомочивающего характера [12, с. 96].

Полагаем, что заслуживает поддержки позиция тех авторов, которые раскрывают понятие «судейское усмотрение» через категорию «полномочие». По нашему мнению, проведенный анализ показывает, что судебское усмотрение существует лишь в рамках норм действующего законодательства и, соответственно, представляет собой правомочие лица, наделенного установленной нормами права властью.

К сожалению, содержание понятия «пределы судебного усмотрения» действующим законодательством не раскрывается, является оценочной категорией [8, с. 22], что в практической деятельности может служить источником появления ошибок, как неумышленных, так и совершенных с умыслом, проявления злоупотреблений, «судейского произвола».

Полагаем, что в связи с этим, является целесообразным предложенное выше определение этого явления закрепить законодательно.

Применительно к рассмотрению споров о расторжении брака в судебном порядке судебное усмотрение, основанное на внутреннем убеждении, может проявляться в определении одного из супругов, с кем после расторжения брака будут проживать несовершеннолетние дети, в отложении судебного разбирательства для примирения супругов, в определении размера алиментов и родителя, с которого алименты будут взыскиваться, в проведении раздела имущества супругов, в установлении размера содержания, которое имеющий право на его получение супруг сможет получать от другого супруга.

Частью 2 статьи 22 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — «СК РФ») [1] установлено, что при отсутствии согласия одного из супругов на развод суд вправе отложить судебное разбирательство и предоставить срок для примирения супругов в пределах трех месяцев. Следовательно, судебное усмотрение проявляется в данной ситуации при предоставлении или отказа в предоставлении срока для урегулирования семейного конфликта. Обратим внимание на то, что Верховным Судом Российской Федерации [6] расширяются границы судебного усмотрения в данном вопросе. Так, судья по собственному усмотрению управомочен несколько раз откладывать разбирательство по делу для примирения супругов, но с учетом того, что общий срок для примирения не может быть больше трех месяцев. Урегулирование спора о расторжении брака в установленные сроки может осуществляться супругами самостоятельно за счет собственных возможностей либо пу-

тем проведения процедуры медиации в соответствии со статьей 153.5 ГПК РФ. При этом судья откладывает судебное заседание для проведения медиации не по собственной инициативе, а исключительно по ходатайству сторон. Судебное усмотрение не допускается также при принятии определения об отложении судебного разбирательства для проведения медиации: если стороны просят суд о предоставлении времени для проведения примирительных процедур, отказ в проведении медиации не допускается. Однако в соответствии со статьей 169 ГПК РФ суд вправе сократить двухмесячный срок для проведения медиации, в чем и будет выражаться судебное усмотрение. Также стоит иметь в виду, что судебное усмотрение ограничивается в решении вопроса о сокращении срока для примирения: во-первых, сокращение срока допускается по просьбе сторон, во-вторых, для сокращения такого срока требуется указание в определении мотивов принятия такого решения.

Судебное усмотрение играет важную роль в вопросе определения порядка проживания несовершеннолетних детей после расторжения брака. Если соглашение между супругами о проживании несовершеннолетнего ребенка не достигнуто, то в силу части 3 статьи 65 СК РФ такой вопрос будет разрешаться судом. На усмотрение судьи остается оценка привязанности ребенка к каждому из родителей, их личностных и моральных качеств, их способности всеми средствами удовлетворять потребности ребенка, особенностей занятости каждого из родителей, их текущее семейное положение и пр. По устоявшемуся в обыденном правосознании мнению, разрешение вопроса о проживании ребенка совершается в пользу матери, указание на распространенность данного подхода в судебной практике содержится также в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. Однако такой подход не является обязательным ни с точки зрения семейного законодательства, ни с точки зрения позиции Верховного Суда Российской Федерации. Также стоит учитывать имеющееся ограничение судебного усмотрения в данном вопросе: суд обязан учитывать мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, при разрешении вопроса о проживании последнего с тем или иным родителем.

Установление родителя-плательщика алиментов и определение их размера также решаются на основе судебного усмотрения при недостижении между супругами соглашения. Семейным законодательством установлены общие соотношения суммы алиментов и дохода плательщика в зависимости от количества детей, вместе с тем делается оговорка о том, что по усмотрению суда размер алиментов может быть увеличен или

уменьшен. Тем не менее, на судебное усмотрение в данном вопросе должны оказывать влияние такие обстоятельства, как наличие у плательщика алиментов иных иждивенцев, его доход, состояние здоровья, а также состояние здоровья ребенка, в пользу которого производится взыскание алиментов и пр. Неполный перечень таких обстоятельств установлен актом Верховного Суда РФ [7].

При отсутствии между супругами соглашения о разделе общей совместной собственности, такой раздел осуществляется судом. Судебное усмотрение в данном вопросе проявляется в: 1) возможности отступления от начал равенства при разделе общего имущества супругов; 2) возможности признания нажитого в период брака имущества собственностью одного из супругов; 3) возможности отнесения приобретенного в период брака имущества к категории личного имущества супруга. Так, при решении вопроса о неравном распределении долей в общем имуществе супругов суд по собственному усмотрению устанавливает неуважительные причины неполучения доходов одним из супругов, а также определяет действия в ущерб интересам семьи, сопряженные с распоряжением общим имуществом. Для признания общего имущества супругов личной собственностью одного супруга суд в соответствии с внутренним убеждением устанавливает фактическое прекращение семейных отношений, выявляет те обстоятельства, которые говорили о фактическом отсутствии семьи. Отнесение общего имущества к категории личного и наоборот осуществляется преимущественно в контексте драгоценностей и предметов роскоши. Поскольку единообразных критериев драгоценностей и предметов роскоши в законодательстве нет, то суд с учетом фактического имущественного положения семьи устанавливает, чем в данной конкретной ситуации является тот или иной предмет: вещь индивидуально-пользования — личной собственностью, не подлежащей разделу, или предметом роскоши — общей собственностью, подлежащей разделу при расторжении брака.

Категории бывших супругов, имеющих право на получение алиментов после расторжения брака, в СК РФ установлены. Однако в Кодексе отсутствует не только указание размера алиментов, но и некоторые пропорции в зависимости от дохода, как в случае с алиментами на несовершеннолетних детей. Данное обстоятельство способствует проявлению судебного усмотрения в данном вопросе. Так, согласно статье 91 СК РФ размер алиментов определяется в твердой денежной сумме. Судебное усмотрение заключается в учете судьей в соответствии с внутренним убеждением имущественного и семейного положения плательщика алиментов, а также иных обстоятельств, которые суд считает важными.

В заключении заметим, что определение места судебного усмотрения при рассмотрении споров о расторжении брака зависит как от его соотношения с объективностью и беспристрастностью при оценке обстоятельств дела, так и от интересов иных участников процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1391.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (Дата обращения: 21.09.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286361/ (Дата обращения: 21.09.2021).
8. Артебякина Н.А. Судебное усмотрение в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 3. С. 21–25.
9. Барак А. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 2009. 376 с.
10. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук / Л.Н. Берг. Екатеринбург, 2008. 202 с.
11. Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Березин. Нижний Новгород, 2007. 25 с.
12. Ермакова К.П. Понятие и субъективные пределы судебного усмотрения / К.П. Ермакова // Журнал российского права. 2009. № 8 (152). С. 91–98.
13. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 51–57.
14. Марков П.В. Правовая природа и условия осуществления судебного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.
15. Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 23 с.
16. Соловых С.Ж. Законность судейского усмотрения // Право и его реализация в XXI веке: Сб. науч. тр. В 2 ч. / Под общ. ред. С.Н. Туманова. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО СГЮА, 2011. Ч. 1. С. 331–337.
17. Треушников М.К. Арбитражный процесс: учебник для ВУЗов. М.: Городец, 2012. 672 с.

© Соколкина Марина Александровна (drimma7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА

Шашкин Александр Андреевич

Аспирант, Российский университет транспорта
(МИИТ) Юридический институт, Москва
Shashkin1@list.ru

LIABILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES FOR USE OF THE AIRSPACE

A. Shashkin

Summary. The article highlights the features of responsibility for violation of the rules for the use of airspace. The relevance of the study lies in the fact that violations of the established rules can lead to grave consequences in the form of harm to life or health, but the mechanism of bringing to responsibility cannot be called perfect. As a result, the identification of problems and the development of ways to solve them are relevant. The foregoing predetermined the scientific significance of this study. The aim of the study is to analyze issues related to prosecution for violation of the rules for the use of airspace, the main method is the formal legal method and the method of system analysis. The article was written using literature in the form of articles on the relevant topic and monographic publications, the current legislation was actively applied. The study revealed that the current legislation in this area is hardly perfect, which predetermines the need for its improvement. Against this background, the conclusion is formulated and substantiated that it is advisable to supplement and amend the legislation taking into account the recommendations set out in this article. It is suggested that this will also reduce the number of crimes in the considered area.

Keywords: air space, flight, unmanned aerial vehicle, a responsibility, permission.

Аннотация. В статье освещаются особенности ответственности за нарушение правил использования воздушного пространства. Актуальность исследования заключается в том, что нарушения установленных правил могут повлечь тяжкие последствия в виде причинения вреда жизни или здоровью, однако механизм привлечения к ответственности нельзя назвать совершенным. Как следствие, актуальностью обладает выявление проблем и разработка путей их решения. Вышесказанное предопределило научную значимость данного исследования. Целью исследования является анализ вопросов, связанных с привлечением к ответственности за нарушение правил использования воздушного пространства, основным методом является формально-юридический метод и метод системного анализа. Статья была написана с использованием литературы в виде статей соответствующей тематики и монографических изданий, активно применялось действующее законодательство. В рамках исследования было выявлено, что действующее законодательство в указанной сфере едва ли является совершенным, что предопределяет необходимость его совершенствования. На этом фоне формулируется и обосновывается вывод о том, что дополнение и изменение законодательства целесообразно проводить с учетом рекомендаций, изложенных в данной статье. Высказывается предположение, что это также позволит снизить количество преступлений в рассмотренной области.

Ключевые слова: воздушное пространство, полет, беспилотный летательный аппарат, ответственность, разрешение.

Введение

Ответственность за нарушения правил использования воздушного пространства на современном этапе развития регламентируется ст. 271.1 Уголовного кодекса РФ (далее-УК РФ), введенной в состав уголовного законодательства относительно недавно, в 2011 году [1]. Так, в соответствии с данной статьей, использование воздушного пространства Российской Федерации без разрешения в случаях, когда данное разрешение требуется в соответствии с законодательством, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет с обязательным лишением заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должност-

сти сроком до трех лет. Также данное деяние имеет квалифицированный состав, правовыми последствиями которого будет являться смерть двух или более лиц (по неосторожности). За квалифицированный состав санкция ужесточается и будет представлять собой лишение свободы на срок до 7 лет и лишением права заниматься определенной деятельностью и занимать определенные должности сроком до трех лет.

Результаты

Представляется, что внедрение данного состава преступления в текст Уголовного кодекса РФ во многом обусловлено тем, что нарушение правил в сфере использования воздушного пространства нашей страны может порождать весьма опасные последствия, в част-

ности, причинение тяжкого вреда здоровью или смерть граждан, что прямо указано в диспозиции ст. 271.1 УК РФ. Как следствие, в качестве объекта данного преступления стоит рассматривать безопасность использования воздушного пространства РФ, под которой стоит понимать характеристику установленного порядка использования воздушного пространства РФ. В свою очередь, объективной стороной будет использование воздушного пространства без разрешения, если такое разрешение являлось объективной необходимостью. Отсюда возникает закономерный вопрос: что необходимо понимать под использованием воздушного пространства и какое использование будет образовывать состав преступления и выступать в качестве основания для привлечения к ответственности? Полагаем, что использование в этом контексте представляет собой деятельность, в рамках которой осуществляется перемещение в воздушном пространстве различных объектов материального мира и строительство ряда сооружений [3, с. 136]. Так, к объектам объективной действительности относятся воздушные суда или, например, ракеты. Кроме того, под использованием воздушного пространства в указанном случае стоит понимать деятельность, в рамках которой происходят электромагнитные и иные излучения, проведение взрывных работ, ухудшение видимости, необходимой для полетов. В связи с этим, использованием воздушного пространства может являться любая деятельность, которая представляет угрозу безопасности воздушного движения. Применительно к составу преступления, указанного в ст. 271.1 УК РФ, данная деятельность должна осуществляться без необходимого разрешения. Ярким примером такой ситуации является незаконное использование беспилотных летательных аппаратов, так как в случае, если их эксплуатация привела к последствиям, которые указаны в ст. 271.1 УК РФ, применению будут подлежать те меры ответственности, которые указаны в данной статье. Очевидно, что вся деятельность, речь о которой ведется в рассматриваемом нами случае, может быть ограничена или запрещена.

Также рассматривая особенности ответственности за нарушение прав использования воздушного пространства стоит отметить, что использование воздушного пространства за пределами РФ, но на тех территориях, которые являются подконтрольными нашей стране и при наступлении последствий, указанных в ст. 271.1 УК РФ, также является наказуемым, но к ответственности виновные лица будут привлечены в соответствии с требованиями, которые содержатся в Конвенции о международной гражданской авиации.

Решая вопрос о привлечении к ответственности за совершение указанного деяния также стоит обращать внимание на то, что воздушное пространство

на территории нашей страны дифференцируется на определенные виды, а решающее значение имеет тот факт, в какой конкретно разновидности воздушного пространства была осуществлена деятельность, угрожающая безопасности полетов. Так, класс воздушного пространства «А» означает, что в данном пространстве разрешены полеты, однако выполняться они должны только по правилам полетов по специальным приборам. Как следствие, все воздушные суда, которые летают в данном пространстве обеспечены диспетчерским обслуживанием и не ограничены в скорости полетов. Представляется вполне естественным, что в данном пространстве полеты будут выполняться при наличии разрешения на использование воздушного пространства. В свою очередь, в воздушном пространстве класса «С» разрешаются полеты, которые будут выполняться по правилам полетов по приборам, а также по правилам визуальных полетов. Отличие от класса «А» состоит в том, что в этом случае применимы ограничения в скорости, которая не может составлять более 450 км/ч. Также существует воздушное пространство класса «G», в рамках которого разрешены полеты, на осуществление которых не требуется разрешение на использование воздушного пространства и в отношении которых ограничения скорости не применяется. Как следствие, если самолет, не имеющий допуска для полетов в воздушном пространстве класса «А», будет замечен в указанном воздушном пространстве, лица, ответственные за этот полет вполне могут быть привлечены к ответственности по ст. 271.1 УК РФ. Одновременно с этим, в рамках привлечения к ответственности в указанных случаях стоит учитывать исключения, которые предусмотрены в федеральных правилах. Так, в соответствии с данным документом, не обязательно получать разрешение на полет или на проведение работ в воздушном пространстве класса «А» и «С» в следующих случаях. Во-первых, при отражении воздушного нападения и вторжения на территорию РФ. Во-вторых, в случае пресечения или предотвращения нарушения государственной границы РФ и защиты (охраны) ее экономических интересов. В-третьих, в случае пресечения или раскрытия преступлений и оказании помощи в чрезвычайных ситуациях (техногенного или природного характера). В-четвертых, если воздушное пространство было использовано для поиска и для спасания пассажиров и экипажей воздушных судов, которые терпят или потерпели бедствие, для поиска и эвакуации с места посадки космонавтов и спускаемых космических объектов и их аппаратов. И, наконец, в-пятых, при использовании воздушного пространства данных классов в целях предотвращения и пресечения нарушений правил использования воздушного пространства. Как следствие, использование воздушного пространства в целях, указанных выше, состав преступления, предусмотренный ст. 271.1 УК РФ не образует

и не порождает привлечение задержанных лиц к ответственности.

Что касается выдачи разрешений на использование воздушного пространства, то ее выдачей занимаются органы обслуживания воздушного движения, причем указанный орган занимается выдачей разрешений и на эксплуатацию беспилотных летательных аппаратов (далее БПЛА) и на осуществление деятельности, рассмотренной выше. Очевидно, что полет или осуществление деятельности, угрожающей безопасности полетов, в отсутствие данного разрешения является основанием для привлечения лиц к ответственности (при наступлении последствий, указанных в санкции ст. 271.1 УК РФ).

Представляется, что субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной формой вины. Характеристика прямого умысла содержится в ч. 2 ст. 25 УК РФ. Так, в соответствии с данным пунктом, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Из данного определения можно выделить три основных признака прямого умысла. Во-первых, в данном случае лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия). Во-вторых, лицо предвидит возможность или неизбежность последствий. И, наконец, в-третьих, лицо желает наступления данных неблагоприятных последствий. Полагаем, что первые два признака характеризуют интеллектуальную сферу психической деятельности, в то время как третий признак, представленный в виде желания наступления преступных последствий — волевою сферу. Таким образом, интеллект отражает и воспроизводит реальность, в то время как воля показывает отношение лица к происходящим событиям. Как следствие, лицо должно осознавать, что его действия создают угрозу для безопасности полетов так как нарушают правила использования воздушного пространства, однако желает наступления таких последствий, например, осознанно нарушая правила использования воздушного пространства РФ. Одновременно с этим, цель и мотив этого преступления не будут оказывать влияния на его квалификацию, что важно учитывать в рамках решения вопроса о привлечении к ответственности.

Обсуждение

Несмотря на то, что правила использования воздушного пространства установлены на законодательном уровне и применяются на территории нашей страны достаточно давно, на современном этапе развития можно

наблюдать различные спорные и проблемные аспекты в сфере привлечения к ответственности по ст. 271.1 УК РФ. Рассмотрим данные проблемные моменты более детально.

Так, первым проблемным моментом видится то, что в настоящее время нет легального определения понятия «беспилотный летательный аппарат», однако владельцы именно этих агрегатов становятся самыми частыми нарушителями правил использования воздушного пространства. Однако как привлечь к ответственности владельца этого аппарата в отсутствие критериев отнесения того или иного аппарата к беспилотным? Умалить значимость данной проблемы было бы ошибочным, а ее наличие подтверждается в научной литературе. Так, как справедливо отмечает А.И. Чучаев, «определение, которое сегодня содержится в Воздушном кодексе РФ едва ли можно признать в качестве разработанного и исчерпывающего, так как им не охвачены виды летательных аппаратов, в том числе, тех, которые имеют смешанную систему управления» [4, с. 181]. Не согласиться с этой точкой зрения весьма затруднительно. Как следствие, необходимостью является разработка и последующее закрепление в действующем законодательстве определения понятия «беспилотный летательный аппарат».

Вторым проблемным аспектом выступает то, что на современном этапе развития не закреплены требования к согласованию маршрутов БПЛА в связи с чем, они не только часто нарушают правила использования воздушного пространства, но и уходят от ответственности в связи с тем, что требования относительно к оборудованию БПЛА и их маршруту сегодня не установлены. Это явно свидетельствуют о необходимости внесения изменений и дополнений в Воздушный кодекс РФ (далее-ВК РФ) [2].

Следующий проблемный аспект состоит в том, что в настоящее время не установлена ответственность за нарушение порядка программирования БПЛА и контроля над тем, каким образом программные средства обеспечивают функционирование БПЛА. Полагаем, что этот момент требует дальнейшего научного осмысления и последующего законодательного закрепления [5, с. 24].

Заключение

В завершении стоит отметить, что судебная практика по данному вопросу в нашей стране не сформирована, в связи с чем, суды могут испытывать определенные трудности при рассмотрении дел данной категории. Однако целесообразно предположить, что на фоне планомерного совершенствования действующего законодательства, количество указанных

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N25. — Ст. 2954.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N60-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — N12. — Ст. 1383.
3. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. — М.: Проспект, 2020—208 с.
4. Чучаев А.И. Транспортные преступления: проект новый-недостатки старые // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 10 (107). — С. 172—190.
5. Ямщиков В.А. Беспилотные летательные аппараты // Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития. — 2019. — № 5. — С. 22—25.

© Шашкин Александр Андреевич (Shashkin1@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Arnst A. — Lecturer, Institute of Business Career, Moscow
justwerbung@mail.ru

Borobov V. — Doctor of Economics, Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin; Financial University under the Government of the Russian Federation
vborobov@mail.ru

Gamsakhurdiya O. — Candidate of Economic Sciences, associate Professor, Mytishchi branch of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (National Research University)»
Ole4kamoskow@mail.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Istomina N. — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics
n_istomina_usue@mail.ru

Kapustina L. — Lecturer, Saint Petersburg University of the MIA of Russia
liliakapustina90@gmail.com

Kozlov A. — Lecturer, The State University of Management, Moscow
antonkozlov3000@yandex.ru

Krasilschikov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
krasilschikov@inbox.ru

Krytsula A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North Caucasian branch Russian State University of Justice
aakrytsula@gmail.com

Kuznetsova N. A. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuz1503@yandex.ru

Kuznetsova N. V. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Lomakina A. — Graduate student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alinalomakina90@yandex.ru

Lukyanova A. — Doctor of Economics, docent, Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow
avlukyanova@yandex.ru

Manucharian A. — Postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Arsen803366@gmail.com

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Nazarenko E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University, Mytishchi branch
Lena1409@yandex.ru

Ovchinnikov A. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Russian University of Transport» (MIIT)
alexovchinnikov@mail.ru

Petrovsky N. — Candidate of Law, Associate Professor, Lawyer of the St. Petersburg College of advocates, LC №52
pnkspb5@mail.ru

Petrozhitskiy V. — St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
petrozhitskiy97@mail.ru

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lilya2012@yandex.ru

Safonov V. — Candidate of Law, Associate Professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg); federal judge (in the office)
svn205@gmail.com

Shashkin A. — Graduate student, Russian University of Transport (MIIT) Institute of Law, Moscow
Shashkin1@list.ru

Sheina E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics
shekat@mail.ru

Skvortsova Yu. — Senior Lecturer at the Department of Civil Law, SredneVolzhsky Institute (branch), All-Russian State University of Justice, (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saransk
juliyav777tt@mail.ru

Sokolkina M. — Ural branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice», Chelyabinsk
drimma7@mail.ru

Val'kova Tat'yana V.,—candidate of law, associate professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia

Vnukovsky N. — Doctor of Economics, Professor, Ural State Transport University
Vnukovsk@ya.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).